

В. М. Арнольди

ПО ОСТРОВАМ
МАЛАЙСКОГО
АРХИПЕЛАГА

*Впечатления и наблюдения
натуралиста*

Мир
глазами россиян

Юго-Восточная Азия

Владимир Митрофанович
АРНОЛЬДИ

В. М. Арнольди

ПО ОСТРОВАМ МАЛАЙСКОГО АРХИПЕЛАГА

*Впечатления и наблюдения
натуралиста*

Москва
Минувшее
Архивариус
2014

Редакционный совет серии «Мир глазами россиян»:

Е.М. Примаков, академик РАН – председатель

Н.А. Симония, академик РАН

А.М. Васильев, чл.-корр. РАН

Р.Б. Рыбаков, чл.-корр. РАН

В.М. Давыдов, чл.-корр. РАН

М.С. Мейер, доктор исторических наук

М.В. Курицын, академик РАН

Е.М. Русаков, кандидат исторических наук

В.В. Савицкий, кандидат экономических наук

Ответственный редактор серии

Е.М. Русаков

Редакционная коллегия по Юго-Восточной Азии:

А.Ю. Другов, доктор политических наук

М.В. Курицын

А.А. Рогожин, доктор исторических наук

В.В. Сумский, доктор исторических наук

Научный редактор

А.Ю. Другов

Издание осуществлено совместно
с ООО АКЦ «Стратегические изыскания»

© Вступительная статья А.Ю. Другов, В.В. Савицкий, 2014

© Комментарии, примечания А.Ю. Другов, Е.М. Русаков, 2014

© К. А. Зубченко, оформление, 2014

© Минувшее, 2014

© Архивариус, 2014

Предисловие

Путевые записки профессора ботаники Харьковского университета Владимира Митрофановича Арнольди (1871–1924) о его научной командировке в Нидерландскую Индию в 1908–1909 годы увидели свет через два года после возвращения ученого на родину.

На протяжении четырнадцати лет это была третья книга о путешествии на Яву и другие острова Малайского архипелага, вышедшая в России. В 1897 году была опубликована книга О.А. Щербатовой «В стране вулканов. Путевые заметки на Яве 1893 г.», за ней в 1902 году последовала книга М.М. Бакунина «Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява».

Записки В.М. Арнольди стоят несколько особняком в чреде книг об этой далекой, обширной и тогда еще мало известной российскому читателю стране. Их автор в своем восприятии и изложении не был связан ни официальным положением российского консула в Батавии М.М. Бакунина, ни сословным самоощущением, нет-нет да пробивавшимся под пером княгини О.А. Щербатовой. Профессор Арнольди скорее представлял разночинную земскую интеллигенцию (его отец был врачом в городе Козлове Тамбовской губернии), которая к началу XX века уже составляла основной костяк людей отечественной науки, да и вообще наиболее деятельную часть образованных слоев населения России*.

* В 2001 г. издательство «Наука» в серии «Научно-биографическая литература» выпустило в свет в Москве книгу «Владимир Митрофанович Арнольди» (авторы — Л.В. Алексеев, Г.А. Белякова, В.А. Поддубная-Арнольди). Биография ученого написана его учениками и последователями на основе многочисленных оригинальных документов и воспоминаний и проникнута чувством любви и трепетного уважения к личности, трудам, нелегкой, часто драматической жизни Владимира Митрофановича. Остается

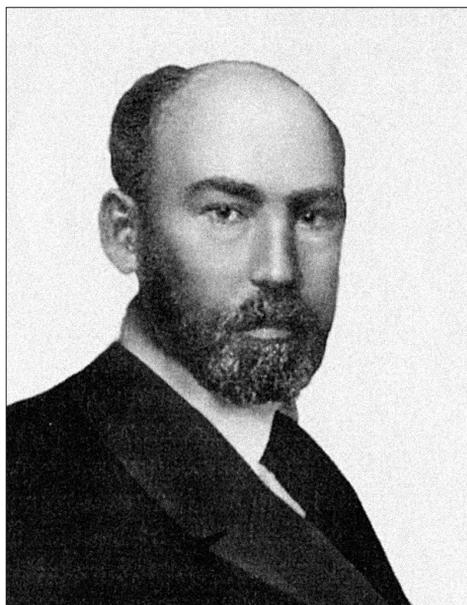

Ольга Ивановна Арнольди — жена и ближайший сотрудник
В. М. Арнольди (1911, Париж).

Ко времени поездки в тропики за плечами 37-летнего ученого уже были несколько трудов по биологии растений, докторская диссертация, несколько зарубежных командировок и экспедиций по России и семь лет преподавательской деятельности, в том числе и в Харьковском университете, куда он был приглашен в 1903 году в качестве профессора кафедры ботаники. Кроме того, в Харькове он возглавлял педагогический совет гимназии общества трудящихся женщин и организовал Высшие женские курсы. Деятельной сотрудницей в этих делах была его жена Ольга Ивановна.

Путевые записки В. М. Арнольди проникнуты интеллигентностью, доброжелательностью к людям без различия чина, звания, расы и вероисповедания. Каждый, кто возьмет в руки эту книгу, найдет в ней для себя немало нового и интересного, хотя целое столетие отделяет нас от описываемого времени. Впечатления автора отличаются широтой интересов, объективностью и стереоскопичностью восприятия, которые есте-

сожалеть о том, что малый тираж (340 экз.) сделал эту книгу библиографической редкостью сразу после выхода в свет. Биография В. М. Арнольди стала ценным вкладом в историю российской науки и формирования отечественной интеллигенции.

В. М. Арнольди — профессор МГУ, член-корреспондент А. Н. СССР
(последний снимок, 1923 г.).

ственно сочетаются с изящным стилем изложения. Эти черты авторского стиля присутствуют повсеместно — будь то профессионально обстоятельные заметки о биологических наблюдениях, которые с немалым удовольствием прочтет даже человек, не специализирующийся в ботанике, описание великолепного ботанического сада в Бейтензорге (ныне — Богор) или детали повседневного быта, культуры, труда, нравов, обычаев и верований жителей различных районов Нидерландской Индии. Его книга по сей день остается ценным источником сведений о колониальном периоде истории Индонезии, как после обретения независимости 17 августа 1945 года стала официально называться бывшая колония Нидерландов.

Здесь нужно сделать одно уточнение. На страницах своей книги В. М. Арнольди постоянно употребляет термин «малайцы» для обозначения жителей Нидерландской Индии. Он следовал распространенной в то время традиции, связанной прежде всего с названием Малайского архипелага, на островах которого расположена нынешняя Индонезия. Строго говоря, этнические малайцы составляют лишь очень небольшой процент населения страны. Это отчасти прослеживается и по запискам В. М. Арнольди, аккуратно перечислявшего этносы, насе-

ляющие те районы страны, которые он посещал. Но малайский язык, о котором автор часто упоминает, уже тогда был средством межэтнического общения, а в независимой республике, значительно обогащенный и упорядоченный, стал государственным, национальным индонезийским языком.

Поездка В. М. Арнольди и его спутников по островам Инсулинды (островной Индии, как иногда называли нынешнюю Индонезию) совпала с тем периодом истории страны, когда традиционные примитивные методы ее колониальной эксплуатации исчерпывали себя и в политической элите метрополии на какое-то время взяли верх сторонники так называемого этического курса. Они исходили из необходимости более интенсивного и разностороннего развития колонии в экономическом и социальном отношениях, выступали за некоторое, правда, довольно ограниченное приобщение ее населения к ценностям европейской цивилизации и хотя бы частичное возмещение тех богатств, которые были присвоены голландцами за годы колониального владычества. В это же время и в самой колонии наступает период, который войдет в индонезийскую историю как «национальное пробуждение». В 1908 году была создана первая национальная организация «Высокая цель» («Буди Утомо»), ставившая своей задачей утверждение для жителей колонии равных с голландцами прав на образование и, в более широком плане, на то, чтобы пользоваться всеми благами мировой цивилизации. Возможно, что именно эти настроения, в некоторой мере проникавшие и в среду голландского колониального чиновничества, создали у либерально настроенного русского ученого несколько идеализированное представление о благих намерениях метрополии, чем и объясняются его немногочисленные, но вполне положительные отзывы о политике Голландии в ее колонии. Как писала советская исследовательница Е. И. Гневушева, посвятившая несколько работ русским путешественникам, посетившим Индонезию, В. М. Арнольди был типичным представителем той либеральной интеллигенции, которая уповала на культуртрегерскую миссию «народа высокой культуры по отношению к народам, находящимся на низкой ступени общественно-экономического развития»*.

Но это отнюдь не мешало зоркому глазу ученого-путешественника подмечать проявления угнетенного положения коренных жителей колонии, включая вопиющее неравенство в оплате труда с белыми господами. И вообще, Владимир Митрофанович отнюдь не считал, что Инсулинде суждено

* Е. И. Гневушева. В стране трех тысяч островов. (Русские ученые в Индонезии). М., 1962, с. 180.

вечно обретаться в орбите нидерландской короны. То тут, то там на страницах его записок мы находим такие высказывания: «Малайцы — очень симпатичный народ и должны быть отнесены к богато одаренным расам, которых ожидает лучшая будущность в сравнении с настоящим их подчиненным положением». И еще: «Много можно было бы найти примеров, указывающих на одаренность малайского племени и подтверждающих общую мысль о возможности для него лучшего будущего. Уже теперь почти все второстепенные должности мелких чиновников, фельдшеров и т. п. заменяются малайцами, а когда им будет дана возможность получать более широкое образование и развитие, они скоро смогут обходиться без помощи европейских учителей». Добавим, что на деле голландцы мало способствовали прогрессу в этом отношении, но, как бы то ни было, очень немногие из современников В. М. Арнольди обладали широтой взглядов, достаточной для подобных предсказаний.

Может быть, это объясняется тем, что, работая в Индонезии и с индонезийцами, путешествуя по отдаленным островам, ученый имел гораздо более широкий диапазон общения с местным населением, чем некоторые другие путешественники, чьи знакомства нередко ограничивались плутоватой, как и во всем мире, прислугой, корыстолюбивым чиновничеством и надменной туземной аристократией. Не случайно В. М. Арнольди проявляет живой интерес и уважение к труду простых людей, будь то процесс возделывания риса, строительство дома или использование бамбука в хозяйстве.

Владимира Митрофановича увлекает национальная культура индонезийцев. Читатель с интересом познакомится в его описании с традиционным яванским оркестром гамелан и традиционным же театром ваянг во всех его разновидностях. Ученый проникательно замечает, что настоящее научное исследование этого театра позволит многое понять в древней истории Явы. И совсем удивительно его предвидение: «Когда на Яве настанет время пробуждения и независимого существования, куклы ваянга сыграют немалую роль в укреплении национального единства у малайцев».

Неоднократно Владимир Митрофанович возвращается к беспокоившей его мысли о том, что население Малайского архипелага теряет свою самобытность, подлаживаясь к «европейско-китайской культуре», что заморская культура быстро вытеснит яванские обычаи и жизнь перейдет «на общий шаблон». К счастью, ученый, как показала впоследствии жизнь, был больше прав, когда писал о том, что традиционное искусство будет играть свою роль и после достижения страной независимости. И театр ваянг во всех его жанрах, и оркестры гамелан и анклунг,

и национальные танцы по сей день бережно сохраняются и культивируются в современной Индонезии, которая в 2010 году отметила 65-летие своего независимого существования. Представления традиционного театра, как правило, в сопровождении гамелана, сегодня можно видеть и на деревенской площади темным тропическим вечером, и в фешенебельном зале столичного отеля.

Но содержание записок В. М. Арнольди отнюдь не исчерпывается тем, что он рассказывает о своем путешествии по экзотическим островам. Весьма актуально звучат тревожные размышления русского патриота о недостаточном развитии Сибири, его сетования на то, что в поездке по чужим странам он встречал товары, произведенные где угодно, только не в России. Дар политического предвидения проявляет автор в своих рассуждениях о перспективах развития Японии и Китая и возможных последствиях, которые этот процесс может иметь для России.

Как представляется, записки В. М. Арнольди весьма интересны и как документ к характеристике русского общества начала XX века. Это если и не полный портрет, то, во всяком случае, яркий и запоминающийся эскиз к портрету русского интеллигента того времени — вдумчивого, работающего, увлеченного своей профессией, легко мирящегося с бытовыми неудобствами*, гуманного, широко и свободно мыслящего патриота. Его познания и научная репутация были столь высоки, что во время пребывания на Яве ученому предлагали организовать лабораторию по изучению и выращиванию табака. Хотя материальные условия были весьма соблазнительными, Владимир Митрофанович отказался. Этот эпизод свидетельствует не только о патриотизме В. М. Арнольди, но и об общем высоком уровне русской биологической науки начала XX века.

По возвращении в Россию Владимир Митрофанович возобновил преподавательскую деятельность. Невзгоды гражданской войны заставили его в 1919 году перебраться из Харькова в Екатеринодар (Краснодар). Там, в то трудное время он продолжает активно работать, сочетая преподавание в Кубанском политехническом институте и Институте водного хозяйства с изучением флоры Кубанского края.

С 1922 года В. М. Арнольди — профессор Московского университета и Петровской сельскохозяйственной академии (ныне

* В. М. Арнольди был опытным путешественником, посетившим не только вполне «комфортабельные» Данию, Швейцарию, Францию, Германию и Англию, но и Балкарию, Кольский полуостров, Кандалакшу, Белое море, Соловецкие острова.

имени К. А. Тимирязева). Несмотря на ухудшающееся здоровье, он совершает в 1923 году свою последнюю научную экспедицию на Черном море. В том же году он, основатель русской школы альгологии (науки о водорослях), воспитавший плеяду учеников и последователей, был избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР.

Владимир Митрофанович Арнольди скоропостижно скончался в Москве 22 марта 1924 года, неполных 53 лет.

Предлагаемое ныне вниманию читателей издание записок В. М. Арнольди «По островам Малайского архипелага» является третьим. Первое вышло в Москве в 1911 году, второе – еще при жизни автора, в 1923 году, претерпев некоторые изменения в сравнении с оригиналом, как на это указывал В. М. Арнольди в своем предисловии.

В издание 2010 года редакцией внесены некоторые уточнения, касающиеся написания географических названий, которые даются, как правило, в том виде, в каком они присутствуют на современных картах. В частности, уточнено написание и звучание некоторых местных названий в Индонезии, а также некоторых личных имен. Это прежде всего относится к сочетанию звуков «дж», которое автор передавал в соответствии с тогдашним написанием как «дь», и к звуку «ч», который передавался как «ть». Почти все постраничные сноски принадлежат редакции, за исключением нескольких примечаний, сделанных автором, что в каждом случае специально оговаривается.

*Другов А. Ю.,
доктор политических наук.
Савицкий В. В.,
кандидат экономических наук,*

Предисловие автора ко 2-му изданию

Книга «По островам Малайского Архипелага» была весьма благосклонно встречена критикой как после своего появления (см. «Русские Ведомости», «Вестник Европы» 1912 г.), так и через десять лет после своего выхода, когда она была отмечена комиссией специалистов при Научно-Попул. Отделе Гос. Издат. для переиздания. К сожалению, ни автор, ни издательство не могут дать нового издания в том виде, как бы они этого желали — пришлось не только не увеличить количество рисунков, но даже сильно уменьшить его, и не явилось возможности дополнить сведения об Аруанском архипелаге новейшими данными Мертона, так как в Москве не нашлось этого сочинения. Большинство рисунков сохранены прежние, но есть и несколько новых; все же старые пересняты с оригиналов, а не со старых клише, которые, как кажется, погибли.

*В. Арнольди.
Москва, май 1922 года.*

Введение

Между юго-восточной оконечностью Азии и материком Австралии расположена единственная в своем роде страна — Малайский архипелаг, — страна человекоподобных обезьян, оранга и гиббона, и райских птиц, как назвал ее один из знаменитейших ее исследователей — Альфред Р. Уоллес.*

В состав этого архипелага входит ряд Зондских островов, огромных осколков континента, напоминающих по своей природе юго-восточную Азию. С ними граничат Молуккские острова, или Пряные, упирающиеся в далекую и таинственную Новую Гвинею, одну из наименее исследованных областей земного шара. Цепь Малых Зондских островов и группа острова Тимора связывают главные острова с Австралийским континентом.

Покрытые роскошными лесами, дающими убежище бесчисленным зверям и птицам, острова Малайского архипелага населены разнообразными племенами людей: то культурными расами с длинной и славной историей, то полудикими или совершенно дикими, вчерашними, а, может быть, еще и нынешними людоедами. Нет другого места на земном шаре, которое в такой степени привлекало бы к себе внимание натуралиста и этнографа, как эта область Инсулинда, лежащая по обе стороны экватора, земли которой омываются водами тропической части Индийского и Тихого океанов.

Рассматривая карту Малайского архипелага, можно заметить, как тесно жмутся друг около друга различные его острова, прильнувшие один к другому, составляя одно целое. Но, несмотря на эту

* Уоллес, Альфред Рассел (1823–1913) — видный английский натуралист, восемь лет (1854–1862) провел на островах Нид. Индии, собрав там богатейшие коллекции фауны. В 1872 г. в русском переводе вышел его труд «Малайский архипелаг. Страна орангутана и райской птицы».

близость, три различных мира встречаются на них. Непроходимые джунгли Суматры и Борнео* оглашаются ревом тигров и пантер, по лесам бродят слоны и носороги, орангутаны и гиббоны строят свои жилища на высоких ветвях лесных деревьев. На Целебесе** уже нет крупных четвероногих и человекоподобных обезьян, а в лесах рядом лежащих Молуккских островов невинное животное кускус заменяет хищников Больших Зондских островов и воздух оглашается криком бесчисленных какаду и других попугаев.

Человеческие племена, населяющие эти области, также резко отличаются друг от друга. На западе, на Зондских островах, живет малайское племя, полудикое в центре Борнео и Суматры, но выработавшее самобытную культуру на острове Яве. На востоке, на островах Кай, Ару, Новой Гвинее, живут папуасские племена, лишь в самое последнее время приобщающиеся к культуре, сохранившие местами свои обычаи и привычки в полной неприкосновенности.

Из этих беглых строк, затрагивающих лишь немногие характерные особенности Малайского архипелага, ясно, какой интерес должен возбуждать он в натуралисте, заветной мечтой которого является желание увидеть этот дивный край, познакомиться с его природой и людьми.

Но, забыв все другие красоты тропического мира, естествоиспытатель, попавший на Малайский архипелаг, спешит скорее в маленький городок Бейтензорг*** на острове Яве, расположенный в 50 километрах от Батавии****, главного города Нидерландской Индии. Там, в Бейтензорге, в Ботаническом саду, единственном в мире по богатству своих коллекций, в уютной лаборатории, среди музеев и библиотек, среди идеальной научной обстановки, он перестает быть простым созерцателем-туристом или, в лучшем случае, собирателем коллекций, а становится исследователем тропической природы, вооруженным всеми методами научной работы. Работа в саду и его лабораториях завершается путешествием по Инсулинде, после которого, возвратившись на родину, в свою обыденную обстановку, натуралист с трудом свыкается с мыслью, что он все лично сам видел и пережил: как будто грезился ему какой-то грандиозный, чудный сон, от впечатлений которого он не может отделаться долгое время. Ему хочется познакомить и других со своими впечатлениями и наблюдениями, и это желание заставляет его опубликовывать свои очерки.

* Современное название — Калимантан.

** Современное название — Сулавеси.

*** Современное название — Богор.

**** Современное название — Джакарта.

Пусть читатель не смотрит на них, как на ученое сочинение, откуда он может получить подробное знакомство с природой Малайского архипелага, — они далеки от этого: они передают личные впечатления, которые иногда преломляются через призму научных данных, в освещении которых становятся интересными и понятными наблюдения, сделанные автором этих очерков.

Но есть еще одно условие, которое побуждает автора выпустить в свет свои воспоминания. Успехи цивилизации быстро двигаются вперед по всем уголкам Инсулинды. Вчерашние людоеды и дикари через какие-нибудь 10 лет уже переходят в полукультурное состояние, а за 25 лет физиономия страны и быт ее обитателей, которых коснулась культура, настолько изменятся, что лишь из описаний путешественников да в обрядах и обычаях можно представить себе то первобытное состояние, в котором находились дикие страны. И скоро лишь дикие дебри Новой Гвинеи будут давать возможность этнографу изучать первобытный образ жизни людей, все же остальное население Малайского архипелага уже теряет свою самобытность, прилаживаясь к европейско-китайской культуре.

Выпуская в свет эти воспоминания, автор руководится и этим желанием: сохранить для читателя описание быта, природы, какими автор нашел их на Малайском архипелаге в 1909 году.

Глава I

От Харькова до Бейтензорга

В конце ноября 1908 г. выехала из Харькова группа путешественников, состоявшая из двух натуралистов и одного любителя, чтобы направиться на остров Яву, в лаборатории Бейтензоргского сада, а оттуда, объехав Азию, через Японию и Сибирь вернуться в Россию.

Быстро промелькнули перед путешественниками покрытые снегом равнины южной и западной России и однообразные картины северной Пруссии.

Намучившись бегом по магазинам Берлина, где необходимо было сделать все нужные для путешествия покупки, мы через Мюнхен направились в Геную, чтобы там сесть на пароход Северо-Германского Ллойда.

Под звуки трескучего немецкого марша отчалил от генуэзской пристани «Lützow», на котором нам предстояло совершить большой переход через Индийский океан до Сингапура. Накануне был сильный ветер, чуть не буря, и пассажиры парохода не ожидали от первого дня путешествия до Неаполя ничего хорошего. Однако, за ночь ветер успокоился, пошел мелкий дождь, и тревожные предзнаменования оказались, к счастью, неисполнившимися.

Несмотря на серую погоду, вид на Геную был очень интересен. Расположенный амфитеатром, город до сих пор сохраняет свое прежнее величие, и старые дворцы его не вполне еще погребены под современными наносами из многоэтажных домов идеального американского типа — «небесных щеток»*. И невольно, глядя на Геную, на старые здания, возвышающиеся над ней, вспоминаешь то время, когда она владычествовала над морями, когда ее рейд был покрыт не современными чудовищами, закры-

* Дословный перевод «skyscraper» (англ.) — небоскеб.

вающими своею копотью синеву неба, а легкими, стройными кораблями. Мне пришлось переехать в Геную из Берлина. Это еще более резко подчеркнуло разницу между тем давним прошлым и современным миром. Тщетно ищет в Берлине глаз путешественника, на чем он мог бы остановиться с глубоким вниманием и интересом. Всюду — современная сверхкультура, которая не имеет ни возраста, ни физиономии, — одно изобретение сменяет другое, удобство и деньги управляют стилем, а художественное чувство в лучшем случае лишь старается вернуться к тому давнему прошлому, которое глядит на нас на улицах старых итальянских городов.

Чем дальше пароход отходил от берега, тем шире становился простор, и скоро здания и виллы, городишки и местечки слились в одну общую зеленую ленту, где, как капли росы, мелькали постройки или белые церкви ближайших местечек. С севера открылись покрытые вечными снегами Савойские Альпы, на восток потянулась цепь Апеннинских гор, с белыми от недавно выпавшего снега вершинами. Сквозь розоватые облака начало просвечивать солнце, освещая дальний берег и медленно волнующееся, еще серо-свинцовое море... Но рожок стюарда возвещает о деле первейшей важности на пароходе — о наступлении второго завтрака, или ленча, и все общество стремится вниз, чтобы там принять участие в поглощении бесконечного числа блюд, составляющих одно из отличий и приманок для туристов на океанских пароходах.

На «Лютцове» едет разнообразное общество. По большей части это — туристы, немцы, американцы и англичане, едущие провести зиму на Цейлоне* или в Индии, с красным Бедкером,** призматическим биноклем и другими знаками отличия современного туриста. Есть также и несколько семейных лиц, направляющихся, очевидно, к месту службы с детьми и туземными китайскими няньками.

Присматриваясь к составу остальной пароходной публики, можно найти целый ряд разных типов. Бесстрастные желтоватые лица китайцев, с длинными косами и наполовину обритой головой, составляют контраст с черными неграми или маврами, белые воротнички и белки глаз которых, а также ослепительно белые зубы придают им вид постоянно улыбающихся людей.

Есть и кое-кто в тюрбанах и широких плащах, но все это ничто в сравнении с тем разнообразием народностей, которое ожидало нас впереди — за Порт-Саидом и Суэцем.

* Ныне Шри-Ланка.

** Название путеводителей по имени основателя издательства К. Бедкера (1801–1859), Германия.

Утро второго дня было ясно. Вдали в тумане вырисовывались неясные очертания итальянского берега, а ближе все определеннее выступали контуры и профили лежащих близ Неаполя островов Прочиды и Иския. Пароход круто завернул на восток и стал входить в Неаполитанский залив. Постепенно во всю ширь открывался перед нами чудный вид на Неаполь; на западе лежал остров Иския, к югу поднимались горы острова Капри, а прямо перед нами амфитеатром поднимался Неаполь со своими зданиями и садами и своим вечным стражем Везувием, вершина которого была закутана густыми облаками. Медленно подходит пароход к пристани, и едва пассажиры сходят с него, как разыгрываются сцены, знакомые всякому, кто бывал в Италии. На туриста, как на раненую дичь, которая не может никуда скрыться, набрасываются всевозможные гиды, предлагая и то, что есть, и то, чего нет, и осаждают туриста до тех пор, пока он не спасется на поджидающий его экипаж или своим хладнокровием не разочарует пылкого итальянца.

Пароход стоит в Неаполе недолго, и не знаешь, куда пойти, что посмотреть.

Едва ли найдется для путешественника другое место Европы, более интересное, чем Неаполь. Везувий с его кратером, потоками лавы, вся область проявлений вулканической деятельности производит на натуралиста неизгладимое впечатление, завлекая его своим величием и побуждая стучаться в тайники природы, чтобы разгадать, что в них скрыто. Мысль каждого невольно переносится к тому далекому прошлому, когда вершина Везувия имела совершенно иную форму, когда еще «*monte Vesuvio*» и «*monte Somma*» * не отделялись друг от друга, а у подножия его процветали города счастливой Кампании — Геркуланум, Помпея и другие. Теперь эти города снова ожили; раскопки открывают жизнь римлян за 20 веков до нашего времени, их быт, их обстановку, и все это так неудержимо влечет к себе, что каждый невольно превращается там в мимолетного историка.

В самом Неаполе туриста привлекают два чуда города: одно — музей с его великолепными собраниями древностей, добытых частью из Помпеи и Геркуланума, частью же собранных из других местностей Италии; другое чудо — Неаполитанский аквариум или *Stazione zoologica*, ** идеальное научное учреждение, ставшее интернациональным, и воздвигнутое трудами и энергией покойного д-ра Дрона.

Не мало натуралистов пережили в этом учреждении лучшие часы своей жизни, когда, освободившись от всяких повседневно-

* Монте-Сомма — наружный конус вулкана Везувий.

** Зоологическая (научная) станция (*итал.*).

ных забот, они могли всем своим существом отдаваться научным изысканиям в обстановке, в высшей степени к тому подходящей...

Но и для туриста этот аквариум является источником огромного наслаждения. В нижнем этаже в больших аквариумах, освещаемых сверху, куда постоянно притекает под напором свежая морская вода, собраны чудеса моря: кораллы, актинии, разнообразнейшие рыбы, раки, среди которых огромные омары, обращают на себя внимание своими клешнями, скаты, осьминоги и, наконец, полупрозрачные сифонофоры, заметные по чудному переливу всеми цветами, пробегающему по их стекловидному телу. И все это подводное царство живет, движется в условиях его домашней обстановки, давая понять и незнакомым с естествознанием людям, какое богатство форм, красок, какое разнообразие заключают в себе морские воды.

С чувством известного удовлетворения вспоминаешь и наши биологические станции Севастопольскую и далекую Мурманскую, если и не такие богатые, как Неаполитанская, то все же крайне интересные и поучительные.

Воспользовавшись коротким временем, чтобы посетить аквариум и музей, и побродив по городу, мы вернулись на пароход, около которого скоро раздались звуки серенады, продолжавшейся до глубокой ночи. Под ее звуки пароход отчалил от берега, чтобы взять курс в Тирренское море.

Погода изменилась на следующее утро: подул холодный ветер, стало облачно, а пароход тем временем приближался к вулканическому острову Стромболи, Вулкано и другим из группы Липарских или Эолийских, которые все вулканического происхождения. Как сахарная голова, поднимается Стромболи из моря, а при его подножии располагается городок того же имени с белыми домами и церковью, с виноградниками и полями, карабкающимися по склону вулкана. Долго ли ему придется существовать или мы будем свидетелями такой же катастрофы, которая уничтожила Помпею и другие города?

Но вот уже показались очертания Сицилии, Тринакрии древних, пароход вступает в узкий, в виде реки, Мессинский пролив. На итальянском берегу видно местечко Скилла. Здесь когда-то божественный многострадальный Одиссей, потеряв часть своих спутников, пожранных жадной Скиллой, лишился корабля, а сам был отнесен к другому чудовищу — Харибде, откуда спасся лишь благодаря особому заступничеству Афины-Паллады. Но, кажется, нашему «Лютцову» не грозят опасности Одиссея: времена изменились, забылся и многострадальный Одиссей; быть может, кроме меня, кто-нибудь и вспомнил о нем, но по разговорам за завтраком, когда мы проходили

по Мессинскому проливу, было заметно, что интересы присутствующих были более в сфере кулинарного искусства. Вдали появляются здания и сады Мессины. Видны церкви и пристань, вдаль уходит тонкая полоса железнодорожного пути, заметная по паровозному дыму, на пристани кипит деятельная жизнь.

Рядом с Мессиной теснятся мелкие местечки и селения, а на итальянской стороне — богатый Реджио, приветливо встречающий мимо проходящий пароход белизной своих домиков и зеленью садов.

Мирная картина не предвещала ничего грозного: ничто не предсказывало, что неделю спустя, другой очередной пароход Северо-Германского Ллойда не сможет пройти через Мессинский пролив, что Мессина и Реджио вместе со своими окрестными деревеньками превратятся в груды развалин от ужасного землетрясения, память о котором так свежа еще у всех.

Пролив расширяется, мы выходим в открытое Ионийское* море, не видно уже берегов. Следующая остановка нас ожидает в стране пирамид, в Египте.

Вот уже двое суток не видно ничего, кроме моря и неба. Мы проехали Ионийское море и спускаемся на юго-восток к Порт-Саиду.

Вчера был неприятный день. Дул сильный ветер, большие волны, как горы, поднимались с моря; на их гребнях выступали меньшие волны, и вся масса росла, чтобы с шумом рассыпаться, оставив после себя лишь клоки морской пены. Какое большое сходство имеют волны с горными хребтами! Так и хочется думать, что начало хребтам дали такие же волны колыхающейся земной поверхности — литосферы.

Многие из пассажиров отсутствовали за вечерним столом.

Воспользуюсь тем, что видно только море и небо, и скажу несколько слов о порядке дня на пароходе.

Ровно в половине восьмого раздаются звуки валторны, наигрывающей какую-то мелодию, всегда одну и ту же и мало гармоничную. Это означает, что пора вставать. Через полчаса снова звук трубы, по которому отворяются двери в столовую, и пассажира ожидает услужливый стюард, предлагающий ему целый список разных блюд, напечатанный на изящной карточке.

Получив желаемое, напившись кофе или чаю и закусив все это плодами, вы отправляетесь на дек** и видите там уже распростертые на длинных креслах тела скусающей публики, закрывающей свои лица разными романами и попросту дремлющей под

* Ионическое в современном написании.

** Палуба (*англ. и голл.*).

равномерные всплески волн.

В 11 часов, без всякой трубы, стюарды обносят публику чашками бульона и бутербродами, а в 12¹/₂ час. снова предупреждение, и в 1 ч. дня завтрак по звуку трубы. Этот ленч включает в себе уже целую симфонию кушаний и, кажется, способен удовлетворить самый изысканный вкус. После него идут в курительную комнату, затем следует то же лежанье, что и утром, до 4-х часов дня, когда подают чай с печеньем. Наконец, в 6¹/₂ часов опять труба, и в 7 часов под звуки смелой, но плохой музыки пассажиры поглощают обед из 7–8 блюд.

После обеда, к которому дамы приходят в светлых или белых платьях, а кавалеры в смокингах, общество идет в курительную комнату, чтобы там перекинуться с полчаса разговорами и разойтись по каютам.

Удобное, комфортабельное, но мало интересное времяпровождение.

Впрочем говорят, что от скуки только поправляются, ну, а здесь, кроме скуки, есть и воздух, и море, и питание.

Море привлекает все внимание. Кажется, нельзя устать наблюдать его немолчный шум, его волны, то сердитые и огромные, то нежные и мелкие, как бы ласкающие пароход. Небо покрыто тучами, море свинцовое, черное, зловещее; проясняется небо, светит солнце, и чудной синевой, лазурью окрашены морские волны.

До сегодня, однако, ничто не напоминало юга, и дамы очень охотно кутались в свои меховые шубы, да и мы не без удовольствия надевали драповые пальто.

Сегодня ветер утих, наступила великолепная южная ночь, и на пароходе устроили бал. Убрали палубу флагами и лампочками, заиграл оркестр музыки, и пары закружились в вальсе. Над этими фонарями природа зажгла свои факелы, которые ярко засверкали на темном небосклоне.

Вид звездного неба изменился: «Малая Медведица» склонилась к половине горизонта, «Большая» — купается в волнах океана, «Орион» и «Большой Пес» с «Сириусом» высоко взлетели на небо, а под ними выплывают новые, незнакомые созвездия южного неба.

Скоро будут видны «Корабль Арго» и «Южный Крест».

Вполне понимаешь, переживая вчерашний и сегодняшний день, почему греки называли одним словом — хеймон — бурю и зиму. Действительно, вчера была буря, была и зима. В каютах мы охотно кутались в теплые одеяла и тщательно закрывали окна, а сегодня окна открыты, электрический вентилятор энергично работает, а воздуха не хватает и жарко. А ведь всего только переменился ветер!

Скоро будем праздновать Рождество. И теперь уже мысль часто стремится назад, домой, а при виде разукрашенной елки думы еще энергичнее потянутся к нашим снегам и морозам.

22-го декабря на рассвете появились туманные очертания африканского берега и, как предвестники уже близкой земли, стали видны всюду корабли, плывшие в разные стороны, распустив свои паруса, точно большие белые птицы.

Быстро светает в тех широтах, скоро берег стал совсем ясен, и в бинокль уже можно было отличить группы домов.

Порт-Саид — город, выросший у входа в Суэцкий канал.

Огромные землечерпательные машины первые встречают гостей у входа в канал, и вскоре пароход идет уже невидимым руслом канала, защищенным длиннейшим молотом от занесения его нильским илом.

Величественная статуя строителя канала Фердинанда Лессепса указывает пароходам, приходящим со всех частей света, на тот путь, который еще со времен древних фараонов сам собой намечался для международных сношений.

Порт-Саид производит в высшей степени неприятное впечатление. Видишь совершенно современный город, состоящий из многоэтажных гостиниц, кафе, массы магазинов; на всех улицах кишит жадная толпа арабов, говорящих на всех языках и безошибочно, по первому взгляду определяющих национальность путешественника.

То же, что в Неаполе, только все это еще сильнее и резче выражено.

Когда попадаешь в Порт-Саид, то впервые ясно ощущаешь, что находишься в путешествии и притом далеко; несмотря на европейский тип построек, характерна толпа лодочников, извозчиков и других лиц, одетых в самые разнообразные одежды. Оливково-бронзовые египтяне, арабы с семитическими профилями, черные физиономии негров с толстыми губами и курчавыми головами, европейцы со всех стран света, — все слилось здесь, на этом маленьком клочке земли, выросшем по мановению волшебного жезла из пустыни.

Не успел пароход остановиться, как уже был атакован разноплеменной толпой: торговцы предлагают страусовые перья, египетские шали, фокусники показывают необычайно ловкие фокусы. Подъехавшая на лодке семья итальянцев поет серенаду за серенадой, а какие-то темно-бронзовые молодцы уже ныряют в воду, требуя, чтобы им бросили монету в воду. И на первом плане всюду раздается: «бакшиш, бакшиш». Приезжают элегантные шляпки с гребцами, одетыми в красные фуфайки, с интернациональным кормчим, на фуражке которого красуется красноречивая надпись «The Cook Co».

Это – агент фирмы Кука, который может вас обвезти вокруг света, никогда ни на йоту не отступив от английского режима.

Вообще англичане задают всюду тон. Мы едем на немецком пароходе, который, по единодушным отзывам, превосходит английские как своими удобствами, так и сравнительной дешевизной. Но гордые немцы, которые не боятся никого, кроме Бога, как говорил Бисмарк, очень легко англизируются.

Вся прислуга говорит по-английски, за столом, на палубе английская речь, меню издается на английском языке, наконец, в воскресенье достопочтенный м-р Робинзон служит на английском языке и говорит английскую проповедь!

Таким образом, шиллинги и доллары являются полными хозяевами на немецком корабле, который из-за них забывает даже свое достоинство и национальность!

Нагрузили уголь. Это сопровождается необычайным шумом и криком; десятки полуголых, черных от природы и от угольной пыли существ с небольшими корзинками бегают с баржи на пароход и обратно, одинаково работая руками и своим горлом. Наконец, мы отплываем; наш оркестр опять трубит на своих медных трубах и выстукивает на толстом барабане какой-то необычайно резкий марш; внизу итальянцы стараются заглушить его звуками серенады, а фокусники уже на лодке продолжают проделывать свои фокусы. Мы едем Суэцким каналом. Хотя мы и в Африке, но о жаре не может быть и речи. Резкий ветер, 10 °С – вот что показывает термометр; мы кутаемся снова в пальто, а кто имеет – надевает и свои шубы.

Тихо движется пароход мимо дворца компании канала, мимо целого леса мачт и судов и медленно начинает свое путешествие по каналу. Несмотря на холод, не хочется идти вниз, стремишься как можно лучше запечатлеть в памяти эти картины, где всходила заря исторической жизни человека, где природа показывает одну из наиболее величественных и мрачных своих картин – пустыню. На западе лежит высыхающее озеро Мериме или Менсале, на востоке – песчаная пустыня.

Канал в 160 километров длиною открыт к правильному движению в ноябре 1869 года. Но он имеет свою очень древнюю историю. Меньше, чем на полпути между Порт-Саидом и Суэцем лежит город Измаили* на берегу Типсах или Крокодилова озера. Отсюда идет канал пресной воды к Нилу, а от Крокодилова озера канал продолжается далее и через Большое Горькое озеро доходит до Суэца.

Вот эта часть канала и может рассказать многое из истории своего существования.

* Современное написание – Исмаилия.

Египетские фараоны прорыли канал от рукава Нила, от Бубафиса до Крокодилова озера и оттуда по современному пути до Красного моря. Уже при Рамзесе II, за 14 веков до Р. Х. упоминается об этом канале; но время и аравийские пески засыпали его ложе. Много было попыток снова прорыть его, но это удалось только персидскому царю Дарию, памятники которого рассеяны по каналу.

Затем канал был снова запущен, и, несмотря на планы венецианцев и попытки других восстановить это сооружение, оно оставалось закрытым, пока инженерный талант Лессепса не открыл его для всех племен и народов. Горькие озера, через которые проходит канал, упоминаются в Библии, когда евреи пришли к озеру Мара и не могли пить его воду.

Чем дальше идет пароход, тем величественнее картины раскрываются перед наблюдателем, изучающим вид с верхней палубы парохода. Песчаная пустыня с кустиками жалкой растительности, разбросанными на большом расстоянии один от другого, бугристая, переходящая на горизонте в высокие холмы, тянется на востоке. Местами лишь виднеются озера, ровные, как блюдца, в которых важно плавают розовые пеликаны; а на западе та же пустыня, уже египетская пустыня, с такими же холмами, закрывающими горизонт.

Но эта пустыня оживлена; вдоль канала проложена железная дорога, устроена пристань. Встречаются колодцы с пресной водой, всюду видны оазисы. Ряд невысоких, но характерных финиковых пальм, домик с плоской крышей и какие-то ярко-зеленые всходы — такова картина оазиса в это время года. Особенно красивы отдаленные оазисы, стройной линией тянущиеся местами по берегам Горького озера. По его глади медленно плывут барки, характерные нильские барки, не изменившие своего типа со времен фараонов. Их отличительной чертой является длинный и узкий парус, совсем как крыло птицы. Мачта особенно высока, из-за паруса почти не видно самой лодки.

Густой туман спустился над нами, и мы должны были стоять всю ночь, несмотря на свет электрического прожектора, поставленного на носу, и рев сирены. Утром, выехав в Большое Горькое озеро, мы заблудились и снова попали туда, откуда начали путь по озеру. Только к 10 часам утра туман рассеялся, стало теплеть, и мы могли продолжать путь. Прибыли в Суэц в 7 час. вечера, употребив на проход по каналу 27 час. Теперь мы уже в Красном море. Погода чудная, ослепительно яркое солнце, ласкающий ветер — всего 22 °С. Мы находимся в самой жаркой части земного шара, но жары нет. Завтра Рождество.

В рождественский сочельник наш пароход вступил в воды Красного моря при обстоятельствах, как говорили, совершенно

исключительных. Был сильнейший туман, которого обыкновенно не бывает в этой местности, и температура не поднималась выше 16 °С, что опять-таки довольно необычно для Красного моря.

Но вскоре туман рассеялся, и декабрьское солнце, высоко взобравшись на небо, стало посылать на нас целые потоки горячих, сверкающих лучей. Море было спокойно и не мешало готовиться к предстоящему празднику. Стюарды приготавливали елки, привезенные, конечно, откуда-нибудь из северной Германии, а англо-американское общество немедленно организовало гимнастический праздник, принять участие в котором были приглашены все каютные пассажиры. Немедленно появились опечатанные на пароходной печатающей машине программы праздника.

Был назначен взнос в 1 шиллинг для одной и в 5 шиллингов для всех игр, на эти деньги были устроены премии; самые игры, надо отдать в этом англичанам полную справедливость, составлены были мастерски. Они требовали не только упражнения мускулов тела, но и упражнения воли. Тот выигрывает, кто умеет владеть собой, умеет вовремя остановиться, рассчитать верно свой удар.

Особенный смех возбудил бег за яблоком. На столе было поставлено два таза с водой, в которых плавало по яблоку. Нужно было с определенного места разбежаться, ухватить зубами мокрое, выскальзывающее яблоко и с ним в зубах вернуться на прежнее место.

Другая игра — бег с картофелем — заключалась в том, что на палубе на равном расстоянии друг от друга устанавливались картофелины и на известном расстоянии от них две корзины. Нужно было добежать до картофелин, поднять их, добежать до корзины и бросить туда картофелину. Если картофелина не попадала в корзину, то по окончании состязания ее необходимо было поднять и бросить в корзину. Кто скорее справлялся с этим делом, тот и был победителем... Тут, как и при беге за яблоком, необходимо было сохранять хладнокровие, иначе яблоко выскальзывало из губ, а картофелины перелетали через корзину. Ряд других игр был составлен в том же духе, при чем возбуждалась деятельность разнообразных мышц тела. Игры затянулись и продолжались 25 и даже 26 декабря.

Между тем наступило время обеда. В столовой засветили елку, к обычным девяти блюдам прибавили еще два, в том числе плюм-пуддинг* для англичан, и, глядя на милое деревцо с красными яблоками, бусами и горящими свечками, мы сидели за сто-

* Пудинг с изюмом — традиционное рождественское угощение в Англии.

лом несколько дольше обыкновенного, а вечером немецкое и английское общество собралось вместе в столовую, чтобы про-петь несколько хоровых песен.

На первый день Рождества продолжались игры, которые закончились только утром на второй, а вечером были устроены живые картины, вместе с концертом любителей.

Картины сошли очень недурно. Они, подобно играм, были опять устроены англичанами, и нужно было удивляться, что, назначенные в 9 ч. вечера, они начались как раз в это время, хотя в 6½ ч. вечера, когда мы шли переодеваться к обеду, палуба сохраняла свой обычный вид.

Да, можно позавидовать дисциплине и координации во всех действиях у этих господ всего света. Они легко превратили немецкий пароход в английский и даже не захотели напечатать программу картин на двух языках!

Эти дни стало, однако, душно; термометр показывал в тени, правда, немного, всего 27 °С, но насыщенный водными парами воздух, жгучие лучи солнца, блеск моря, — все это действует утомляющим образом на нервы и побуждает их к более или менее продолжительному покою.

В седьмом часу уже темно, а в 7–8 полный мрак. Яркие звезды, часто совсем неизвестные, светят на совершенно темном небе, а море в свою очередь не отстает от неба, — оно само светится. В каждой его капле вспыхивают и потухают нежные серебристые звездочки, то поодиночке, то группами и большими пятнами. Этот фосфорический свет происходит от свечения многих простейших животных и растений, населяющих морские волны. Они особенно многочисленны около самого парохода, и волна, рассекаемая им, вся искрится бесчисленными огоньками. Эти огоньки больше всего похожи на свет нашего светляка, или Иванова червячка, а еще больше на тех светляков, которые светятся во время полета, то зажигая, то гася свой фонарь.

27-го декабря мы прошли в виду Перима через Баб-эль-Мандебский пролив и близимся к Адену. Еще день — и мы уже в океане.

Пароход останавливается далеко от Адена в открытом рейде в виду островка, занятого британскими укреплениями. Со всех концов пароход окружают лодки с различными существами, которые отличаются друг от друга как по цвету кожи, так и по количеству одежды. Почти черные сомалийцы с курчавыми головами, прикрытые чем-то вроде юбки, кричат раздирающими душу голосами и берут пароход на абордаж. Тщетно мечется на трапе субъект в белой куртке, белых штанах и в феске с поясом, на котором красноречивая надпись

«police». * В его руках небольшая бамбуковая палочка, которую он то и дело пускает в ход, но не может сдержать натиска черных варваров, которые в конце концов заполняют пароход и бегают по нему, предлагая свои товары: рога антилоп, пилурыбу, страусовые перья и т. д. Решительно, несмотря на протесты полиции, пробиваются типичные южные евреи в белых балахонах и открывают настоящую торговлю на палубе. Вокруг же парохода идет горячее морское сражение. Волны подкидывают лодки приезжих сомалийцев и арабов; они хватаются баграми за трап, пароходная прислуга и полиция откидывают всех; одна лодка ударяет в другую, летят щепки от бортов, и все это сопровождается оглушительным криком.

Прождав около получаса на трапе и дав несколько успокоиться толпе лодочников, мы наняли за три шиллинга лодку, чтобы объехать пароход и половить различных микроорганизмов, наполняющих морские волны и обуславливающих свечение моря по вечерам.

Лодочники, когда получили желаемых пассажиров, оказались очень сговорчивыми и понятливыми молодцами. Крайне странно было видеть белокурые, почти мочального цвета, волосы, сидящие на черной голове. Эти волосы при корне тоже черные. Такого цвета волос сомалийцы достигают искусственно, обесцвечивая свои черные кудри.

Сомалийцы — стройные, но очень худощавые, на мой взгляд, слабо сложенные люди, очень ловкие, вполне сроднившиеся с морем. С обезьяньей ловкостью взлезают они на пароход по брошенной веревке. Однако толпа чернокожих резко отличается от толпы более культурных народов. Их движения, их азарт, некоторая бестолковость, назойливость и вместе с тем боязливость перед всяким белым человеком сразу указывают на ту сравнительно низкую ступень культуры, на которой они стоят.

Объехав по большим волнам вокруг корабля, я на пароходе рассмотрел нашу очень богатую добычу, состоявшую почти сплошь из мельчайших водорослей, — диатомовых, как их называют ботаники; к ним были примешаны другие микроскопические организмы и отдельные рачки.

Загудел свисток; чернокожие были энергично прогнаны с парохода, и мы вскоре покинули Аден, направляясь в воды Индийского океана.

Местность около Адена и многочисленные острова крайне живописны. Острые иглообразные пики и скалы, покрывающие острова, очень напоминают тирольские доломиты, а даль-

* Полиция (англ.).

ний берег Аравии желтеет своими сыпучими песками, издали совершенно лишенными растительности.

Вчера вечером видели стада дельфинов, которые, выстроившись в ряд, кувыркались за пароходом.

Это — первые животные, которых пришлось видеть в теплом море, если не считать чаек и тех птиц, которые зимуют в озерах около Суэцкого канала. Мне кажется, что Ледовитый океан, где я был три года назад, был гораздо более оживлен; там мы видели кита, тюленей и бесчисленное количество птиц по скалистым берегам океана.

На седьмой день после отплытия из Адена пароход пристает к гавани Коломбо на Цейлоне.

Миновав утром на другой день по выходе из Адена остров Сокотору*, мы четверо суток плыли в открытом море.

Недалеко от Сокоторы утром мы увидели на горизонте ряд дымок, которые быстро приближались к нам, и скоро в туманной дали стали вырисовываться силуэты целых 16-ти боевых судов, крейсеров и броненосцев. Это была американская эскадра, сделавшая кругосветное плавание и возвращавшаяся домой из австралийских и индийских вод. Она прошла довольно далеко, и мы не могли хорошо рассмотреть этих морских чудовищ, но броненосцы издали казались целыми городами, с лесом мачт, башнями. Они окрашены в серый цвет и их неуклюжие тела проигрывают от соседства со стройными ярко-белыми крейсерами.

Уже находившиеся на борте парохода американцы принесли свои флаги, но эскадра прошла далеко и скоро снова исчезла. Это было последнее внешнее событие, которое развлекло внимание пассажиров; дальше они были предоставлены сами себе и хорошо использовали свое время.

Приближался Новый год, вечер св. Сильвестра, и вся англо-немецкая публика стала деятельно готовиться к костюмированному балу, который был назначен на 31 декабря.

После обеда состоялся бал, а в 12 часов ночи под звуки марша пары стали обходить пароход, стуча в запертые каюты, желая всем счастливого Нового года. Это делали и пассажиры третьего класса, имея оркестр из гармоник, бубна и барабана. Между 12 и 1 ч. ночи слышались звуки то одного, то другого марша, пение, возгласы, смех.

Цвет моря изменился — он сделался синим, как индиго. Такого цвета мне не приходилось видеть ни в Черном, ни в Средиземном морях.

Отчего это происходит, трудно сказать, но небо зимой явля-

* Современное написание — Сокотра.

ется скорее светлым. Под нами глубина около 4000 метров — не связан ли цвет с нею?

Из волн моря выскакивают испуганные движением парохода летучие рыбки — небольшие черные создания, необычайно успешно и прямо летящие низко над волнами, от одного гребня до другого, но на довольно большое расстояние.

В воздухе очень влажно и душно; хотя температура не поднимается выше 27–28 °С в тени, но насыщенный водными парами воздух тяжел, все тело мокро от постоянного испарения, а ночь не дает освежения, так как температура мало изменяется.

На пятый день показались туманные очертания земли — это один из Мальдивских островов, на которых устроен маяк. Мальдивские острова населены ветвью средиземноморской расы, возникшей от смешения сингалезцев Индии и арабов. Эти отважные мореплаватели исповедуют ислам и ведут торговлю кокосовыми орехами, черепахами, рыбою и другими морскими продуктами с Цейлоном и Индией. От этих островов мы направляемся прямо к югу.

Поздно вечером 2-го января показались огни Коломбо. Были видны многочисленные огни фонарей, тянувшихся вдоль набережной; пароходы, стоявшие на якорях на рейде, — обычная картина каждого порта.

Большинство пассажиров остались в Коломбо и уехали на поданных шлюпках и катерах.

Началась нагрузка угля, и пассажиры поспешили скрыться в каюты, чтобы избежать угольной пыли.

Тут же мы узнали об ужасной катастрофе, поразившей Мессину и Реджио, цветущие города, мимо которых мы плыли две недели тому назад, любуясь с парохода их живописным видом. Всего несколько секунд потребовалось на уничтожение городов и цветущих областей, носивших следы культуры не одного тысячелетия. Ява, куда я направлялся, принадлежит также к области наиболее напряженной вулканической деятельности, и еще недавно, в начале 80-х годов, ужасное извержение вулкана Кракатау на одном из островов, прилежащих к Яве, совершенно изменило рельеф морского дна и очертания суши.

Когда путешественник впервые попадает с парохода в тропическую природу и, не тратя времени на обозрение европейской части города, углубляется в туземные кварталы, а оттуда выходит за город и таким образом сразу встречается лицом к лицу с неведомой для него чудной обстановкой, то впечатление, получаемое от этой картины, можно назвать только сказочным. Никакие описания путешественников, никакие фотографии, даже теоретическое знание тех растений, которые там встречаются, ничто не может заранее подготовить человека к хладно-

кровному созерцанию окружающей его природы. Необычайно яркий, отражающийся от блестящих кожистых листьев деревьев свет разлит повсюду, глаза устают от этого блеска. Хотя солнце еще только что встает, но оно быстро взбирается на самую вершину небосклона, проливая оттуда потоки жгучих, ослепительных лучей. Необычайная свежесть и благоухание раннего утра, ярко-красная латеритовая почва и, наконец, знакомые незнакомцы — различные пальмы и другие деревья — все это настолько неожиданно, настолько ново, что, действуя на все воспринимающие органы человека, подавляет сначала своим необыкновенным разнообразием.

Но к этому нужно присоединить еще и то народонаселение, вид которого совсем необычен для путешественника. Бронзовые индусы, более темные сингалезцы и тамилы в самых разнообразных костюмах — одетые, полуодетые и почти совсем не одетые — сидят около своих хижин и занимаются обычной работой. Маленькие горбатые бычки зебу везут огромный воз с сеном и другими продуктами. Воз настолько велик, а животные так малы, что хочется спросить: кто же везет его? Те же бычки рысцой везут кабриолет, в котором сидит темнокожая семья в белых платках по случаю праздника, с полуголым кучером впереди.

Окружая со всех сторон и предлагая свои услуги, неутомимо преследуют иностранца многочисленные рикши, приглашая сесть в свои легкие колясочки, в которых везут вас, не отставая от лошадей. С тяжелым дрожанием проносится автомобиль, отравляя воздух своим бензиновым дыханием.

Чем дальше идете вы по дороге, тем все более и более незастроенных пространств открывается перед вами. Среди всех деревьев, которые видит неопытный глаз путешественника, кокосовые пальмы занимают первое место; их больше других, они образуют палисадники и сады, целые рощицы. Их тонкие, гладкие, в большинстве случаев выгнутые стволы с огромными перистыми листьями, с висящими между ними длинными кистями крупных плодов, кокосовых орехов, которые ботаник называет костянками, являются самыми характерными представителями островной флоры.

Особенно эффектны эти пальмы, когда они растут на берегу моря. Темно-синее небо, синее подвижное море и кокосовые пальмы, изящные, стройные, как будто слушающие, наклонясь над водой, неумолкаемый говор волн, — эта картина глубоко запечатлевается в памяти путешественника и будет вставать в его воображении во всей своей манящей прелести долго спустя после того, как он покинет тропические страны.

И другие пальмы мало уступают кокосовой по красоте и стройности своих стволов, но их сравнительно мало, они попа-

даются в чудных садиках перед виллами англичан, разбросанными в этой части города, и не дают какого-либо общего впечатления. Оригинально и хлебное дерево — джек, как его всюду называют — плодами в детскую голову, выходящими непосредственно из ствола или толстых ветвей. Бананы с изорванной в клочки листвой занимают скромное место среди других более крупных представителей тропической флоры. Дерево равенала, близкое к банану, как гигантский веер, охраняет входы в сады, расположенные перед виллами. Маленькие пестрые белки перепрыгивают с ветки на ветку, разноцветные птички и крупные бабочки летают через лужайки, а на многочисленных телефонных и телеграфных проводах сидят бесчисленные галки, которые кричат так же, как их европейские собратья.

После двухчасового блуждания по туземному кварталу и рошицам, прилежащим к городу, я и спутники мои достаточно устали, уселись в колясочки рикш и покатали по гладким красным дорогам к пароходу. Но люди остаются всюду людьми: до парохода можно было доехать не больше, как минут через 20–25, а наши центавры помчались в противоположную сторону и неумоимо катали нас целый час, чтобы получить за это рупию, около 60–65 коп. на наши деньги.

На пароходе ожидало нас обычное зрелище — демонстрация нравов и обычаев туземцев, выросших на природе и слившихся с ней, в смеси с цивилизацией. Сингалезцы и тамилы — одни на лодках в виде узких и длиннейших ящичков, с противовесом в виде бревна, другие — на примитивных лодках, сбитых из нескольких брусьев, с разрезанными бамбуковыми стволами вместо весел — кидаются, как лягушки, в воду за брошенной монетой и догоняют ее, пока она еще не успеет опуститься на дно, а в промежуток между ныряньем поют «тарарабумбию», которую хорошо усвоили и черные сомалийцы в Адене и другие черные мальчишки в Порт-Саиде.

Пароход загудел, снова оркестр музыки, как всегда при отъезде, и 3-го января в 12 часов дня мы отплыли от Цейлона.

Четыре дня плавания от Цейлона по открытому морю, и вдали начинают выступать из тумана неясные очертания берега Суматры и многочисленных островов, которые окружают этот огромный остров. Пароход идет близко от берега, и в бинокль можно даже отличить отдельные растения. Берега очень гористы, и горы снизу доверху покрыты густым лесом.

Эти северные берега Суматры населены еще дикими малайскими племенами, не имеют ни гаваней, ни европейских поселений, ни маяков. Долго движется пароход вдоль Суматры, наконец, берег уходит к юго-востоку, а пароход вступает в Малаккский

пролив, направляясь к английскому городу Пенангу. Еще два дня, и мы в Сингапуре, а оттуда недалеко предел странствования — изумрудный остров Ява.

Наше плавание было необычайно удачно. Лишь небольшая качка от Неаполя до Мессины, а затем спокойное море, иногда волновавшееся от сильного ветра, иногда же слегка колебавшееся, — только пароход, рассекая воду, развивал длинную волну.

Присматриваясь к тону жизни на пароходе, подаваемому англичанами, нельзя не признать очень многих удобств, создаваемых им, хотя некоторые английские обычаи кажутся для нас не вполне корректными. Нельзя ничего возразить против обычая обедать в чистых свежих костюмах. Днем кончается работа, вечер для отдыха, для веселья. Вечер — дневной праздник.

Но утром до 8 часов англичане позволяют себе появляться на палубе в одном нижнем белье, даже без халатов, в туфлях на босу ногу. Англичанин не стесняется и в 12 часов дня идти по лестнице, ведущей в столовую, очень оживленно беседуя, важно направляясь в ванную комнату в одном халате. В 1-м часу дня, по рожку стюарда, дамы, которые были на палубе без шляп, направляются в свои каюты, надевают свои огромные шляпы и завтракают в них. К чему это делается, трудно понять, тем более, что после завтрака шляпы снова снимаются, и дамы предаются на палубе отдохновению уже без этих уборов. Вечером все общество наряжено, а после обеда и кофе многие ложатся отдыхать на своих стульях на палубе, причем мужчины несколько не стесняются поднимать свои ноги чуть ли не выше головы, разговаривая с сидящими возле них дамами.

Всякая страна имеет свои обычаи!

В 6 часов утра на первый день нашего Рождества мы пришли в Пенанг. Пароход бросил якорь в довольно мелком рейде, не подходя к берегу, и тотчас был окружен со всех сторон оригинальными лодками туземцев: малайцев, сиамцев, бирманцев и др.

Город делится на две половины: одна, где живут европейцы и разнообразные туземцы, отличается своей приветливостью, массой растительности; другая, китайская часть, совершенно лишена деревьев. Она состоит из ряда домов, то лучшей, то более простой архитектуры, где помещаются различные лавки, мастерские, украшенные длинными китайскими вывесками и большими бумажными фонарями. Вдоль тротуаров текут потоки грязной воды, и вместо аромата тропической природы путешественник ощущает зловоние, исходящее из этих открытых клоак.

Но электрический трамвай, недавно устроенный в Пенанге, скоро вывозит путника из китайской части, и он снова попадает

в чудную обстановку тропической природы. Линия трамвая направляется к цели поездки — китайскому храму, мимо вилл европейцев и богатых китайцев, пересекает небольшие рощицы кокосовых и других пальм и останавливается у подножия холма, на склоне которого расположено это святилище. По хорошей дороге мы идем вверх и приходим к первой церкви или первому алтарю храма, а затем, поднимаясь все выше и выше, мы переходим из одного святилища в другое; всюду в центральном месте возвышается бронзовая или из позолоченного дерева статуя Будды, с его широким лицом, сложенными на животе руками и бесстрастным выражением полузакрытых глаз.

Архитектура храма, стиль различных деревянных украшений, мебель, утвари — все это носит незнакомый для нас, но совершенно выдержанный характер, указывая на культуру, которая прошла дальний путь своего развития и исходила из иных идеалов, чем греко-европейская: она пользовалась совсем иными сочетаниями форм и окрасок, заимствуя их из наблюдений над бесконечно разнообразной природой.

Впереди наше шествие открывает одетый в белое, совершенно бритый бонза с широким лицом, похожим на изображение Будды. Его лицо не лишено симпатичности, его манеры изысканно вежливы и полны достоинства. Он пытается давать какие-то объяснения на смеси китайского и английского языков, их подхватывает услужливый малайский гид, усвоивший уже европейскую культуру и свойства гида лезть туда, куда даже и не зовут. Мы поднимаемся то по каменным, то по деревянным лестницам и приходим в наиболее высоко расположенное здание, где сохраняют под стеклом изваяния ревнителей этого храма, уже умерших китайцев, которые сидят в застывшей, полной спокойствия позе, с полувопросительной, полуиронической улыбкой на губах. Еще один заворот, и мы на небольшом балкончике, откуда открывается вид на море, на гору, покрытую пальмовыми лесами, на город, расположившийся у моря. Все это залито потоками света полуденного солнца, представляя величественное зрелище.

Панорама Цейлона с его виллами начинает постепенно ступеньваться в памяти, уступая место этой еще более прекрасной, где вмешательство человека не так заметно, где природа более свободна в своем размахе. Храм, с его оригинально выгнутыми крышами, пестреющими от черепиц и драконов на коньках, — все это еще более усиливает впечатление.

Выпив по чашке чудного напитка — желтого чая, мы оставляем на память бонзе несколько вещественных знаков наших дружеских отношений — несколько местных серебряных долларов — и спешим на трамвае в ботанический сад. Слезаем с трам-

вая и берем несколько китайских рикшей, красивых, отлитых из темной бронзы молодых малых, закрытых остроконечной шляпой, сплетенной из тростника. Быстрой рысью спешим мы по тенистым аллеям в сад, так как уже мало времени до отхода парохода.

Ботанический сад, первый из тропических садов, которые нам пришлось видеть, открывает целую бездну материала для наблюдения.

Всюду встречаются те растения, которых тщетно ищет натуралист по оранжереям в Европе.

Но нам нет времени для подробного осмотра, мы бегаем от дерева к дереву, замечая то, что известно, и пробегая с завистливым взглядом мимо неизвестного, и опять спешим на рикшей и к пароходу.

В 3 часа дня наш пароход снялся с якоря и пошел на юг по Малаккскому заливу* в Сингапур.

Зеленоватые воды мелкого, достигающего глубины всего нескольких метров, Малаккского пролива сильно отличаются по цвету от темно-синих прозрачных вод Индийского океана.

Солнце заходило, когда вдали показался Сингапур, и пароход скоро остановился у набережной в порту. К сожалению, высадиться нам не пришлось, так как «Лютцов» опоздал, и мы увидели Сингапур только на обратном пути. Голландский пароход, долженствовавший доставить нас от Сингапура в Батавию, давно уже поджидал прихода «Лютцова», и вскоре мы уже находились на борту небольшого «Сампухис», который в 10 час. вечера направился на юг. Пароход «Сампухис», названный, как и все пароходы «Paketvaart Maatschappij» — голландского пароходного общества, по имени одного из старых генерал-губернаторов Нидерландской Индии, гораздо меньше «Лютцова». Его публику можно разделить на три класса: патрициев — пассажиров 1-го класса, которым предоставлен весь пароход и специально отведена большая часть его дека с уютно расставленными скамейками и плетеными креслами; плебеев — пассажиров 2-го класса, загнанных в неопрятные и тесные носовые помещения, для прогулки же им отведено маленькое пространство около трубы парохода, и, наконец, рабов — темнокожих пассажиров, валяющихся на носовой части палубы. По незнанию, беспечности и из желания сэкономить с очень высоких цен билета мы очутились на положении плебеев и должны были печься около трубы и ждать остатков обеда 1-го класса, которые получали холодными около 9 час. вечера.

* Правильно — проливу.

Впрочем, голландцы этими порядками не обеспокоены: во втором классе «порядочные люди» не ездят, там путешествуют солдаты, унтер-офицеры голландской службы и среднего достатка китайцы.

Утром мы пересекли экватор и вступили в южное полушарие, а на следующий день пароход подходил к Батавии, проходя мимо так называемой «тысячи островов» — крошечных кусочков земли, усеивающих море между Суматрой и Явой. Все острова — кораллового происхождения, и издали видны атоллы с лагунами воды.

Вдали стала вырисовываться в тумане Ява, с ее высокими горами и двумя вулканами, занимающими весь задний план картины. На западе от Батавии высится Салак, потухший вулкан, со своей зубчатой вершиной, а на востоке поднимается действующий вулкан Геде, одна из наиболее высоких Яванских гор, с моря чрезвычайно похожая на Везувий с его конусом и Монте-Соммой, отделенной от конуса долиной.

Пароход остановился у пристани Батавии. В Батавии приходилось впоследствии бывать неоднократно, поэтому я опишу эту столицу Нидерландской Индии несколько подробнее.

Пароход подходит к молу новой гавани Tandjong-Pririk*, расположенной недалеко от самого города и соединенной железной дорогой с Батавией. Широкий, но неглубокий рейд, низкие берега, искусственные сооружения — все это скрадывает впечатление тропической природы. Поезд идет между Приоком и Батавией, вдоль канала и реки, среди низменных джунглей, поросших низкорослой пальмой Nira, огромные перистые листья которой отходят от мало приподнимающегося над землей ствола. В этих джунглях, заплетенных лианами, заросших огромной массой эйхорний и других растений, столь ценимых любителями аквариумов, встречаются в изобилии огромные яванские крокодилы; они и крупные ядовитые змеи делают джунгли опасными для посещения, но наибольшую опасность, конечно, представляют тучи комаров, носящих в себе возбудителей заразы свирепой тропической лихорадки, одного из главных бичей для развития культуры вдоль морских берегов жарких стран.

Небольшое пространство между Батавией и Приоком поезда пробегают минут в 20 и останавливаются у вокзала Батавии в нижней деловой части этого города.

В этой низкой и болотистой части города находятся по преимуществу торговые конторы, банки и другие подобные учреждения, открытые лишь в утренние и дневные часы, когда опасность получить лихорадку невелика, а вечером квартал этот

* Танджунг-Приок.

пустует, остаются в нем одни туземцы и китайцы, привыкшие ко всем невзгодам местного климата.

К деловой части примыкает большой китайский квартал — квартал ремесленников и торговцев, а уже за ним на возвышеннии раскинулся европейский город, вернее — предместье, Weltevreden, с прекрасными домами, виллами, большими магазинами, парками, присутственными местами, неизменным в каждом городе Koningsplein'ом (королевская площадь), где помещается парадный дворец генерал-губернатора, музей и другие здания.

Электрический и паровой трамвай пересекают Батавию в двух направлениях, а по улицам непрестанно слышно щелканье длинных бичей и позвякивание мелких бубенчиков яванских извозчиков — «садо» (*dos à dos*)*, как их называют. Эти «садо» — самый простой и распространенный способ передвижения по бесконечным улицам Батавии. В двухколесный экипаж под крышей запряжена бойкая маленькая лошадка, рысью или галопом везущая европейцев, китайцев или туристов по разным улицам Батавии.

Вдоль низких улиц прорыты каналы, где медленно движутся баржи, нагруженные тяжестями, и целый день полощет белье и купается малайское население. Домики в Батавии и Вельтевреде по большей части одноэтажны; они снабжены палисадниками и цветниками и производят впечатление уюта и комфорта.

Из Батавии на следующее утро по приезде я отправился в Бейтензорг — цель моего странствования. Дорога из Батавии до Бейтензорга идет сначала около ближайших предместий к Вельтевредену, затем мимо малайских деревень, среди небольших рощ плодовых деревьев и между бесконечными рисовыми полями.

Рисовые поля расположены по склонам пологих холмов, разбиты на неправильной формы участки, которые представляют собой небольшие прудики, то затопляемые водой из соседнего канала, то отдающие свою воду протекающей где-нибудь недалеко речке. Красно-бурая почва и яркая зелень молодого риса, озера, покрытые круглыми листьями лотоса с розовыми цветами, местами темные пятна рощ и плантаций, высокие кровли малайских хижин, крытых пальмовыми листьями, а на далеком горизонте массив западно-яванских вулканов Салака и Геде, — вот те картины, которые впервые развернулись перед нашими глазами.

* Двуколка с продольным расположением сидений, где пассажиры сидят спинами друг к другу.

Поезд пыхтит, взбираясь на довольно значительную высоту в 235 метров над уровнем моря, проходя ряд станций, пересекая шумные бурливые речки с коричневой водой. На станциях толпится много народа — все малайцы, между которыми лишь отдельными пятнами мелькают европейцы в своих белых костюмах и белых шляпах. Там, где поезд имеет более продолжительную остановку, идет торговля всевозможными, по большей части незнакомыми нам, плодами. Туземцы охотно пьют бокалы какой-то мутной жидкости, в которой плавают шарики, похожие на лягушечью икру. Я не решился попробовать этого напитка, но купил за медную монету в 2½ цента несколько рамбутанов — плодов, близких к нашему конскому каштану. Их полупрозрачное мясо вокруг большой и горькой косточки скрыто в мягкую оболочку красного цвета, которая легко лопается, если сжать ее между пальцами. Мясо рамбутана, если он не совсем зрел, имеет кисловатый, довольно приятный вкус. Другой плод, саподилла (*Achrassapota*), похожий на большую сливу, необычайно сочен и приторно сладок, но отличается терпким камфарным привкусом.

Совершенно незаметно промелькнули полтора часа в наблюдении окрестностей, населения и различных сценок, и вот поезд подходит к платформе бейтензоргского вокзала.

Мгновенно я был окружен прислугой отеля «Belle-Vue»* в белых куртках с красными полосами и был увлечен в омнибус, который повез меня по улицам Бейтензорга к гостинице, лежащей в 5 минутах ходьбы от знаменитого Ботанического сада.

Итак, первая часть путешествия окончилась. В раздумье останавливается натуралист перед началом своей работы в тропической природе. Времени для работы так мало, человеческие силы слабы, а природа — она бесконечна; она дает ответ каждому, кто ее умеет спросить. И перед натуралистом встает большой основной вопрос: сумеет ли он спросить природу?

* «Великолепный вид» (*франц.*).

Глава II

Бейтензоре

Первые моменты моего пребывания в гостинице «Belle-Vue» были весьма комичны.

Я сразу попал в затруднительное положение, из которого не знал, как выйти. В отеле нет европейской прислуги, и почтенный мандур — яванский обер-кельнер — очень вежливо пытался объясниться со мной на прекрасном малайском языке, из которого я не мог понять ни одного слова, несмотря на изучение малайского языка по книжке Seidel'я, кстати сказать, весьма неудачной. Она знакомит с литературным языком, который не имеет никакого применения в жизни, и дает очень мало слов и выражений на «береговом» малайском языке, общем для всего малайско-папуасского мира.

Наконец, вышла хозяйка, с которой я, к большому моему удовольствию, договорился по-французски и снял для себя и моих товарищей по комнате за 100 гульденов в месяц с полным пансионом.

Большую часть каждой комнаты занимала кровать с пологом, остальное пространство отведено было под стол, гардероб, умывальник. Комнаты выходили на террасу с излюбленной голландской мебелью — качалкой и покойным креслом с выдвижными боками, на котором так удобно полулежать.

Удивительный вид открывается с этого балкона! Не даром гостиница носит свое имя «Hôtel Belle-Vue»...

Она стоит на высоком берегу реки Tjidani,* катящей свои быстрые мутные волны с вулкана Салака. Высокие, стройные пальмы покрывают берега этой речки: сквозь их чащу видны домики малайцев, населяющих противоположный берег.

Коричневые волны Чидани оживлены массой целые дни полощущихся в ней коричневых детей и взрослых: одни купаются,

* Чидани.

другие – прачки – стирают белье (которое моется, между прочим, всегда в холодной воде)... и голоса людей сливаются с шумом реки.

Среди пальм привычный глаз различает ряд других растений: оригинальные хлебные деревья с рассеченными и цельными листьями, апельсины, раскидистые шоколадные деревья, высокие дурьяны, курчавые мангустаны, дающие знаменитые тропические плоды, и ряд других. Все эти деревья постоянно окружают хижины малайцев и доставляют существенное подспорье в его неприветливом обиходе.

В другую сторону видны среди зелени красные крыши с белыми гребнями арабского квартала Бейтензорга, затем идет целое море деревьев, скрывающих рисовые поля, а весь горизонт на юго-западе занят мощной фигурой Салака. Подобно Везувию для Неаполя, Салак для Бейтензорга определяет собой весь ландшафт местности.

Рано утром, когда зажигается на небе короткая или, лучше сказать, мимолетная утренняя заря, на чистом горизонте выступает профиль вулкана: его пять зубцов отчетливо вырисовываются на светлеющем небе, и восходящее солнце бросает первый пучок своих лучей на вершину Салака, когда вся остальная его масса еще темнеет, как грозная туча. Быстро поднимается солнце, тень сбегает с Салака, и он встает на ясном небосклоне во всем своем величии.

Но недолго приходится любоваться мощными очертаниями вулкана.

Небольшие белые облачка легкой дымкой заволакивают его вершину, спускаются по его склонам. Горячее тропическое солнце гонит вверх испарения влажной земли: черной тучей покрывают они окрестность, и завеса снова скрывает Салак. Раздаются удары грома, молнии прорезывают свинцовые тучи, нагоняя ужас на всю природу, – разражается тропическая гроза. Сильный ливень падает из нависших туч, закрывая живым серым занавесом всю окрестность. Но дождь скоро проходит. Заходящее солнце уже пробивает своими лучами тучи и освещает омывшийся вулкан, который снова заполняет горизонт своей огромной фигурой.

В лунную же ясную ночь темный силуэт Салака спокойно возвышается над всею местностью, точно сторожит погруженную в сон природу.

Заняв комнату и налюбовавшись видом Салака, я по телефону узнал приемный час директора департамента земледелия Нидерландской Индии профессора Трейба, чтобы получить место в лаборатории Бейтензоргского сада. В тот же вечер я познакомился с этим знаменитым ученым и организатором

и вместе с тем любезным и утонченно воспитанным человеком.

Несколько месяцев тому назад весь ученый мир оплакивал безвременную кончину проф. Трейба, а те, кому довелось лично знать его и работать в созданных им учреждениях, оплакивают в нем истинного друга всех натуралистов, без поддержки которого поездки на Малайский архипелаг не могли бы дать и половины тех результатов, которые они дают.

Получив разрешение работать в лаборатории Ботанического сада, я закончил первый день своего пребывания в Бейтензорге приведением в порядок своего нового жилища.

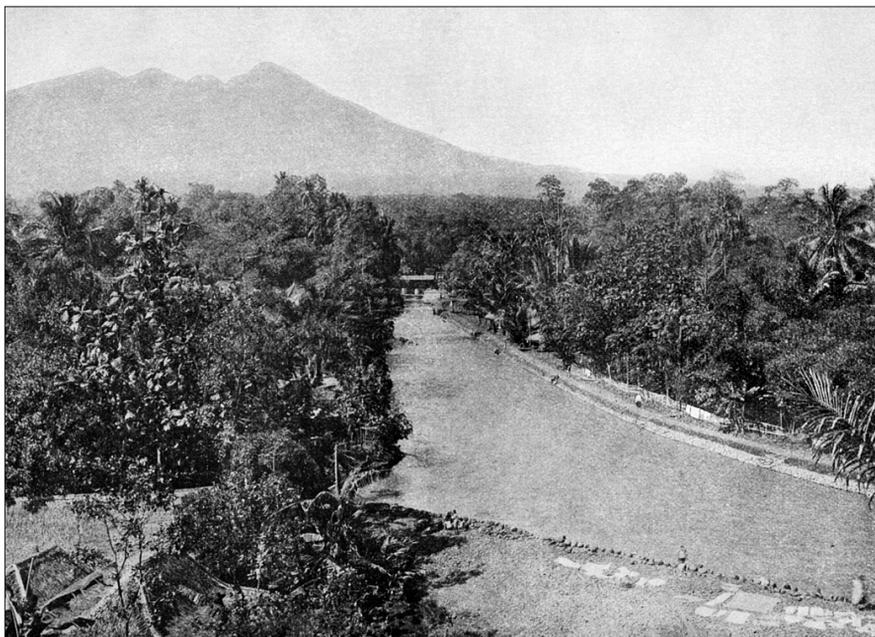
На завтра в 6¼ час. утра был назначен визит к проф. Трейбу для осмотра Ботанического сада и учреждений департамента земледелия.

Попав на Яву, как натуралист, на время забываешь, откуда приехал, кто ты такой, и как бы превращаешься в яванца. Все интересы целиком на Яве, языком становится малайский, который с жаром изучаешь по вечерам, стараясь овладеть необходимым запасом слов. Его городом становится Бейтензорг, его Меккой — знаменитый Ботанический сад. Уже после, когда на палубе отходящего парохода он бросает последний взгляд на скрывающийся вдали изумрудный остров Яву, он как бы просыпается от долгого сна и продолжает свою жизнь, как бы оставившуюся с того момента, когда он впервые сошел на набережной Танджунг-Приок.

Бейтензорг — Богор по-малайски, Сан Суси, или город без забот (*buiten* по-голландски — без, мимо) — лежит, как уже было описано, в 50 километрах от Батавии, на высоте 235 метров от уровня моря. Среди других стран тропической природы Богор занимает одно из самых первых мест по роскоши своей растительности, что непосредственно связано с исключительными климатическими условиями, царящими у склонов вулканов Геде и Салака, и реками Чидани и Чиливунгом, орошающими окрестности Богора.

В то время, как на восточной Яве, даже на западной — в Батавии, более или менее резко сменяются два времени года — дождливое и сухое, в Бейтензорге, благодаря особенностям его положения на склоне гор, весь год продолжается одна и та же погода, которая разнообразится только более или менее дождливыми и сухими днями.

Но этого мало: в Бейтензорге температура в течение года почти не изменяется, отличаясь удивительным постоянством. Средняя наивысшая температура в Бейтензорге достигает всего 30,1°; средняя температура года 25 °С; средняя температура самого холодного месяца февраля 24,5 °С; средняя температура самого теплого месяца сентября 25,5°.

Вид на Салак с балкона гостиницы «Belle-Vue»

Распределение температуры по часам дня идет с необыкновенной правильностью.

Между 6–7 часами утра — самая низкая температура: 21–23 °С.

Затем температура постепенно поднимается, достигая 29–31 °С к 1/2 дня. В это время небо уже покрывается темными тучами, разражается гроза с ливнем и температура падает до 23–25°.

И так продолжается дни, недели, месяцы. Изредка бывает, что дождь льет целый день или даже два дня сряду, случаются один день или два совсем без дождя. Тогда природа изнывает от засухи: листья на деревьях вянут, мостовые покрываются толстым слоем пыли, а более долгая засуха, продолжающаяся недели две, является уже бедствием и грозит полным неурожаем.

В наиболее дождливый месяц — январь — выпадает 473 мм осадков, в наиболее сухой — август — 257 мм, всего же в год до 1500 мм. Если сравнить Москву или Харьков, где выпадает всего около 600 мм дождя, то получается вполне определенная разница.

Бейтензорг принадлежит к наиболее дождливым местностям земного шара. Боже мой, подумает читатель, как же можно жить в таком болоте! Пусть, однако, он не боится ехать в Бейтензорг. Часто и сильно идет дождь в Богоре, но воды

быстро стекают с улиц, впитываются почвой, и через полчаса, много через час после дождя по улицам уже можно ходить, а на следующее утро пыль покрывает шоссе и мостовую.

Но благодаря именно этому ровному климату, этой массе осадков, в Бейтензорге и его окрестностях может развиваться исключительно роскошная растительность, одна из самых буйных среди богатой тропической природы.

Городок Бейтензорг — резиденция генерал-губернатора Нидерландской Индии. Его прекрасный дворец расположен в Ботаническом саду, в центре города. Тут же неподалеку помещается и его управление, ряд других присутственных мест, большинство которых, однако, расположены в Батавии, и департамент земледелия с его знаменитыми учреждениями.

От вокзала ведет небольшая улица, выходящая на главную дорогу Явы — Djalan besaar*, пересекающую всю западную Яву и начинающуюся в Батавии. Ее построил еще в начале XIX века губернатор Дандельс, и до сих пор она является одной из главных артерий для внутреннего сообщения на Яве.

Недалеко от вокзала начинается другая улица — Pledang, большая часть которой идет по высокому берегу Tjidani. Pledang выходит на Djalan-besaar. Между этими главными улицами, в довольно многочисленных поперечных улицах и переулках живут европейцы, имеющие по большей части собственные просторные дома.

За Tjidani, с одной стороны, и за Ботаническим садом, с другой — поселения малайцев, скрытые среди массы фруктовых деревьев и пальм. Против главного входа в сад, на запад от Djalan-besaar, живут китайцы; наконец, за рекой Tjidani около малайского поселка, расположен арабский квартал: он хорошо виден с моего балкона.

Каждый квартал, населенный, как мы видели, особым племенем, носит и свой особый характер, резко отличающий его от других. Изящные коттеджи европейцев среди палисадников и цветников указывают на то, что европейцы играют здесь главную роль, что они являются господами этого цветущего уголка земного шара.

Спрятанные среди зелени домики малайцев, еле заметные из-за деревьев, указывают на близость их обитателей к природе, на полное слияние их с природой.

Арабский квартал похож на малайский, но дома в нем более солидны, зелени меньше.

Резко отличается от них китайский квартал. Грязный, нестерпимый от рыбного запаха, идущего от многочисленных лавок с рыбой, лишенный всякой растительности, этот квартал про-

* Буквально — Большая дорога (мал.).

изводит крайне неприятное впечатление своею неопрятностью и скученностью построек. Впрочем, богатые китайцы скоро принимают европейские привычки, и их дома и виллы ничем не уступают по внешности домам их белых собратий.

Центр Бейтензорга — базары, которых несколько в городе. Там с раннего утра собирается все население города и его окрестностей, там можно ознакомиться с различными продуктами страны и важнейшими предметами обихода туземцев.

Неоднократно ходили мы на базар, а раз сделали даже научную экскурсию за плодами под руководством ученого малайца из Ботанического сада.

Малайцы, живущие в Бейтензорге, или служат в качестве прислуги, или имеют свои нивы и поля, или занимаются ремеслами; китайцы — сплошь купцы и ремесленники, арабы также, но, кроме того, они играют роль банкиров, занимаясь денежными операциями. В течение всего пребывания в Богоре мне и моим товарищам приходилось сталкиваться с китайцами и малайцами, с арабами же мало.

Я познакомился только с одним интеллигентным и богатым семейством арабов на острове Банда, поэтому могу сказать об этом племени немного. О малайцах же и китайцах у меня получилось более определенное представление.

Малайцы — очень симпатичный народ и должны быть отнесены к богато-одаренным расам, которых ожидает лучшая будущность сравнительно с настоящим их подчиненным положением. Малайцы на Яве имеют свою старую культуру и историю, свои предания. На почве этой культуры развилась деспотическая власть раджей, которые использовали в своих интересах некультурную массу миролюбивого и склонного к повиновению населения. Но о политическом будущем малайцев еще рано говорить: политическое настоящее показывает постепенное подчинение голландской власти одного за другим самостоятельных султанств и общую нивелировку всего туземного населения Инсулинды.

Я остановлюсь сейчас на нескольких типах из простонародья, чтобы ближе познакомить читателя с малайскими племенами. Вскоре по приезде на Яву я с моими товарищами по путешествию наняли себе туземного слугу — Нонг-Нонга, сына Па-Идана, знаменитого собирателя растений при Ботаническом саде. Нонг-Нонг олицетворял собой отрицательные стороны малайской расы. Ленивый, большой болтун, он был совершенно неспособен к какой-нибудь правильной работе, и если работал нередко с жаром, то его увлечения хватало на самое короткое время. Большинство малайских слуг принадлежит к такому же типу. Слуга профессора Р. — Яа был более толковым

и умным, но более вороватым и также крайне ленивым человеком. Глядя на них, можно было бы думать, что вся малайская раса является столь же малоспособной к прогрессивному развитию. Но это было бы ошибочно. В слуги идут наиболее бедные из населения, — у нашего Нонг-Нонга, например, не было ни буйволов, ни другой скотины; у него не было даже поля — ничего, кроме маленькой хижины. Он не был хозяином-земледельцем, а всякая работа слуги не поднимает самосознания.

Совершенно иной тип представляет его отец — знаменитый Па-Идан*. Не один натуралист с благодарностью вспоминает этого удивительного туземца, для которого не было сокровенного в яванском лесу. С малых лет Па-Идан вырос при саде и теперь, уже в очень преклонном возрасте, он занимает должность собирателя растений из леса. Надо сказать, что малайцы страстно любят природу, и не только любят, но знают ее. Тысячи средств народной медицины заимствованы ими из леса и поля, они знают и дают названия бесчисленным деревьям и травам их роскошной родины, они наблюдательны, как могут быть наблюдательны только люди, жизнь которых составляет одно целое с природой.

Такой наблюдательностью, изощренною его службой при Ботаническом саде, обладал старый Па-Идан. Стоило европейскому ученому своим ломаным, неудобопонятным малайским языком объяснить внимательно слушающему Па-Идану свои желания, следовал короткий ответ: «bai» (хорошо), и через некоторое время Па-Идан тащил различные растения, разбираясь даже в различных стадиях развития, которые он на своем образном языке называл «anak-bua» — дети плода или семени. Лишь человек, одаренный большими способностями, мало того — талантливостью, мог достичь того, что знал Па-Идан, а он был простым чернорабочим, и за свои способности имел только 12 гульденов в месяц и право получать «на чай» после каждой своей экскурсии. Па-Идан был «виртуозом» своего дела, но он не был единственным среди своих товарищей по специальности. В горном саду Tjibodas** служил другой малаец, Сапиин, который прекрасно знал лесную флору, показывая посетителям девственного леса крошечные, едва видимые невооруженным глазом мхи или проростки плаунов. В Бейтензоргском саду служили еще два малайца: механик Сариман и помощник садовника Джири.

* Буквально: папаша Идан, уважительное обращение к немолодому человеку или лицу, занимающему заметное положение (*мал.*).

** Чибодас.

Это были уже вполне интеллигентные люди, возвышавшиеся до творчества.

Много можно было бы найти примеров, указывающих на одаренность малайского племени и подтверждающих общую мысль о возможности для него лучшего будущего. Уже теперь почти все второстепенные должности мелких чиновников, фельдшеров и т. п. заменяются малайцами, а когда им будет дана возможность получать более широкое образование и развитие, они скоро сумеют обходиться без помощи европейских учителей.

Китайцы также произвели на нас прекрасное впечатление. Это — честный, работающий народ, слову которого можно верить. Сколько раз приходилось нам обращаться к китайцам, и всегда мы встречали честное отношение к принятым на себя обязательствам. Скажу больше, я охотнее посещал китайские «токо» (лавки), чем европейские магазины, где за те же самые предметы или продукты взималась повышенная плата исключительно за удовольствие купить в европейском магазине.

Для натуралиста Бейтензорг и его население служат, однако, лишь оправой или рамой всей картины его жизни на Яве; центром его внимания являются департамент земледелия и его учреждения. Эти учреждения имеют почтенную, почти столетнюю историю, но развивались они неравномерно. Время от времени энергичная созидательная работа приостанавливалась, заменялась периодом застоя, пока снова не пробуждалась к творчеству.

Два периода и связанные с ними два имени необходимо упомянуть в этой истории: одно относится к началу возникновения сада, другое принадлежит настоящему.

Основанный в 1817 году, сад слабо развивался до 30-х годов, когда место садовника, которого лучше назвать инспектором сада (Hortulanus), занял Т. Тејјсманн, прежде служивший садовником при одном имении в Голландии. Пятьдесят с лишком лет продолжалась его кипучая деятельность. За это время Ботанический сад из парка при дворце генерал-губернатора превратился в самостоятельное научное учреждение. Тејјсманн'ом был засажен Ботанический сад, устроены его отделения на склоне вулкана Геде; им были сделаны бесчисленные поездки по Яве и другим островам архипелага для сбора полезных и интересных растений; им была введена культура хинного дерева (*Cinchona Calisaya*), ванили и целого ряда других растений, дающих в настоящее время огромные доходы государству и частным лицам. За этот период времени Ботанический сад пережил много трудных моментов. Возникала даже мысль о его уничтожении, но энергия заинте-

ресованных лиц, и прежде всего Teijsmann'a, спасала сад и расширяла его деятельность.

В 1880 году место директора сада занял молодой ботаник, доцент лейденского университета Мельхиор Трейб. Во главе сада стал первоклассный ученый исследователь и не менее одаренный организатор. Тридцать лет стоял Трейб во главе Ботанического сада: Hortus Botanicus Bogoriensis* превратился в s'Lands Plantentuin**, т. е. в более широкую организацию, чем прежний Ботанический сад, а в 1904 году уже был организован департамент земледелия Нидерландской Индии, в состав которого вошел и сад. Этот департамент объединил в себе работу многочисленных научных и научно-прикладных учреждений и заведование культурами Нидерландской Индии. Возникнув путем медленным, синтетическим, строя свои заключения на основании строгих научных данных, Бейтензоргский департамент земледелия мог бы служить образцом для всякого другого подобного учреждения.

Когда я утром, на другой день по приезде в Бейтензорг, посетил профессора Трейба, он повел меня по всем учреждениям департамента земледелия, составляющим целый город.

Я познакомлю с ними вкратце читателя, чтобы он мог представить себе, как глубоко научно обставлено дело изучения природы и продуктов земледелия, или, лучше сказать, народного хозяйства на Яве, в тропической стране, лежащей так далеко от научных центров Европы.

Направляющим учреждением является бюро департамента земледелия, помещающееся недалеко от главного входа в сад, против центральной станции и базара. Оно занимает небольшой скромный домик, к которому сзади примыкают архив и большое помещение, где работает под присмотром европейских шефов многочисленный персонал мелких малайских служащих.

Сад, находящийся в заведовании Hortulanus'a Вигмана, составляет центральное самое старое учреждение этого департамента. С садом тесно связан ботанический музей, содержащий огромный гербарий и коллекции плодов, стволов и разных других частей растений. Там между прочими сокровищами видел я цветок знаменитой *Rafflesia Arnoldi*, еще не вполне распутившийся, похожий на громадную воронку с отвороченными краями, около аршина в поперечнике. Библиотека с журналами и книгами на всех языках находится по соседству с ботаническим музеем. Это одна из лучших ботанических библиотек, которые только существуют.

* Богорский ботанический сад (лат.).

** Ботанический сад Нид. Индии (дословно – территории).

Возле библиотеки выстроен новый поместительный музей прикладной ботаники, где собраны различные продукты растительного происхождения и показано постепенное их возникновение из сырого материала. Тут можно видеть и систематически собранные разные полезные растения, напр., дающие прядильный материал; разные смолы; растения, идущие на плетение и постройки; сорта чая, кофе и какао; пряности и бесконечный ряд других растений, идущих на потребности человека. Недалеко от бюро размещены другие учреждения департамента: лаборатория для иностранных ученых, лаборатории — фармакологическая, растительно-патологическая и физиологическая; лаборатории — испытания волокнистых веществ, специальные для чая, кофе, табака, риса, почвенно-бактериологическая, зоологический музей, лаборатория химическая, художественно-фотографическое ателье, наконец, типография, где печатаются многочисленные издания департамента, как чисто научные, как «*Annales du Jardin botanique de Buitenzorg*»*, и известия департамента, посвященные научно-прикладным вопросам.

Прибавим сюда еще опытную станцию под Бейтензоргом, горный сад в Tjibodas и две школы, где учатся как садоводству, так и агрономии.

Во главе каждого учреждения стоит заведующий-специалист и штат служащих, причем все работы, не требующие научных специальных знаний, с большим успехом выполняются способным малайским персоналом. Я обращаю внимание читателя на специальные лаборатории, посвященные чаю, табаку, кофе, рису — главным продуктам массовой культуры на Яве. Работа ведется в этих институтах двумя путями: ботаники на основании современных методов исследования изучают расы, улучшают их путем отбора и скрещивания, химики ведут параллельно изучение их химических свойств, соединяющихся с сортами и расами этих растений. Расходы, идущие на изучение этих растений, вполне окупаются, и сознается это не только правительством, но и частными предпринимателями, и, когда я на пароходе «*Rumphius*» на пути домой ехал из Батавии в Сингапур, я получил приглашение от комитета табачных плантаторов перейти к ним на службу, причем они соблазняли меня отпуском огромной суммы денег (чуть ли не 40.000 гульденов), на лабораторию для изучения табака.

Департамент земледелия Нидерландской Индии — это гармоничное сочетание науки и практики: наука идет впереди, к ее мнению прислушиваются практики, поступая по указанию

* Ученые записки Бейтензоргского ботанического сада (франц.).

науки, сочетая теоретические заключения с возможностью практического выполнения.

Лишь Ботанический сад с музеем получил в наследство от своих предшественников проф. Трейб, а все остальное было делом его рук, его энергии. Департамент земледелия и выполненная им культурная миссия навсегда останутся лучшим памятником этому выдающемуся человеку. Приведенное описание утомило читателя; еще более устал я, когда под руководством проф. Трейба обходил все эти институты, знакомясь с ними и их шефами.

Я устроился в лаборатории для иностранцев — большом зале с прекрасной вентиляцией, где можно было работать, несмотря на горячие потоки солнечных лучей. Для иностранцев выстроена, как я сказал, особая лаборатория, и администрация департамента принимает все меры к тому, чтобы приезжие ученые могли достаточно полно ознакомиться с тропической природой и не терпели неудобств при сборе материала. Я буду неоднократно возвращаться к описанию того, как широко голландское гостеприимство, которое мне пришлось испытать много раз при моих экскурсиях.

Ученые со всей Европы, из Америки и Японии работали в Бейтензорге. Их исследования значительно расширили наши сведения о жизни тропической природы, и со времени возникновения этой лаборатории представители тропического мира не изучаются только в виде трупов, извлеченных из коллекций или гербариев, а исследуются как живые организмы, в связи с условиями их обитания. Подобное изучение тропической флоры и фауны, кроме частного интереса, связанного с теми или иными формами, имеет общее значение.

Геология показывает нам, что было время, и сравнительно еще не так давно, когда равномерный тропический климат был распространен по всему земному шару, когда в окрестностях Парижа росли пальмовые леса, хлебное дерево, фикусы и другие тропические растения покрывали среднюю Европу, а на далеком Шпицбергене и в Гренландии, где нет ни одного дерева, кроме ползучих березок и ив, были распространены высокорослые леса вечнозеленых растений. Изменение климата Европы, времена года и их смена появились на земном шаре сравнительно недавно (с третичного периода), и к ним приспособилась та растительность, которая сменила собой сначала тропическую, затем подтропическую флору.

Растительный и животный мир тропиков показывает как бы первичные, жизненные типы, и, изучая их, мы можем понять и близкую нам нашу природную обстановку.

Наиболее выдающиеся ученые-биологи записали свои имена в книгу посетителей Бейтензорга. Но о них я не буду говорить, укажу лишь на тех русских ученых, которые побывали на Яве. Первым был москвич д-р Дубровин, посетивший Ботанический сад в начале восьмидесятих годов; затем идут профессор Коротнев — киевский зоолог, профессор Краснов — харьковский географ, Каменский — одесский ботаник. В конце 90-х годов академия наук учредила бейтензоргскую стипендию, и с тех пор каждые два года посылается на Яву то ботаник, то зоолог. Первым среди этих лиц был киевский ботаник проф. Навашин, затем два зоолога — Педашенко и Давыдов, после них московский проф. Голенкин, затем зоолог Иванов, а в 1909 г. — пишущий эти строки со своими спутниками братьями Стрелиными и одесский профессор Ротерт.

Летом прошлого года компания молодых русских ученых из Петербурга совершила кратковременную поездку на товарищеских началах и, пробыв около месяца на Яве, проехав через Японию, Индостан, вернулась в Россию. Поездка была произведена на небольшие средства, и молодые ученые не только извлекли из нее массу удовольствия и пользы для себя, но и успели сделать интересную научную работу.

Стипендия академии наук на поездку составляет 2000 руб., но этих средств едва хватает, если делать экскурсии в далекие от центра области.

Пять месяцев провел я в Бейтензоргской лаборатории для иностранцев, в исключительной по удобству для занятий обстановке.

Туда приходил ко мне старый Па-Идан, и мы вели с ним долгие переговоры относительно нужного мне научного материала, причем нередко мой собеседник должен был долгое время ожидать конца моей фразы, пока я не находил подходящего слова в лексиконе; но Па-Идан понимал с полуслова и возвращался со своей экскурсией нагруженный целой массой редких и интереснейших вещей. В лабораторию приходили многочисленные ребяташки, продавая белому человеку — «*ogang blanda*»* — все, что только они находили: доставлялись различные насекомые — бабочки, жуки; приносились гнезда термитов, удивительные яванские грибы с сетчатым шлейфом — диктиофоры, — словом, не сходя с места, там можно было набрать целый музей. Крупные грибы, большие ярко окрашенные насекомые продавались довольно дорого — цены доходили до 20, 30 и даже до 50 центов за штуку, но мелочь, часто еще более интересная, чем крупные животные, сходила за несколько цен-

* Дословно — голландец (*мал.*).

тов. Мы попали в удачное время, когда не было конкуренции, так как, кроме проф. Р., меня и моих товарищей, всего один неполный месяц провел в Бейтензорге берлинский ученый Магнус; когда же он уехал, мы остались хозяевами лаборатории. Служитель Мугни ловко управлялся с разными работами, а наш Нонг-Нонг старался настолько долго убирать наши комнаты, что приходил в лабораторию незадолго до того времени, когда ожидал услышать желанное «*djalan makan*» — ступай обедать. Это «*makan*» продолжалось с 12 час. до 3 или 4 ч. дня.

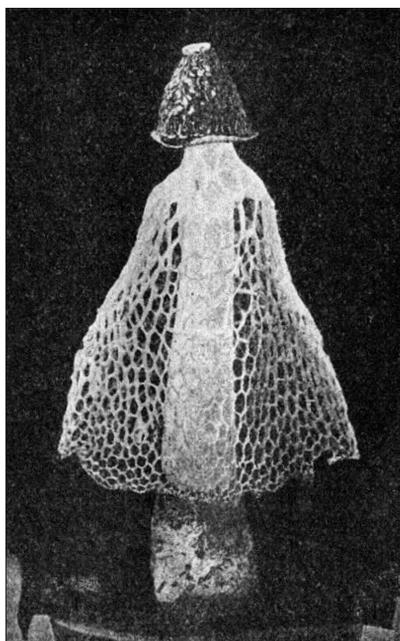
Ботанический сад

Возможно ли описать Ботанический сад в Бейтензорге в кратком общедоступном очерке? Конечно, такая задача вряд ли кому под силу. В течение пяти месяцев ежедневно ходил я по его аллеям и полянам, и чем более я всматривался, тем больше видел новых форм и тем яснее становилось мне, что нужны целые годы жизни, чтобы действительно ознакомиться с теми бесконечными сокровищами, которыми наполнен этот сад. Тропическая растительность, такая разнообразная и сложная, сгруппирована здесь на небольшом клочке земли. Те тысячи видов деревьев, которые растут в яванских лесах, увеличены пришельцами из других областей, но известный систематический порядок позволяет разобраться в этом громадном количестве форм.

Я передам те впечатления, опишу те наиболее бросающиеся в глаза растения, которые обращают внимание натуралиста, когда он с планом в руках медленно прогуливается по аллеям сада, стараясь запечатлеть в своем мозгу тот или иной образ.

Недалеко от бюро департамента, против того места, где *Djalan-besaar* сворачивает около базара, расположены главные ворота сада. Вы входите в одну из главных достопримечательностей — канариевую аллею из деревьев *Canarium commune*, посаженную Тейсманном около 80 лет тому назад. Высокие, стройные деревья с большой развесистой кроной тесно примыкают своими ветками друг к другу, образуя почти сомкнутую сень, задерживающую в жаркий полдень жгучий поток солнечных лучей.

Тут же при входе бросается в глаза какая-то гигантская веревка, тянущаяся по земле, перекидывающаяся с дерева на дерево и скрывающаяся среди ветвей далеко отстоящих от ворот деревьев. Это одна из лиан Ботанического сада (*Entada scandens*), корень которой уходит в землю возле садового забора, а облиственные ветви покоятся где-то далеко на ветвях соседних деревьев. Она то спускается с верхних веток вниз,

Яванский гриб диктиофора

образуя узлы и петли, то снова подымается кверху. Это растение принадлежит к семейству мотыльковых, к которому ботаники также относят наши горох и бобы, и является самой крупной яванской лианой. Рисунок передает только один ее кусок, остальная часть не могла уместиться на фотографической пластинке.

Глядя на высокие стволы канариевых деревьев, мы видим лишь одну сплошную зеленую стену. Со всех сторон обросли их различные растения, которые ботаники называют эпифитами (поселяющиеся на других растениях). Одни из этих эпифитов являются нашими старыми знакомыми, другие же приходится видеть здесь в первый раз. Вот бросается в глаза своими оригинальными рассеченными листьями наш обыкновенный филодендрон, который ботаники называют *Monstera deliciosa*. Его часто культивируют в комнатах и в больших оранжереях, он даже приносит ароматные и сладкие плоды. Здесь это — огромное растение, взбирающееся при помощи своих бесчисленных корней, заключающих в свои объятия ствол канариевого дерева. Это растение не местной флоры, оно вывезено из тропической Америки, где встречается в густых и сырых лесах. Рядом с ним обитают и другие представители арониковых или ароидей, относящиеся к роду *Pothos*; одни с листьями, по зеле-

ни которых разбросаны золотистые пятна, называются *Pothos aurea*; на другом дереве нашел себе приют огромный куст орхидеи *Grammatophyllum speciosum*, одно из чудес Ботанического сада. Во время цветения это растение выкидывает до 50 цветущих кистей, усаженных бесчисленным множеством цветков, образуя около 4000 цветков бурого цвета с пятнами на лепестках. Как же может оно держаться на дереве? Откуда достает себе пищу? Оно пускает ряд корней, идущих в разные стороны. Между ними накапливается перегной, куда растение пускает новые корни, а его зеленые листья вырабатывают нужные для растения вещества. Несколько дальше стволы канариевых деревьев завиты тунбергией с крупными фиолетовыми цветками, а возле них по ветвям и стволам деревьев-подпорок карабкаются своеобразные фрейсинетии (*Freycinetia*) — растения, родственные панданусам, с оригинальными крупными цветками. Их мясистые розовые околоцветники являются постоянно обгрызенными. Летучая собака, калонг, охотно лакомится этими сочными лепестками. Перелетая от цветка к цветку и поедая свой ранний ужин, летучая собака переносит пыльцу с одних цветков на пестики других, опыляя таким образом цветки. Услуга за услугу!

Несколько шагов дальше, и снова внимание ботаника привлекается невиданным растением — лианой она обвивает стволы двух соседних канариевых деревьев, образуя раскидистые ветви с широкими листьями. Трудно поверить, что это растение, называемое *Gnetum*, близко к нашей Кузьмичевой траве и хвойным растениям, так как у него нет листьев, напоминающих те иглы, которые покрывают ветви наших сосен и елей.

Отсюда идет боковая дорожка, которая приводит к большому пруду, на берегу которого построен дворец генерал-губернатора, изящное белое здание со стройной колоннадой. В пруду, вместо наших белых лилий и желтых кувшинок, виктория регия раскинула свои листья. Это амазонское растение нашло на Яве вторую родину — оно прекрасно растет в Бейтензорге. Его листья, как огромные сковороды с приподнятыми краями, плавают на поверхности воды, показывая сеть мощных жилок; между листьями видны большие розовые цветы, по форме и строению совершенно схожие с нашими водяными лилиями.

Оригинальное дерево свешивает свои ветви над тихой водой пруда. Это *Kigelia pinnata*, из Нубии; его удачно называли колбасным деревом, так как огромные плоды его вытянутой формы спускаются на длинных плодоножках, словно колбасы с потолка колбасной лавки.

Посредине пруда виден остров, необычайно живописно вырисовывающийся на фоне зелени красными черешками

Аллея в Ботаническом саду в Бейтензорге

листьев пальмы-пинанги — *Cyrtostachys Rendah*. К красному тону этой пальмы присоединяются пестрые акалифы, кротоны и кодиеумы, которых часто держат в оранжереях из-за их пестрой листвы.

По берегу пруда растет целый ряд рамбутанов; их красные, усеянные мягкими колючками плоды являются одними из наиболее оригинальных и вкусных тропических плодов.

Но свернем с главной аллеи в другую сторону налево, и мы придем в аллею, резко контрастирующую с тенистой канариевой аллеей. Одна канариева аллея — целый ботанический сад: столько разнообразных растений живет на ее стволах и ветках. Эта новая аллея состоит из прямых дивной красоты пальм — ореодокса (*Oreodoxa regia*). Серые правильные колоннообразные стволы их заканчиваются гигантской кроной перистых листьев. Гладкая кора этих пальм не допускает другие растения взбираться на них, и только глаз ботаника останавливается на тех крошечных растениях, известных под именем мхов, лишайников, которые и на этой гладкой коре нашли возможность приютиться, плотно укрепившись между легкими ее шероховатостями.

Эта пальмовая аллея выходит на *Djalan-besaar*, против музея и гербария. По обе стороны ее разбиты широкие поляны, одна

Лиана энтада — *Entada scandens*

из которых засажена группами чудных араукарий, пришельцев из Австралии или Южной Америки, и цикасами, приземистые, неуклюжие стволы которых одеты, как панцирем, чешуйками, следами опавших листьев. Вместе с ними стройные пальмы дополняют изящество этой группы растений. Другая сторона — царство бамбуков. Сколько их тут, какое разнообразие — от тоненьких, напоминающих наш тростник, до огромных, толщиной больше чем в руку!

Большая группа бамбуков скрывает кладбище, где похоронены некоторые члены семьи генерал-губернаторов и два ботаника, скончавшиеся в Бейтензорге. Бамбуки посажены очень густо, луч солнца едва проникает через их чашу, и постоянная сырость живет на этом кладбище, дорожки которого покрыты тонким зеленым налетом разных водорослей и мхов.

Здесь обращает на себя особенное внимание огромный бамбук *Dendrocalamus* (дендрокаламус), который привезен с острова Цейлона, где он образует непроходимые заросли.

Трудно оценить все значение бамбука для тропического жителя. Он ему дает все, начиная с дома, кончая предметами домашнего обихода, одеждою, даже пищу. Хижины малайцев стоят на тонких бамбуковых ножках, основание пола, потолка и стен построено из бамбука, вода пробегает от колодца на поле

по бамбуковой трубе, малаец и китаец защищают свою голову от дождя и солнца бамбуковой шляпой, они спят на бамбуковых циновках, несут на продажу овощи в бамбуковых корзинах, подают на завтрак или обед молодые стебли бамбука; я этим далеко еще не перечислил того, что делает малаец из бамбука, одевая, укрывая себя и услаждая себя в вечерние часы звуками особых инструментов, сделанных целиком из пустых бамбуковых колен.

В бамбуке соединяется легкость с удивительной прочностью. Ботаник, рассматривая стебель бамбука под микроскопом, хорошо понимает, почему бамбук может быть так прочен, несмотря на то, что его стебель или ствол построен так же, как соломина наших злаков. К окружности стебля отнесены у бамбука самые крепкие и устойчивые волокна, так называемая механическая ткань. Она сообщает бамбуку крепость железа, являясь одновременно гибкой, как лучшая стальная пружина. В середине же, где давление на стебель слабо, там экономная природа не развила ткани, не затрачивая материала попусту там, где без него можно обойтись.

Выйдя за пределы бамбукового кладбища, вы попадаете на широкую поляну — розовый сад, где находятся многочисленные клумбы роз и других цветущих растений, а в середине на небольшом холмике стоит красный обелиск — памятник Тейсманну, неусыпной энергии которого сад был так много обязан. Розы, однако, не чувствуют себя вполне хорошо в этом жарком и влажном климате; их цветы гораздо меньше, их аромат слабее. С одной стороны розовый сад окаймляет аллея из тонких и стройных пальм латаний, которые обросли со всех сторон разными ползучими растениями, среди которых особенно интересны ипомеи, цветущие темно-лиловыми колокольчиками, цветы которых опадают вскоре после своего распускания и не приносят плодов. Причиной этого бесплодия служит пчела, которая прокусывает основание цветка, повреждает цветок, выпивая его нектар, и улетает, не опылив цветка пыльцой.

Из розового сада можно идти двумя дорогами — одной, которая идет, держась ближе окружности сада, и другой, ведущей прямо к дому директора и лаборатории. Обе представляют одинаковый интерес, но растительность, которую встречает на этом пути посетитель сада, весьма различна. Идя вдоль быстрого журчащего ручья Tjibalok* прямо через сад, вступаешь в густую тень, где под прикрытием высоких деревьев расположены различные травянистые растения тропиков. Высокие костусы, эллетарии и другие представители имбирных грани-

* Чибалок.

чат с марантовыми, среди которых особенно интересна *Marantha indica*, дающая важный питательный материал — арроурт, из которого у нас, в Европе, делают нежные чайные печенья, а за этими семействами начинаются бесконечные ряды арониковых, с которыми отчасти мы ознакомились, гуляя по канариевой аллее. Здесь собрано их очень большое количество, и некоторые из них являются наиболее парадоксальными и чудесными представителями растительного мира.

Вы идете по этому кварталу, рассматривая собранные здесь растения, и вдруг начинаете ощущать тяжелый запах разлагающегося трупа. С недоумением оглядываясь кругом, идете вы дальше на этот запах, но вместо трупа животного вы натываетесь на какой-то странный предмет, растущий из земли, который вы не признаете сразу за растение. Он состоит из толстой темно-фиолетовой булавы, одетой покрывалом такого же цвета; внутри его при основании булавы находятся многочисленные мелкие цветки, это — аморфофаллус, ароидея, в полном цвету, которая привлекает своим запахом мух, питающихся разлагающимися веществами и необходимых растению для опыления его цветков. Рядом с аморфофаллусом из земли торчит еще большая булава, одетая таким же покрывалом, но достигающая величины больше аршина; это драконциум, американское ароидное, под тенью одного листа которого укрывается человек.

Выходя из этого сырого участка сада, мы не можем пройти мимо одного оригинальнейшего растения, которое ютится на стволах и ветках других деревьев. Это растение, которое ботаники зовут дишидия, имеет листья двоякого рода. Одни из них, почти округлой формы, довольно мясисты, как у многих эпифитов, служат для обычного питания растения, другие же имеют странную форму мешков, отходящих пучками в некоторых местах стебля. Если вскрыть такой мешок, то в нем найдем воду и целый пучок корней самого растения. Дишидия, как только что сказано, живет на деревьях. Она получает нужную для себя воду только от дождя, но дождевой воды, быстро стекающей с растения, было бы недостаточно для поддержания жизни растения, и растение превратило свои листья в настоящие водные резервуары, где оно сохраняет воду и куда оно пускает свои корни, не боясь и некоторой засухи.

Выйдя из отделения ароидных и других теневых растений, мы выходим на веселую полянку к изящному дому директора сада, около которого есть ход и в лабораторию для иностранцев.

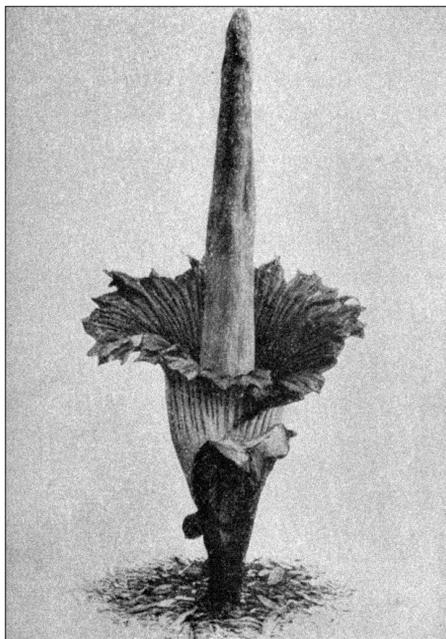
Если же из розового сада идти другой дорогой, то по пальмовой аллее мы попадаем в квартал ротангов и близких им десмонкусов, демоноропсов и других страшилищ растительного мира.

Эти пальмы-лианы образуют такое густое сплетение, через которое едва ли может пробраться и житель яванских лесов, серый гиббон. Длинные и тонкие стволы ротангов, как громадные змеи, лежат на земле, образуя огромные изгибы и петли, приподнимаясь кверху и взбираясь на самые верхушки деревьев, что передает приложенная фотография этого уголка сада. Сверху свешиваются сотни удочек, которые медленно покачиваются в воздухе и своими крючками впиваются в шляпу, платье и тело забредшего в их чашу путника. Захочет он выдернуть свою руку, новые крючки вонзаются в него, и ему приходится терпеливо оставаться на месте, обрубая острым яванским ножом-голоком все окружающие удочки. Черешки листьев вооружены еще сильнее. Оттуда торчат целые кинжалы, которые могут больно и опасно ранить смельчака, который захотел бы пробраться сквозь чашу ротангов. Но с кем же борются эти пальмы-лианы? Для чего им нужно такое оружие? Они стремятся лишь обладать светом, которого бывает мало в густом тропическом лесу. Их толстые стебли не могут обвиваться вокруг других стволов, и ротанги пользуются крючьями и шипами своих листьев, при посредстве которых они взбираются на ветви других деревьев. Впиваясь этими органами в окружающие их стволы деревьев, ротанги взбираются все выше и выше, стремясь к свету, источнику жизни растений.

Но лист недолговечен. Он отмирает, и ротанг лишается своей опорки; тяжесть ствола обрывает нередко листья, и ствол падает, образуя огромные петли, лежащие на земле. Благодаря такому способу роста, ротанг необыкновенно длинный, они являюся чуть ли не длиннейшими растениями, достигая нескольких сотен футов в длину. Заросли ротангов очень распространены по Малайскому архипелагу, а в американских лесах встречаются их братья десмонкусы и демоноропсы, вооруженные еще более ужасными орудиями, целыми гарпунами, которыми заканчиваются их длиннейшие листья, как это видно на рисунке.

Гибкие и прочные стебли ротангов имеют очень большое применение, заменяя собой бамбук во многих случаях. Известная садовая мебель выделывается из тонких стволов этих ползучих пальм.

Если блуждать вечером по аллее около ротангов, то постоянно приходится видеть то там, то здесь бледный фосфорический свет. Его издают особые грибы, похожие на наши опенки; светится и ножка, и шляпка гриба, а в воздухе также постоянно мелькают светящиеся точки, это — ночные насекомые, крылатки, светляки, которые придают столько таинственности ночной обстановке.

Цветущий аморфофаллус

Мы обошли только одну часть сада; еще большая часть его осталась неосмотренной, и мы идем туда, проходя мимо дома садовника и яванских «оранжерей». Эти оранжереи, наполненные прекрасными цветущими растениями, имеют совсем иное значение, чем у нас. Они построены из легкой ажурной решетки, заплетенной с боков и сверху густой сеткой вьющихся растений. Не давать тепло, а сохранять от солнечного зноя должны эти оранжереи, и в них культивируются нежные тонколистные растения глухих ущелий и дебрей тропического леса, где царствуют полумрак и непреходящая сырость.

Если свернуть с канариевой аллеи на первую дорогу направо, то перед нами откроется прежде всего квартал мотыльковых или бобовых растений. Мы хорошо знаем их у себя по всем известным овощам и луговым растениям, у нас растут также и деревья — акации, но здесь собрано их необыкновенное количество. Прежде всего бросается в глаза крупное раскидистое дерево — амхерстия (*Amherstia nobilis*), родом из Бирмы*. Ее длинные спускающиеся соцветия из красных, покрытых желтыми пятнами цветов массами покрывают ветви дерева, сообщая ему какой-то особенно нарядный, праздничный вид. Но не менее интересны и листья

* Современное название Мьянма.

Ротанги

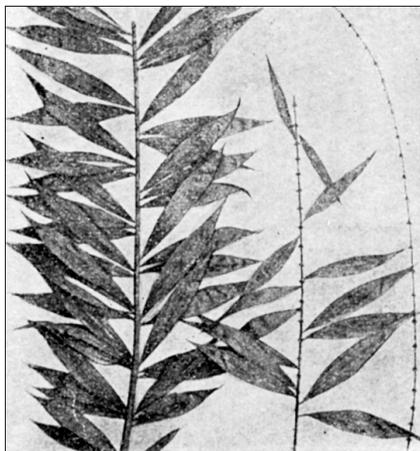
этого дерева. Как большие тряпки нежно-розовато-зеленоватого цвета, спускаются они отвесно с молодых ветвей. Лишь достигнув предела своего роста, ветви с молодыми листьями приподнимаются и принимают им свойственное положение. В течение всего этого времени листья остаются нежными и мягкими, легко сгибающимися и совершенно неломкими. Подобное явление распространено среди деревьев тропического леса, и посетитель Бейтензоргского сада постоянно встречает на своем пути подобные поникшие ветви. Их зеленая окраска появляется сравнительно поздно, когда листья почти достигли своего предельного роста. Развитие листьев у деревьев, живущих в климате Бейтензорга, не сопряжено с каким-либо определенным временем года. Всегда существуют благоприятные условия и непрерывно идет развитие листвы. Но, как это ни странно, и здесь существуют такие деревья, которые сбрасывают свою листву периодически. От чего это зависит, трудно сказать, так как одни и те же деревья сбрасывают листву разновременно.

В Бейтензоргском саду растут несколько экземпляров *Palaquium macrophyllum*; одни из них покрыты листьями, в то время как другие стоят совершенно безлистными.

Но пойдем далее по кварталу бобовых. Рядом с амхерстией растут прелестные экземпляры бруней (*Brownea*), цветки кото-

рых соединены в нежно-розовые букеты, из которых выдаются ярко-желтые тычинки. Длинная аллея, слегка понижаясь, ведет к большому дереву, очень похожему на огромную развесистую липу; но это не липа, а дерево из семейства истодовых (Polygalaceae), представители которых — маленькие травы с фиолетовыми цветками — часто встречаются у нас по влажным лугам. Мы сделаем, однако, несколько шагов в сторону и подойдем к кварталу драцен, алоэ и юкк, американских гостей в саду. Их странные формы, толстые мясистые листья совершенно не гармонируют с общим тоном растительности, указывая на совершенно иные климатические условия, среди которых они возникли.

Продолжая свою прогулку к большому *Xantoxylum*, упомянутому развесистому дереву, мы проходим мимо самых разнообразных лимонных деревьев и около этого раскидистого великолепного дерева встречаем большую группу древовидных папоротников. Здесь начинается одно из наиболее интересных отделений Ботанического сада — квартал высших споровых растений, напротив которого разбит квартал саговников и панданусов. Стройные стволы папоротников и их огромные перистосложные листья резко отличаются по своему облику от сильно ветвистых деревьев сада. Они напоминают отчасти пальмы, но их огромные и нежные листья сообщают им какой-то особенный колорит, говорящий натуралисту о том далеком прошлом земли, когда только папоротники и родственные им споровые растения одни покрывали ее поверхность. Теперь мы видим лишь последних потомков прежних властителей земли. Первую группу составляют древовидные циатеи (*Syathea*), за которыми следуют удивительные ангиоптерисы. Их толстый и низкий ствол несет ряд громаднейших листьев, достигающих длины нескольких сажен. Особенно интересны молодые листья, которые, как жезлы первосвященников, выдвигаются из ствола со своей закрученной улиткообразно верхушкой. Рядом с этими папоротниками растут другие — эпифиты. Причудливые платицирии со своими разнородными листьями спускаются с веток канариевых деревьев, защищая своих папоротников от лучей солнца. Язычник или узовник (*Ophioglossum pendulum*), как большая зеленая змея, свешивается с дерева, а под деревьями приютилась целая семья мелких папоротников и плаунов. Рядом с ними многочисленные бромелиевые, к которым относится ананас, растут как между деревьями, так и на деревьях, изумляя наблюдателя своими ярко окрашенными верхними листьями, затеняющими околоцветник. Через аллею — квартал саговников. Их приземистые неуклюжие стволы заканчиваются большими перистыми кожистыми листьями,

Листья ротангов с крючками

которые так же свернуты улиткообразно, как листья папоротника, и напоминают их своим общим видом.

С одного из саговников я снял шишку величиной с хороший самовар и весом в 22 фунта.

Саговники — вымирающая группа растений. В прежние геологические эпохи они были широко распространены по земному шару, теперь же встречаются в очень немногих местах земли. Изучение ископаемых растений показало, что существовали такие растения, которые занимали промежуточное положение между саговниками или цикадовыми, как их иначе называют, и папоротниками. Поэтому эта группа ископаемых растений называется цикадо-папоротниками. Наши саговники — прямые

потомки этой группы. Они служат блестящим подтверждением теории эволюции, согласно которой органический мир развивался преемственно, одни растительные формы происходили от других. И саговники в глубине истории своего развития до сих пор еще показывают такие черты строения, какие свойственны их предкам — папоротникам. Обладая пыльцевыми трубками, они все же в виде оплодотворяющего элемента имеют подвижных сперматозоидов, как и папоротники.

От той поляны, где расположены цикасы, открываются прекрасные виды и интересные группы растений: направо — панданусы, оригинальные береговые обитатели тропического моря, налево — квартал пальм, с представлением о которых тесно соединяется представление о тропических странах; прямо перед наблюдателем открывается великолепный вид на нижнюю часть сада, где в прудах сосредоточена богатая водная флора; далее видны обрывистые берега Чиливунга, за которым расположена новая часть сада, засаженная только недавно, а из-за верхушек деревьев в ясное утро возвышается громада вулкана Геде, откуда бежит кроткий в сухую погоду и грозный во время дождей в горах Чиливунг.

Прежде чем идти в пальмовый квартал, познакомимся с панданусами. Трудно представить себе что-либо более оригинальное, чем эти деревья. Они стоят точно на подпорках, так как от их ствола вырастают многочисленные корни, которые углубляются в землю. Их листья, узкие и длинные, обыкновенно снабженные острыми шипами по краям, сидят винтообразно на конце ветвей дерева. Необычайно интересен *Pandanus labyrinthicus* с южной Суматры, который представляет собой совершенно безалаберно ветвящееся дерево, ствол и ветви которого делают различные изгибы, образуя почти петли, а с их нижней поверхности отходят многочисленные ветвящиеся корни, поддерживающие это странное растение. Ознакомившись с панданусами, пойдем в отдел пальм, но на пути необходимо зайти в квартал орхидей, где их бесчисленные виды растут отчасти на земле, по большей же части на особых дощечках, прикрепленных к стволам специально насаженной для этого целой рощи из *Plumiera acutifolia*. Ботанику не хватит месяцев, чтобы хорошенько разобраться во всей массе собранного тут материала, где преобладают растения с мелкими и невзрачными цветками, хотя то здесь, то там встречаются и роскошные представители этого своеобразного семейства растений.

Гораздо большее впечатление оставляет находящийся по соседству пальмовый квартал, где собраны многочисленные пальмы, некоторые из которых достигли уже полного развития

и мощности. При начале пальмового квартала выстроен небольшой павильон, откуда открывается широкий вид на пальмовые насаждения. Перед беседкой растет группа яванских пальм — кариоты и пинанги. Кариота — чудное дерево. Ее громадные сложные листья, как гигантские веера, свешиваются с вершины ствола, а между ними спускаются огромные гроздья плодов, окрашенных в красный цвет. Пинанги — лесные пальмы; они далеко забираются в горы и встречаются там среди густой чащи леса. Несколько дальше растет группа финиковых пальм, но не тех, которые дают съедобные плоды. Эти пальмы отличаются своими торчащими перистыми листьями, тонкие листочки которых колют, как кинжалы. Стройные борассусы примыкают к группе фиников и пинанг, а за ними идут группы ликауль и стройные изогнутые кокосовые пальмы. Удивительное дерево эта кокосовая пальма! Она встречается всюду по берегам тропических морей, и нельзя себе представить ни одного жилища на островах, около которого не росла бы рощица кокосовых пальм. Но родина ее неизвестна в точности. Ее предполагают по берегам Мексиканского залива, в Центральной Америке. Прежде думали, что большие плоды ее, так называемые кокосовые орехи, легко распространяются морскими течениями, однако точные наблюдения показали, что эти плоды необычайно нежны и, полежав в воде даже короткое время, теряют свою всхожесть. Своим распространением она обязана исключительно деятельности человека, но эта культурная деятельность уже ведется много веков, во время которых пальма распространилась по всем углам тропического пояса земного шара.

Тут же растут и другие пальмы, крайне важные в обиходе тропического жителя. *Arenga saccharifera* — сахарная пальма, родиной с Зондских островов — дает излюбленный пальмовый сахар и пальмовое вино, удовлетворяя вместе с тем ряд других потребностей яванца; африканская финиковая пальма, *Phoenix dactylifera*, известна всякому по ее значению для оазисов Африки и Аравии; масличная пальма, *Elaeis guinensis* с берегов Гвинеи в Африке, доставляет пальмовое масло, выжимаемое из ее плодов. Роскошная аталея (*Atalea*), известная по поэтичному рассказу Гаршина, является одной из наиболее красивых местных пальм; ее колоссальные листья, отваливаясь, оставляют после себя массу рыхлых волокон, тонких, но крепких, как железная проволока; среди них развивается ряд занесенных туда эпифитов; тут живет целая колония мхов, папоротников, мелких орхидей; ряд животных гнездится на пальме, которая представляет собой таким образом целый мир.

Рядом с аталеями растет удивительная пальма лонтар, или пальмира, — чудное дерево с огромными веерными листьями.

Эта пальма распространена по всей Индии, являясь одним из полезнейших растений тропиков.

В этой группе растет также и *Corypha umbraculifera*, гебанг — одно из самых красивых растений, какие только существуют. Гебанг — чисто яванская пальма; он встречается местами по южному берегу Явы в таком количестве, что определяет физиономию ландшафта. Высокий его ствол несет огромные веерообразные листья, шириной до 8 футов; их черешки такой же длины крепко охватывают ствол своими основаниями. Между сороковым и пятидесятым годом своей жизни гебанг выкидывает огромный султан, несущий бесчисленное количество мелких цветков. По мере созревания мелких плодов начинают вянуть и опускаться роскошные листья, а когда плоды созреют, пальма умирает, принося цветы и плоды лишь один раз в своей жизни. Богатый материал для поэтической фантазии! Из сердцевины пальмы малаец добывает плохое саго, молодые листья употребляются в вареном виде, как овощ, полуспелые плоды съедобны, листьями туземец покрывает крыши своих хижин.

Пальмовый квартал расположен по склону холма и у его подошвы, и далее по берегу Чиливунга растут многочисленные пальмы; из них остановимся только на низкой бесстебельной нипе (*Nipa fruticans*), которая одна из первых уже встречалась нам, образуя заросли по болотам около батавийской гавани Танджунг-Приока. Ее громадные листья выходят из низкого, едва приподнимающегося над землей пенька, как из корзины.

Похожа на нее пальма *Phytelephas*, только с более высоким стволом. Эта пальма знаменита своими семенами, роговой белок которых настолько крепок, что идет в токарное дело, как слоновая кость. Бесстебельная залакка (*Zalacca*) дает яванцам одно из любимых их лакомств, которое продавали всюду на восточной Яве, когда мы проезжали там в мае месяце.

Наконец, на берегу реки, в особой загородке, стоит пальма *Lodoicea Sechellagum*, родина которой — небольшая группа Сейшельских островов, лежащих на сев.-востоке от Мадагаскара. Ее, как бы двойные, орехи достигают колоссальной величины и весят много фунтов, являясь чуть ли не самыми крупными из всех плодов на земле.

В соседстве с лодоицей растут саговые пальмы — *Metroxylon*, дающие настоящее саго, которое служит пищей для большинства диких и полудиких племен восточной части Малайского архипелага.

Продолжая нашу прогулку по саду, мы следуем левым берегом Чиливунга, не переходя по мосту на его правый берег, в новую, недавно приобретенную и вновь разбитую часть сада.

В сухое время дня, утром или в полдень, Чиливунг тихо струится по своему каменистому ложу; в бочагах речки малайки стирают белье и купаются, детишки играют камешками. Однако на берегах Чиливунга в пределах сада устроены крепкие набережные, вымощенные большими валунами. На мой вопрос, зачем такая роскошь, я получил ответ, что еще недавно Чиливунг уничтожил большой кусок сада, размыв берега и попортив сильно насаждения. И действительно, если посмотреть на речку после проливных дождей, выпадающих на склонах Геде, то ее вид совершенно изменяется. Вместо тихо журчащего ручья вы видите бурный и грозный поток, стремительно несущийся в своих берегах, уничтожая все преграды на пути. Большие камни, лежащие на его дне, подскакивают и ударяются друг о друга, как легкие мячики. Становится вполне понятным, почему администрация сада израсходовала в год моего приезда 14 тысяч гульденов на то, чтобы сдерживать дикую силу этого ручья.

После пальмового квартала идет небольшое насаждение кактусов, но этим американским сухолюбам плохо живется во влажном климате Бейтензорга, поэтому собрание кактусов не велико, хотя некоторые *Sereus* и достигают значительной величины.

За поляной с кактусами расположен один из интереснейших отделов сада — тут собраны кропивоцветные растения, мощные по своим размерам и важные в промышленном отношении деревья; только очень немногие травы да вязы встречаются в нашем климате, остальная часть кропивоцветных принадлежит тропическим и субтропическим областям.

Прежде всего мы встречаемся с разнообразными фикусами, известными любителям по тем растениям, которые имеются чуть ли не в каждом доме. Но фикусы в Бейтензорге — огромные деревья. Они поражают наблюдателя своими плодами, имеющими вид винной ягоды, принадлежащей также к фикусам. Плоды выходят как бы из самого ствола, в виде групп или букетов, украшая его на разной высоте. Другие фикусы полны плодами, обильно покрывающими их ветви и стволы, опять-таки развиваясь на главных толстых ветвях. Фикусы принадлежат к так называемым стеблецветным растениям. На стеблях и стволах помещаются небольшие, еле заметные глазки, которые и приносят цветы и плоды. Когда плоды умирают и отваливаются, глазки остаются незаметными на стволе дерева.

Некоторые фикусы поражают своими корнями. Как огромные доски отходят эти плоские корни от дерева и достигают такой величины, что человек, стоящий между ними, совершенно заслоняется этими образованиями.

Среди кропивоцветных стоит стройное дерево с оригинальными соцветиями в виде блюдечка на подставке. Это — знамени-

тый упас, или анчар, дерево смерти, *Antiaris toxicaria*. Кому неизвестно стихотворение Пушкина «Анчар»:

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет; лишь вихорь черный
На древо смерти набезит —
И мчится прочь, уже тлетворный.

И не одна только фантазия поэта наделяла анчар такими грозными качествами. Путешественники согласно описывали ядовитые свойства анчара. Знаменитый Румфиус, ученый-натуралист XVIII века, предостерегает всех подходить к этому ужасному дереву, не обвязавши себе головы, рук и ног платками, — так страшно действуют испарения, исходящие от этого дерева. Если же не предпринять указанных предосторожностей, то жестокий озноб поражает смельчака, и он падает без сознания под деревом. Только один василиск, эта безобразная ящерица, может жить под деревом смерти.

Другой путешественник идет еще дальше в своих фантазиях. Он описывает местность на Яве, где растет только один экземпляр анчара, и на пятнадцать миль кругом его лежит пустыня — настоящая долина смерти!

Однако современная наука без труда срывает покров ужаса с этого страшного дерева. Химик и ботаник показали, что анчар не только не ужасен, но даже совершенно безвреден, и только тогда действует ядовито его млечный сок, когда он непосредственно попадает в кровь. В саду под другим анчаром устроена скамейка, где отдыхают натуралисты без всякого вреда для себя, не замечая даже, под каким деревом они сидят.

Подле дерева смерти, как контраст, посажены деревья жизни — хлебные деревья, относящиеся к роду *Arthocarpus*.

Один из видов с гладкими листьями (нангка — туземцев), так же, как и фикусы, приносит плоды на особых веточках, выходящих из ствола дерева. Плоды достигают иногда очень больших размеров, с добрую нашу дыню, и настолько тяжелы, что туземцы подвешивают под них особые корзиночки, опасаясь, как бы плод не оторвался под влиянием собственной тяжести. Другой вид, с изрезанными листьями, который туземцы называют тимбуль, сукун, клува, вместе с нангка, широко распространен по всему Малайскому архипелагу и далее на восток и заботливо культивируется островитянами, доставляя им питательный продукт своими крупными плодами.

От этого квартала с кропивоцветными уже недалек и конец огромного сада. Тут встречаются прекрасные экземпляры железного дерева — казуарины, одного из простейших цветковых растений по истории его развития. За ними тянется насаждение молочайников, представляющих огромное разнообразие

под тропиками. Этот отдел сада замыкается эффектной группой молочайников из рода *Codiaeum*, отличающихся необыкновенно пестрой окраской своей листвы. Темно-зеленые, желтые, красные, фиолетовые цвета гармонично разбросаны на листе, представляя собой как бы задний план той грандиозной декорации, которую образуют другие деревья сада.

Возвращаясь по другим аллеям сада, мы вновь вступаем в пальмовый квартал, откуда идем уже мимо квартала орхидей и попадаем на поляну, где посажены роскошные представители тропических и подтропических хвойных деревьев; здесь араукарии чудной красоты растут рядом с даммарой, которая встречается как на островах Борнео и других, так и в Австралии и Новой Зеландии. Араукарии известны всякому, так как их часто держат дома любители растений; даммары же представляют собой колоссальные хвойные деревья, с широкими и кожистыми листьями, мало похожими на хвои наших сосен. Их древесина очень высоко ценится в технике и идет на постройку судов, а обильно выделяющаяся смола находит разнообразное применение. К хвойным или близким к ним хвойниковым ботаники относят красивое курчавое дерево — *Gnetum*, близкий родственник того *Gnetum*, о котором мы говорили уже, когда описывали канариевую аллею. Этот *Gnetum*, однако, уже не лиана. Его зеленые плоды выносятся в большом количестве на базары и употребляются в пищу в виде особых лепешек, подаваемых к рису в числе других приправ.

От хвойных уже близка канариевая аллея; мы приходим туда мимо большого искусственного, заросшего водяными лилиями и лотосами бассейна, около которого растет огромный фикус, наш обычный комнатный фикус, но достигающий здесь необыкновенной мощи. С его ветвей свешиваются корни, как пучки тонких веревок. Достигнув земли, эти корни быстро утолщаются и укрепляют дерево, служа прочной опорой его толстым ветвям, раскидывающимся на далекое пространство в разные стороны. От этого бассейна поднимаемся на канариевую аллею, чтобы вернуться домой.

Даже беглый обзор сада указывает на необычайное разнообразие растений, которые там растут.

И если сравнить общий вид этого тропического сада с нашими европейскими садами, то бросится в глаза прежде всего одна очень существенная разница. В то время как в наших садах преобладают травянистые растения и деревья представлены лишь небольшим числом видов, всего несколькими десятками для средней Европы, Ботанический сад в Бейтензорге наполнен деревьями, которые составляют общий фон сада. Травянистые растения или теснятся на редких освещенных полянах,

или же стремятся к свету, поселяясь на ветвях и стволах деревьев. В лесах Явы встречается более 1500 видов древеснистых растений — какая огромная разница между нашей и тропической флорой!

Если мы захотели бы продолжать свое знакомство с другими частями сада, то нужно было бы отправиться через квартал панданусов, там пройти мимо небольшого прудика, около которого насажены мангровые растения, о которых я расскажу ниже, когда буду описывать свое путешествие на восток архипелага.

Около служительских жилищ через висячий мост вы переходите Чиливунг и попадаете в новый участок сада, где культивируются многочисленные травянистые и кустарные растения, а также разбит новый большой участок, отданный под лианы, а за этими чисто научными кварталами идет большая площадь, отведенная под культуру технических растений — какао, кофе, чая, индиго, кока, сахарного тростника и других важных в практическом отношении растений. Для этой цели существуют у сада специальные культурные отделения под Бейтензоргом, о которых будет сказано в одной из следующих глав.

Во главе управления Ботаническим садом до последнего времени стоял директор департамента земледелия, покойный Трейб. Непосредственно же садом заведует с титулом Hortulanus почтенный г. Вигман, который больше 40 лет служит при саде, пройдя разные ступени до высшей должности Hortulanus'a. Его помощником является его сын, а весь остальной садовый персонал составляют малайцы, незаменимые для сада, прекрасно понимающие уход за растениями и знающие растения из непосредственного общения с природой. Крайне невзыскательные в пище, как магометане не пьющие спиртных напитков, они представляют собой благодарную почву для заведующего, хотя обладают одним общим пороком — восточной ленью.

Рабочий день в Бейтензорге начинается с восходом солнца, с 6 часов; оканчивается он для садовых рабочих в 1 час дня, и за этот 7-часовой труд они получают не больше 8–10 гульденов в месяц, и только такие знаменитости, как Па-Идан, имеют целых 12 гульденов, да старший над ними, помощник г. Вигмана Jehiri, очень интеллигентный человек, знающий не только туземные, но и латинские названия растений, получает даже 60 гульденов. «Колоссальное жалованье», говорили мне европейцы. «Сколько же вы сами имеете за подобный труд?» спросил я. «О, у нас нет вознаграждения меньше 200 гульденов».

Оценка европейского и малайского труда, как видно, не вполне одинакова.

Глава III

Жизнь в Бейтензорге

Жизнь натуралиста в Бейтензорге можно разделить на две половины: первая — нормальное обычное времяпровождение, когда он работает в гостеприимной лаборатории для иностранцев; вторая — полная неожиданных впечатлений, когда он делает свои экскурсии, поездки, даже целые путешествия.

Рано утром, около шести часов, пронзительный свисток первого пробегающего поезда будит спящих обывателей «Hôtel Belle-Vue», указывая им начало нового дня.

Еще почти совершенно темно; Салак едва выступает в утреннем полумраке неясными очертаниями своего массива. Малайские служители разносят подносы с чаем и кофе и будят тех, кто еще не одолел утренней дремоты.

Скоро, однако, картина изменяется: быстро пролетают утренние сумерки, Салак резко выступает на чистом, ясном небе, и прозрачный воздух не скрывает глубоких очертаний его профиля. Чидани наполняется купающимися.

Другой поезд со свистом и грохотом пронесется под террасой отеля, и мы, наскоро проглотив чашку чая и закусывая на ходу бананом, спешим в Ботанический сад, чтобы не пропустить той исключительной мягкости и свежести, того истинного «благорастворения воздуха», которое наступает в ранние утренние часы в Бейтензорге. Это время — до восьми или до половины девятого — отдается на изучение сада, собирание нужного материала для занятий в лаборатории.

Солнце еще не печет; воздух свеж и прозрачен; вся природа, омытая вчерашним дождем, капли которого еще не успели исчезнуть с листьев, улыбается, как в первый день творения.

Но такое состояние продолжается короткое время. Когда к девяти утра мы возвращаемся к утреннему завтраку в отель, уже становится жарко. Подкрепившись довольно обильным

завтраком, состоящим из чая или кофе с хлебом и маслом (*rotti sama mantegga*), яиц (*telor*), ветчины, мяса (*sapi*), мы идем снова в лабораторию, где микроскопируем и разбираем собранный утром материал.

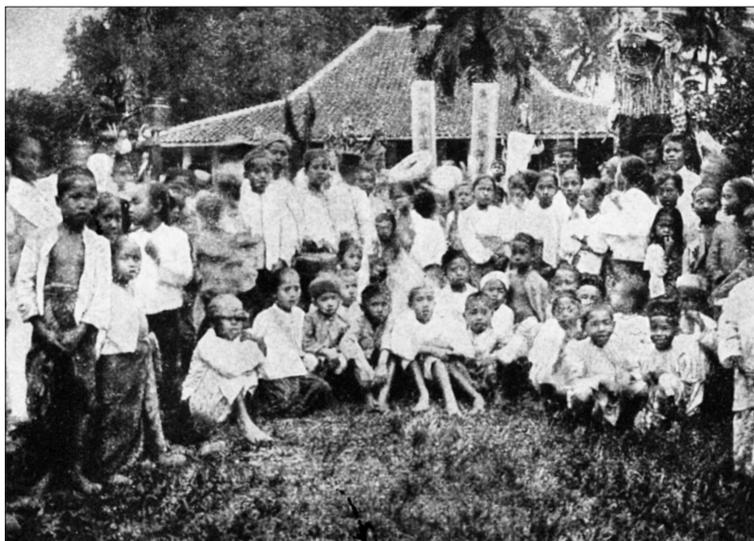
К часу дня становится нестерпимо жарко и душно. Термометр показывает уже 29–31 °С.; густые облака заволакивают небо. Пора домой, и мы спешим в гостиницу, чтобы освежиться купаньем и поспеть ко второму завтраку, который бывает в 1 ч. дня. Этот завтрак состоит из туземного кушанья — риса (*nassi*), подаваемого в мисках. Рис этот варится на пару и представляет очень вкусное блюдо, которое приправляется целой массой разнообразнейших закусок, характерных для этого рисового блюда. Среди закусок существенное место занимает острый соус — кэрри, какие-то катышки из мяса, курица во всех видах: жареная, печеная, сушеная, вареная (*ajam gogeng*, *ajam teroe*), различные рыбки (*ikan*), какие-то лепешки — то из муки, то из хвойника (*Gnetum*) и целая плеяда овощей, происхождение которых остается по большей части мало выясненным. За рисом следует бифштекс, и завтрак заканчивается фруктами, среди которых бананы играют первую роль и подаются постоянно; другие же плоды переменяются.

После завтрака следует обычный отдых, которому мы предавались редко; обыкновенно мы бежали в лабораторию, так как все небо к этому времени бывало покрыто густыми тучами и лил сильный дождь, сопровождавшийся грозой. Хорошо, если мы успевали переждать дождь уже в лаборатории, но нередко он шел с такой силой, что было невозможно добраться и до нее.

Между часом и 3 или 4 весь Бейтензорг погружен в мирный сон. В это время идет дождь, шумит гроза, а когда к 4 часам просыпаются и пьют чай европейцы, гроза уже утихает; можно опять идти в лабораторию, чтобы поработать там до 6 часов, пока быстро набегающие сумерки не заставят выйти из комнаты и отправиться в парк, чтобы побродить по его аллеям и послушать треск цикад и особые звуки, издаваемые древесными лягушками и другими животными, пробуждающимися с наступлением сумерек.

В воздухе то и дело мелькают летучие собаки, колонги, питающиеся лепестками фрейсинетий; светящиеся жуки пролетают по воздуху, как искорки от костра.

На террасе отеля уже зажгли газ, на свет которого слетаются тучи насекомых, обжигающих себе крылья и покрывающих столы целым слоем своих трупов. В погоне за насекомыми явилась целая армия мелких ящериц, издающих характерный свистящий звук. Они, как распятые, растягиваются на стенах и следят за бабочками и другими насекомыми. Быстрым движением

Малайские и китайские дети

бросается ящерица вперед и пожирает ловко схваченную добычу. По полу шлепают тяжелая кавалерия — десятки жаб, которые толпятся около освещенных стен и там успешно занимаются охотой.

Часто раздается резкий, отрывистый крик: «Гекко, гекко», издаваемый крупной яванской ящерицей, гекконом, ловко прычущейся среди выступов и других прикрытий террасы.

В 8–9 часов подают поздний обед, после которого все общество или сидит на террасе, или расходится по своим комнатам, заканчивая свой рано начавшийся день.

Так проходит день за днем. Но, несмотря на весь интерес научного исследования новой природы, нельзя не присматриваться к жизни и культуре того народа, среди которого европейцы составляют лишь небольшую горсточку.

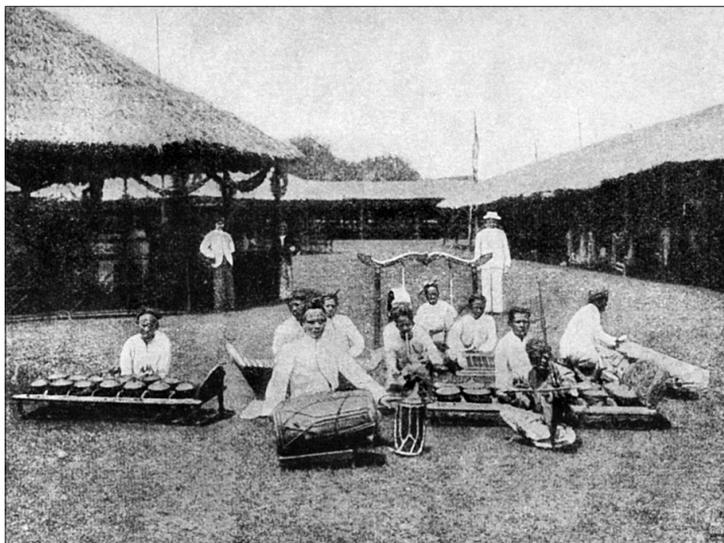
Ведь малайцев живет на Яве до 30 миллионов. Они создали высокую самобытную культуру; их жизнь слагалась по иным образцам, чем жизнь европейцев, поэтому знакомство с этой восточной культурой представляет не меньший интерес, чем изучение той природы, среди которой выросла яванская культура. Конечно, европейская культура быстро вытесняет яванские обычаи, и жизнь переходит на общий шаблон, но в развитии народов существуют условия, которые надолго удерживают отголоски старых нравов. Народный театр, празднества, различные обряды сохраняют черты древней культуры и отражают нам древний быт народа. Они представляют большой инте-

рес для знакомства с историей народа и дают богатый материал для ее изучения.

Как раз во время нашего приезда на Яву население Бейтензорга, как малайское, так и китайское, праздновало свои годовые праздники, и в начале февраля, когда китайцы справляют свой новый год, по улицам Бейтензорга проходила китайская процессия, столь характерная для этого оригинального народа.

Вскоре после приезда до нашего слуха стали по вечерам доноситься какие-то мелодичные звуки, шедшие из малайского квартала, а на улицах Богора появились труппы странствующих актеров и танцовщицы, исполняющие свои танцы под аккомпанементом особого оркестра. Очевидно, иные звуки, встречавшиеся в природе, отличные от европейских, зародили в душе яванца мелодии, которые он воспроизводит на своих инструментах. Яванский оркестр полон особых мелодичных неясных звуков, избегающих каких бы то ни было резких тонов. В его состав входит целый ряд инструментов; конечно, наиболее полные оркестры — гамеланги* — можно видеть только при дворе раджей или султанов, или, наконец, в музее, в Батавии. По улицам городов бродят неполные оркестры, но и те дают понятие об яванской музыке. Гамеланг состоит из полых металлических котлов, подвешенных в ряд на особой оправе. По ним ударяют палкой, обвернутой мягкой материей, и они издают своеобразный гармонический звук; подобный же звук производят и гонги разной величины и тона, подвешенные свободно на перекладине. Третий инструмент — род ксилофона — звучит под ударами мягких молоточков согласно первым двум; небольшой продолговатый барабан, по которому бьют рукой, составляет необходимую часть яванского оркестра; но звуки его столь же мягки и приятны, как и звуки металлических инструментов. К ним присоединяется особая скрипка — ребаб, двухструнный инструмент, издающий тонкие, высокие звуки, и иногда, у бродячих музыкантов, еще флейта. Большие гамеланги имеют целый ряд других инструментов. В западной Яве народным инструментом является анклунг — ряд бамбуковых трубок разного поперечника и длины, свободно подвешенных на раме: качаясь на ней, они производят своеобразные звуки. Глядя на этот инструмент, в котором ничего нет, кроме бамбука, невольно удивляешься талантности народа, сумевшего создать такое оригинальное сочетание трубок, разместить их сообразно тонам и из простых звуков, происходящих от удара одной трубки о другую, произвести гармоничную

* Ныне принятое написание — гамелан.

Гамеланг — яванский оркестр

мелодию. Анклунг не принимает участия в гамеланге — на нем играют обыкновенно отдельно.

У яванцев нет нот, и мелодии передаются по слуху от поколения к поколению, являясь истинно-народным достоянием. Воспитываются особые специалисты на отдельных инструментах, которые сохраняют в народе эту оригинальную музыку.

До глубокой ночи раздаются в Богоре звуки гамеланга; по улицам ходит толпа народа, жадно следящая за исполнением танцев танцовщицами, за представлением кукольного театра или сценок из народной жизни.

Яванские танцы носят чисто восточный характер. В них принимают участие очень молодые девушки, лет 12-16, которые проходят долгую школу обучения. Они выступают в старой яванской одежде, богато украшенной. Конечно, от уличных танцовщиц нельзя требовать ни роскоши, ни особенного изящества костюма; важно только, что и они стараются выдержать один общий стиль.

Среди большой толпы зрителей расчищается площадка, около которой рассаживается на корточках оркестр, и скоро мягкие звуки металлических инструментов и тонкий голос скрипки оглашают вечерний воздух. На середину выступает молодая миловидная танцовщица, одетая в длинное платье, открытое наверху и украшенное разными бусами, пряжками и т. п. Ее танец сильно отличается от танцев в нашем европейском смысле. Это скорее пластические позы, которые принима-

ет танцовщица, работая одинаково и равномерно всем корпусом, руками и ногами. Иногда свои телодвижения артистка сопровождает пением на необыкновенно высоких нотах: пение это внезапно начинается, так же внезапно и обрывается.

Следя за движениями танцовщицы, сначала думаешь, что они происходят без всякого определенного порядка; но не надо большой наблюдательности, чтобы заметить, что они подчиняются определенному ритму, что они изображают какие-то нам непонятные душевные движения, что весь танец составляет гармоническое целое.

Интересно бывает глядеть на исполнительницу танцев, но еще интереснее, пожалуй, наблюдать за толпой. Танцы происходят по вечерам, их место освещается переносными факелами, которые носят мальчики вслед за исполнителями. На земле сидят музыканты: кругом стоит внимательная, понимающая и переживающая танец толпа. В ней царит полный порядок, несмотря на то, что никто за ним не наблюдает: он лежит в характере и в свойстве самой толпы и в ее интересе к танцам.

Но еще больше интереса у малайцев возбуждает их народный театр. При дворах султанов и раджей этот театр доведен до большого совершенства и обставлен с не меньшей роскошью, чем в Западной Европе; мне, однако, пришлось видеть только уличные представления, происходившие также при свете факелов под открытым небом.

На Яве процветают два рода представлений: ваянг, где роли исполняются разодетыми куклами-марионетками, и топенг, где действующими лицами являются люди. В топенге участвуют мужчины и женщины: он ведется часто в виде пантомимы, причем замаскированные актеры исполняют движениями то, что объясняет публике сидящий за барабаном режиссер представления — даланг. Для изображения разных характеров актеры надевают маски. Это крайне интересный обычай. Мы знаем, что на родине нашего театра, в древней Греции, актеры выступали также в масках, и яванская культура, возникшая и развивавшаяся, конечно, совершенно самостоятельно, без греческого влияния, прибегает к тем же художественным приемам. Но маски греческие и яванские носят различный характер. В то время, как греческие изображали людские лица, придавая им лишь различное выражение, маски яванские носят нередко характер чудовищ. Содержание представления берется обыкновенно из старой яванской истории, и тот топенг, который наблюдал я около гостиницы «Belle-Vue», изображал разнообразными сценами, до убийства включительно, но содержание его осталось мне, к сожалению, мало понятным.

Не меньшею любовью яванцев пользуется ваянг, театр марионеток. Этот театр воскрешает перед яванцами их старую мифологию и славную историю могучих государств, которые когда-то находились на Яве, сосредоточивая в себе центр яванской культуры. Текст тех представлений, которые дает ваянг, лишь отчасти сохранен в рукописях, большая же часть его передается изустно и заботливо охраняется в народе. Изучая содержание пьес, можно прочесть в них старую религию яванцев, которая была распространена на Яве до пришествия туда арабов, принесших с собою ислам, вытеснивший почти повсюду прежнее богопочитание — браминскую и буддийскую религии. Старые костюмы, вышедшие в настоящее время из употребления, воскресают вновь на куклах ваянга, забытые цари и вожди народа оживают в народной памяти благодаря представлениям этого театра. И не подлежит сомнению, что научное исследование ваянга прольет много света в понимание верований и обычаев яванцев, а когда для малайского племени на Яве настанет время пробуждения и независимого существования, куклы ваянга сыграют немалую роль в укреплении национального единства у яванцев.

Около месяца звучал гамеланг и ходили танцовщицы и актеры по улицам Богора, и конец праздников малайцев совпал с китайскими праздниками, которые резко отличались по своей обстановке и по духу от малайских.

Насколько много мягкости и благоразумия в малайской музыке, настолько же резка, шумлива китайская. Она невыносима для европейских ушей, так как одним из главных инструментов в китайском оркестре является барабан, к которому присоединяются литавры, бубны, гонги, пронзительно кричащие флейты, и вся эта масса инструментов преследует только одну цель — произвести побольше шума, что им вполне удастся.

Своего кульминационного пункта китайские празднества достигают в последний день, когда по городу проходит большая процессия и сжигается грандиозный фейерверк. Уже за несколько дней до этого шествия неосведомленный житель Бейтензорга чувствовал бы себя крайне неприятно, так как получалось впечатление, что город обложен неприятелем и идет его непрерывное бомбардирование. Но раздававшиеся выстрелы носили иной характер. Это китайцы жгли днем и вечером бесчисленные фейерверки перед своими жилищами, бросали петарды, шутихи и т.п. пиротехнические забавы. Света от них было мало, зато шума и треска сколько угодно.

Днем жизнь шла обычным порядком, но вечером в китайском квартале царил большое оживление. Все готовилось к встрече нового года; в храмах приносились жертвы и читались усердно молитвы, в домах шла приборка.

В одном из закоулков китайского квартала заготавливались чудовища для процессии. Громадные драконы, черепахи и прочие звери вытаскивались из сараев, подчищались, чинились, чтобы принять участие в шествии.

Наконец, настал давно ожидаемый вечер. Весь Бейтензорг столпился на главной улице Djalan-besaag против сада, чтобы встретить китайскую процессию. Собрались также и окрестные деревенские жители. В одно мгновение были расставлены здесь и там маленькие столики, на которых были устроены походные ресторанчики, освещенные керосиновыми лампами. И что за странность! В полутьме, среди массы народа и целого легиона шмыгающих, как мыши, детей все оставалось в полном порядке. Всякий, кто покупал, платил деньги; никто не делал попытки ни украсть чего-нибудь с лотка или столика, ни потушить лампы, и вовсе не из-за страха перед несколькими городовыми, в синих форменных брюках и куртках с желтыми обшивками, босиком и с малайскими платками на головах, важно расхаживавших в толпе, вооруженных короткой палкой. И я скажу еще более: когда пришла в движение вся эта масса народа при появлении процессии, и тогда порядок не был нарушен и дети не были задавлены, как это могло бы быть.

Удивительное впечатление произвела на меня толпа темноцветных людей. Не нужно ли искать хотя бы некоторого объяснения этому порядку в исламе, запрещающем употребление спиртных напитков? Люди, не отравленные алкоголем, происходящие от таких же здоровых родителей, и сами могут удержаться от всяких диких выходов и удерживают своим примером других.

Но вот вдали послышались звуки музыки, которая все приближалась к ожидавшей толпе зрителей. Музыка носила крайне странный характер — рядом с мелодичным и звучным малайским оркестром шли китайские музыканты, производившие страшный шум своими инструментами, а возле них маршировали малайцы, игравшие на обычных европейских духовых инструментах. Каждый оркестр играл свое, совершенно не заботясь о мотивах своего соседа. Получалась какая-то особенная дикая музыка, но она вполне соответствовала характеру всего шествия.

Вот плавно идут малайские кули и держат на своих плечах бамбуковые палки. На них гордо возвышается дракон; голова его высоко поднимается над толпой, пасть открыта и раздвоенный язык высовывается оттуда; глаза все время вращаются, длиннейшая шея колеблется, а крылатая спина украшена небольшим треном, где сидит малайский ребенок 5–6 лет, одетый в китайский костюм. За драконом важно шествует чудовищная

Уличная танцовщица

черепаха; на ее спине сидит маленькая девочка, возле которой на столе корзина с бананами. Какая-то огромная птица ухватилась своим клювом за банан, а на спине этой птицы важно восседает ребенок. Какова должна быть прочность всей этой фигуры! Птица вся в воздухе, кроме клюва, которым она держится за плод, и этот клюв служит единственной опорой для массивной птицы, тяжесть которой значительно увеличена сидящим на ее спине ребенком. За черепахой следует конь, за конем — ряд других животных, снова музыканты, снова движущиеся чудовища. Шествие заканчивается небольшим изображением храма. Его несут уже не малайцы, а китайцы; этот храм все время качается в обе стороны, и на мой вопрос, что это означает, я получил ответ, что шествие установлено в память избавления от какого-то ужасного наводнения (быть может, миф о потопе также не чужд и китайцам). Качание храма изображает волны, колеблющие корабль.

Бесконечная процессия направилась к дворцу генерал-губернатора и по улицам Бейтензорга.

В толпе шли разговоры о том, что с каждым годом размеры процессии сокращаются, молодые китайцы уже поговаривают о прекращении ее.

— Да что говорить об этой процессии, когда китайская молодежь обрезала уже косы и превратилась в настоящих европей-

цев, — заметил один из моих знакомых китайцев, стоявший возле меня на улице.

Долго ходили драконы и другие звери по улицам Бейтензорга, пока не успокоились в тех же сараях, откуда вышли накануне.

Наступила последняя часть праздника.

Раздались оглушительные выстрелы, и сквозь клубы густого черного дыма стали взвиваться на воздух ракеты, римские свечи и другие принадлежности китайского фейерверка. Чуть ли не до полуночи продолжалась такая пальба, а под звуки ее около балконов китайских купцов раздавались мелодичные гамеланги, танцевали танцовщицы, и то здесь, то там открывал свои действия топенг.

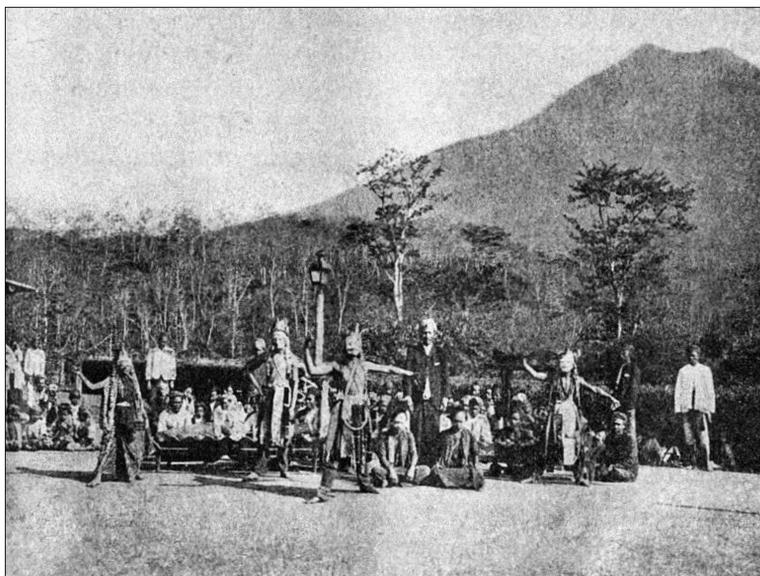
Наконец, все утихло; очистившееся за вечер небо зажгло свои звезды — эту чудную, всюду одинаково прекрасную иллюминацию, которая ярко светилась на темном тропическом небе.

Праздники кончились, повседневная жизнь вошла в свою колею. Мы продолжали работать в лаборатории сада, но уже составляли планы ближайших экскурсий и более далеких путешествий.

Наше обычное вечернее времяпрепровождение было нарушено приглашением на свадьбу к сыну нашего прачки — хитрого старого малайца. Однажды он пришел к нам на балкон и, усиленно кланяясь и улыбаясь, стал что-то говорить нам. Общими усилиями, при помощи словаря, удалось нам понять, что он приглашает нас завтра на свадьбу сына. Малайцы, особенно простой народ, любят зазывать на всякие торжества европейцев, так как последние оставляют любезным хозяевам что-либо на память о своем посещении. Обыкновенно европеец дает «saturinggít» — голландский талер, 2½ гульдена, т.е. 2 рубля на наши деньги, а это для рабочего человека сумма немалая: за 2 ринггита в месяц наш прачка стирал на нас все белье.

На следующий день, уже после 7 часов вечера, пробирались мы по узким темным улочкам Богора к берегу речки Чиливунга, где жил наш прачка. Мы долго блуждали бы в полутьме, если бы отдаленные звуки музыки не указывали нам направления. Мы рассудили, что музыка должна быть там, где свадьба, и не ошиблись в расчете. Скоро мы подошли к жилищу, где происходило торжество, и были введены в дом приветливым хозяином.

Так как улочки этой части города очень узки, а соседи близко знают друг друга, то остроумные малайцы превратили улицу в столовую, а веранды домов vis-à-vis — в гостиные. На столах стояли разнообразные блюда как малайской, так и европейской кухни и несколько бутылок с вином и пивом. Я недоумевал, зачем здесь вино, и думал, что оно было взято у китайца-торговца для декорации, так как малайцы — магометане и вина

Топенг на улицах Бейтензорга

не пьют, а европейцев было мало, да к тому же им нас и не угощали, а потчевали немецкой водой *Appollinaris*, чрезвычайно распространенной под тропиками. Бутылки с вином оставались все время запечатанными.

Хозяин и его сын были одеты одинаково: в новых саронгах — кусках пестрой материи, которая опоясывает туловище от талии почти до щиколки. Верхняя часть туловища была закрыта чистой накрахмаленной рубашкой, поверх которой надет европейского покроя пиджак. Жених был обут даже в чулки и открытые туфли, другие были по большей части, как и всегда, босиком. Мы поместились на веранде хозяйского дома на удобной мебели, около столика с угощениями, а сзади нас, в доме, расположилась невеста или, лучше сказать, молодая и ее родные или знакомые. Молодая была очень миловидное 16-летнее существо, одетое не без некоторого вкуса и изящества. На ней был такой же саронг, как на мужчинах, кисейная рубашка и довольно длинная кофточка, открытая на шее и застегнутая на груди крупной ажурной серебряной брошью. На шее и руках было надето много ожерелий, браслетов и колец, черные волосы гладко зачесаны назад. Она и другие женщины сидели на корточках на циновках, покрывавших всю комнату. На низеньком столике был приготовлен чай и сласти, но дамы предпочитали им жевание бетеля. Перед ними стоял сундучок, где находились принадлежности этого угощения, т. е. листья бетеля, разбитые орехи арековой

пальмы, табак, известь. Они брали лист бетеля, клали туда разных приправ и, скатав порядочный комок, отправляли его в рот. Для выплевывания красной слюны стояли особые тазики.

На дворе противоположного дома разместились музыканты — тот же гамеланг, который перед тем ходил по улицам Бейтензорга. Оркестр наигрывал свои мелодичные вещицы, и скоро среди присутствовавших появилась танцовщица, прекрасно одетая, с цветами в волосах и двумя шарфами через плечо — розовым и голубым. Под звуки музыки танцовщица подошла к старшему из нас, почтенному профессору Р., и бросила ему на колени голубой шарф. Это означало приглашение танцевать. Но проф. Р. не растерялся — он перебросил шарф жениху, который позвал нас вниз, на дворик соседнего дома, где и происходил интересный танец двоих. По окончании этого танца, который по характеру своих пластических движений мало отличался от обычных танцев, встречавшихся раньше на улице, танцовщица подошла к тому, кому она бросила шарф и, упав перед ним на одно колено, протянула металлическую тарелку, куда и была положена монета.

Снова заиграла музыка, немного отдохнувшая танцовщица пустилась танцевать с другим мужчиной, потом — опять колено-преклонение перед другим из нас, и так продолжалось, пока каждый из нас не внес своей лепты. Кажется, танцовщица была бы не прочь проделать весь круг еще раз, но мы встали и начали прощаться с хозяином, которому совали на память по ринггиту в руку.

Во все время танцев и непринужденного разговора среди мужчин невеста и ее гости не выходили из комнаты и не принимали участия в общем веселье.

* * *

Постепенно мы вошли в жизнь Бейтензорга, сделались своими людьми в Ботаническом саду, заведя знакомство не только с европейским служебным персоналом сада, но и с малайским элементом.

Помощник садовника, малаец Jehiri, носящий высокий титул «mantri», что значит и министр, и помощник, был особенно ценен, так как с прекрасным знанием разнообразнейших растений на малайском языке он соединял знание их по-латыни и этим бесконечно облегчал нам знакомство с флорой.

В одно свободное у Jehiri воскресное утро мы сделали специальную экскурсию на базар, чтобы ознакомиться там с продуктами яванской деревни и тем самым облегчить себе дальнейшие экскурсии за городом.

С раннего утра начинают приходить яванцы и китайцы из соседних деревень — кампонгов — с корзинами, наполненными разными продуктами их садов и полей. Выложенные горками на плетеных из бамбука крышках от больших корзин, плоды и овощи выглядят очень аппетитно и пробуждают желание отведать их неизвестный вкус. Огромные плоды хлебного дерева — нангка туземцев — превышают своими размерами все другие плоды. Они принадлежат к грубым продуктам и не употребляются в обиходе европейца. Ботаники называют их соплодием, так как эти плоды развиваются из огромного количества мелких цветков, сидящих на общем ложе. Я уже описывал нанγκα, когда это дерево встретилось нам в Ботаническом саду. Вкус его довольно приятен, а его аромат больше всего напоминает запах ананаса.

Большие груды ананасов, как холмики, лежат в разных местах рынка. Ананас — не местное, а американское растение, но он очень сильно распространен на Яве, являясь одним из любимых плодов. Большинство ананасов, однако, были настолько кислы, что мы охотно добавляли к ним сахар, хотя бывали и редкие исключения, когда эти прекрасные плоды не требовали никаких приправ.

Шишковатый дурьян выделяется своим видом среди других своих соседей. Дурьян — дорогой плод: он стоит 15, а иногда и 20 центов штука, т. е. около 12–16 коп.; но нужно принять в расчет, что поденная плата туземца нередко не превышает 10 центов, чтобы оценить дороговизну дурьяна. Ни об одном тропическом плоде так много не писалось, как о дурьяне. Одни находят достойным совершить целое путешествие под тропики, чтобы познакомиться с необычайным вкусом этого плода; другие, и таких большинство, не допускают, чтобы дурьян употреблялся в пищу в их доме. Когда я спросил *mantri Jehiri*, какой плод ему нравится больше всего, он без колебания указал мне на дурьян. Дурьян — *Durio Zibethinus* — принадлежит к семейству мальвовых, куда относятся наши шток-розы и просвирники. Его плод — величиной с детскую голову и усажен многочисленными колючками; внутри него, в рыхлой белоснежной мякоти, которая и употребляется в пищу, помещаются твердые несъедобные семена.

Я пробовал дурьян; его запах действительно неприятен непривычному европейцу, напоминая чеснок, испортившийся сыр и тому подобные малопривлекательные по запаху вещи, но консистенция мякоти прямо поразительна и не поддается описанию. Мои товарищи отнеслись к дурьяну строже, чем я, и, раз попробовав, не повторяли своей смелой попытки.

Насколько дурьян возбуждает общее разногласие, настолько все сходятся на мангустане, *mangis* туземцев: его красные плоды, похожие по внешнему виду на гранаты, составляют одно из лакомств тропиков. Если разрезать по экватору красный плод мангустана, то откроется внутренняя часть — род корзинки, где заключено 6–10 долек, как бы сделанных из снега. Маленькие дольки обыкновенно не содержат семян, которые находятся в больших. Мангустан имеет нежный, прохладящий, слегка кисловатый вкус. Его называют по-латыни *Garcinia Mangostana* и относят к тропическому семейству *Guttiferae*. Похожи по вкусу на мангустан также рамбутан с пулассаном — плоды *Nephelium lappaceum* и *N. mutabile*, близкие к нашему конскому каштану. Их нежная мякоть, заключенная в красные шиповатые оболочки, вкусна и ароматна, особенно когда плоды эти вполне зрелы. На мой вкус, они занимают одно из самых первых мест среди других тропических фруктов. В нашей гостинице их подавали очень часто, и мы потребляли их в большом количестве.

Нередко нам давали также мелкие плоды, похожие на наше китайское яблоко. Нужно раздавить упругую оболочку и тогда отведать мякоть, которая сильно отдает камфарой. Зрелые плоды эти бесподобны; но чуть-чуть недозрелые они имеют неприятный привкус, и кислота лишает их почти всего вкуса. Это так называемые дуку-кокозан — *Lansium domesticum* — из сем. *Meliaceae*.

Крупные саву-манила, плоды *Achras Sapota* из сем. *Sapotaceae*, похожи на наши крупные сливы. Они отличаются поразительной сочностью и сладостью; их тело пронизано многочисленными млечными трубками, содержащими обильный сок.

Заменяя наши дыни, лежат на базаре плоды дынного дерева *Carica PAPAUA*, американского происхождения, из семейства *Caricaceae*. Его крупные плоды нередко подаются к столу, но вкус их вначале кажется довольно неприятным, но к нему скоро привыкаешь и он начинает нравиться. В млечном соке этого растения, который пронизывает плоды и особенно молодые листья, найдено особое вещество — фермент, переводящий белки в пептоны. Этому ферменту приписывали одно время большое значение, как целебному средству для лиц, страдающих плохим пищеварением, но практика не подтвердила теоретических ожиданий.

Из бесчисленных других плодов остановлюсь еще только на двух: на так называемом «адвокате»*, *Persea gratissima*, из семейства *Lauraceae*, похожем на недозревшую зеленую

* Современное название — авокадо.

грушу. За тонкой кожицей лежит слой мякоти вокруг крупной косточки. Мякоть сама по себе почти безвкусна и лишена аромата, но если ее протереть через сито, смешать с сахаром и прибавить ложечку рома, арака, портвейна или кофе, то получается ни с чем не сравнимое по вкусу блюдо. В чем тут вкус, я сказать не могу, но раз попробовав «адвоката», мы всегда старались добыть себе этот удивительный плод. Если протертую кашлицу разбавить сильно водой, то получается очень приятный освежающий напиток. *Persea*, однако, не часто продается на базаре и культивируется в Бейтензорге мало.

Главное место как в количественном, так и в качественном отношении занимает банан, *pisang* туземцев, который в огромном количестве привозится на базар, служа одним из главных питательных продуктов для малайцев. Число сортов банана очень велико, оно считается многими сотнями, и вкус, употребление и величина их крайне разнообразны. Одни из бананов — с добрый огурец, мучнисты и неприятны на вкус, другие — *pisang gadja** — не превышают корнишона и имеют нежный сладкий вкус и удивительный аромат, делающие этот плод одним из лучших произведений природы. Кроме этих наиболее распространенных плодов, целый ряд других видели мы на базаре, и неутомимый *mantri Jehiri* показывал и объяснял их. Накупивши большое количество плодов для коллекций, мы поблагодарили нашего проводника и вернулись в лабораторию.

* Дословно — королевские бананы.

Глава IV

Окрестности Бейтензорга, горный сад и лес в Чибодас

Несмотря на весь тот интерес, который представляет собой Ботанический сад, нельзя было долго усидеть в городе. Окрестности Богора, особенно же вулканы Салак и Геде, неудержимо манят к себе натуралиста, и мы, немного осмотревшись, уже через две недели по приезде предприняли первую экскурсию в ущелье Чиапус, лежащее на склонах Салака. Оно видно уже с балкона нашей гостиницы, как глубокая, черная щель на склоне вулкана.

Еще недалеко то время, когда при описании животного мира Явы в первую очередь указывался огромный яванский носорог, который особенно часто встречался по лесам, покрывающим два западно-яванских вулкана — Салак и Геде. Теперь, однако, под натиском все изменяющей культуры, этот царь яванского леса, вместе со своим собратом — королевским тигром, ушел в дикие неприступные дебри самой западной части Явы — в леса Бантама, и турист может спокойно карабкаться по склонам обоих вулканов, не опасаясь встретить ни свирепого «matjan» — тигра, ни огромного «badak'a» — носорога.

Рано утром, когда еще было темно, подъехали к подъезду нашей гостиницы два кахар-балона, запряженные каждый парой маленьких малайских лошадей.

Кахар-балон — высокая колесница на одной оси и двух колесах. Он состоит из двух параллельных скамеек: передней, где сидит кучер и обыкновенно помещается сопровождающий экскурсию слуга, и задней — отведенной для пассажиров. В экипаж приходится влезать через переднее сиденье и сидеть там, согнувшись под крышей, защищающей седока от лучей солнца.

Па-Идан был нашим чичероне. Он был одет в короткие штаны, широкий пояс и темный пиджак европейского покроя. На голове, поверх обычного платка, красовалась гигантская

шляпа, сплетенная из бамбука и покрытая каким-то лаком. Эта шляпа играет двойную роль, или роль зонтика *en tout cas** она защищает закрытого ею человека от солнца или скрывает его от дождя, как шляпка гриба закрывает его пенек. За поясом Па-Идана был заткнут широкий длинный нож — голок. С этим оружием не расстается туземец, и, глядя на то, как яванец обращается с ножом, хочется думать, что природа одарила этих полукультурных людей особым органом, которого нет у образованных европейцев. Я наблюдал то же самое явление у горцев Кавказа, которые ловко управляют со своими огромными кинжалами, одинаково производя ими как самую грубую, так и самую тонкую работу.

Закусивши на скорую руку, мы выехали по направлению к Чиапус и, обогнув гостиницу, переехав по мосту через Чидани, по арабскому кварталу, скоро выехали из Богора.

Дорога шла между рисовыми полями, которые можно было рассмотреть подробно. Вся Ява и большинство других островов Малайского архипелага живет рисом. Рис был ввезен на Яву в незапамятные времена, здесь развилась оригинальная его культура, и отсюда рис вывозится в самые разнообразные страны, даже в Китай и Японию, так как Ява производит одни из лучших его сортов. Если смотреть на рисовые поля с некоторого возвышения, то они производят впечатление шахматной доски с неправильными квадратами. Рисовые поля расположены террасами, одно над другим. Каждый квадратик или каждое поле представляет собою прудик, ограниченный высокими, но очень узкими дамбами, по которым едва может пробираться один человек. Каждый прудик имеет один спуск для впускания воды из вышележащего поля, другой — для отведения воды на нижележащее поле. Со склонов гор стекают, благодаря постоянным ливням, огромные потоки дождя, несущие массу перегноя и почвенных остатков, смываемых ими с горных склонов. Эти драгоценные для земледельца воды не пропадают даром. Яванец умело распределяет воду по рисовым полям, спуская избыток ее в речку, которая бежит по дну долины, среди полей. Водооросительные работы поставлены здесь очень высоко, и специальные инженеры-европейцы и природные инженеры-яванцы умеют достать необходимое для себя количество воды и провести ее на поля даже очень издалека. Неуклюжими плугами, в которые впряжены два огромных и страшных для европейца яванских буйвола — кербау, вспахивает яванец сырую почву своего поля — сава, разбивая мотыгами большие комья почвы. В это время на образцовом участке уже посеяны целые

* Как бы то ни было (*франц.*).

колосья риса, которые дают густые изумрудные всходы. Яванские женщины берут из этого питомника массу растений и начинают аккуратно рассаживать их на равном расстоянии друг от друга. После посадки риса поля заливаются водой, и зрителю кажется, что он стоит среди бесчисленного количества прудов в стране рыбоводства, а не земледелия. Но проходит некоторое время, и из-под воды вылезают сначала желтоватые, а затем быстро зеленеющие стебли риса. Скоро воды уже не бывает видно, и чудные изумрудные поля раскидываются перед наблюдателем. Мало-помалу зеленая окраска полей начинает изменяться на желтую, затем золотые нивы зреющего риса закрывают склоны гор. Тогда начинается рисовая жатва.

Все население кампонгов* в праздничных платьях собирается на жатву. Небольшими острыми ножами срезают по одному колосу риса и небольшую часть его соломы; эти колосья вяжут в пучки, которые соединяют в снопики и на бамбуковых палках относят их на дорогу, где складывают на воза и на тех же буйволах отвозят на мельницы или же уносят домой и прячут в особые амбарчики, которые построены возле каждой хижины. Не одни люди, а ряд пернатых, среди которых особой красотой отличаются пестрые птички рисовки, спешат собрать жатву с рисового урожая. Потому яванцы строят на полях особые шалашики, куда помещают караульных и откуда проводят веревки, на которые навязывают всякое тряпье. Приводя в движение эти веревки, отпугивают пернатых хищников.

На дороге нам попался целый ряд интересных типов, иллюстрирующих местную жизнь. Вот идет, сгибаясь под тяжестью своей ноши, старый китаец. Он несет на плече длинное бамбуковое коромысло, к которому прикреплены две корзины, сплошь наполненные аппетитными ананасами. За ним торопливой походкой идет малаец, несущий два огромных снопа сена, плавно покачивающиеся на бамбуковом коромысле: снова целый ряд носильщиков с ананасами, продавцы дров с вязанками их на голове. Малайки несут толстые клубни кассавы или маниота**, из которых выделывают вкусное тапиоко.

Под большим хлебным деревом китаец открыл свой походный ресторанчик. Он состоит из двух больших столов или шкафов с помещениями внутри них. На одном укреплен жаровня, где на углях кипит вода и варятся какие-то приправы. Китаец листом какого-то дерева успешно раздувает огонь под жаровней. Средину другого стола занимает большой сосуд с рисом, вокруг которого в чашечках разместились приправы, необходи-

* Здесь: деревня (*мал.*).

** То же, что маниок.

Рисовые поля

мые к пресному вареному рису. Ложечкой китаец кладет на листья, сорванные по дороге и заменяющие тарелки, комки вареного риса, а в чашечки наливает из разных мест каких-то жидкостей и кусочков. Проходящий народ получает из такого ресторанчика свой непрехотливый завтрак и продолжает свой путь дальше.

Рисовые поля скрылись с наших глаз, и мы приехали в какой-то лес, который, однако, оказался обычной малайской деревней, хижины которой окружены разнообразными деревьями. Около домов виднелись небольшие плантации маниота, клубники которого в корзине малаек мы встретили на дороге. Из экипажа узнали мы стройные кокосовые пальмы, мангустаны, толстые хлебные деревья и других спутников малайского жилища. Дорога шла в гору, и скоро нам пришлось остановиться возле одной чайной плантации, которая была разбита на склоне Салака, на месте погибшей от паразитического грибка плантации кофе.

Чайная культура все больше и больше завоевывает себе место на Яве; рубятся вековые леса, и на их месте на громадные пространства раскидываются плантации невысокого, курчавого чайного дерева с его блестящими кожистыми листьями. На Яве культивируют два вида чая: китайский (*Thea sinensis*), отличающийся меньшим ростом, и цейлонский (*Thea assamica*) — более крупное деревцо. Семена этих деревьев сеют на грядки и тщательно прикрывают листьями молодые всходы, пока они не достигнут известной величины. Затем их рассаживают отдельно, и через 2–3 года после посева семян уже можно соби-

рать урожай с чайных кустов. Для этой цели на плантациях собирается большое количество малайских подростков, которые с корзинами на боку общипывают листья с побегов чайного дерева. С китайского чая можно собирать урожай каждые 40 дней, цейлонский дает еще большие урожаи, и с него собирают листья обыкновенно еще чаще, через каждые 8–10 дней. При начале западного муссона производят сильную обрезку чайного куста, который пускает новые побеги, приносящие обильно листья. С плантации собранные листья приносят на чайную фабрику, где прежде всего заставляют их подвунуть в больших плоских корзинах, а затем скручивают их руками или же особыми машинами. После этого подвергают чайные листья процессу брожения, причем собирают их в небольшие кучки. При этом брожении чай вырабатывает свойственный ему аромат. Листья принимают черно-бурый цвет и подвергаются затем сушке в особых нагревателях, где проходит струя сухого воздуха. Получается черный чай, который упаковывается в ящики, выложенные станиоленом, и отправляется в продажу.

Когда мы, оставив лошадей у фабрики, под предводительством Па-Идана шли через чайную плантацию, сбор чая был в разгаре, и много молодежи и женщин обрывали листья с зеленых деревцов. Но нам некогда было останавливаться на плантации, и мы быстро двигались вперед, в гору, причем наша компания увеличилась еще одним новым лицом — кули, носильщиком, который с двумя корзинами на коромысле замыкал наше шествие. Пройдя чайную плантацию, мы вступили в настоящую джунглю, где среди густых зарослей нам помогал продираться только нож Па-Идана, которым он направо и налево рубил встечные ветви. Оказалось, что мы идем по недавно покинутой кофейной плантации. Всего несколько лет — и трудно уже узнать, что этот клочок земли был когда-то возделан: до такой степени густо зарос он со всех сторон.

Культура кофе давно уже введена на Яве, около конца XVII века, и в настоящее время на Яве произрастает целый ряд разновидностей, происходящих от двух основных видов: аравийского кофе (*Coffea arabica*) и либерийского (*C. liberica*). Первый вид кофе является основным сортом, второй введен сравнительно недавно. Самые большие насаждения кофе — на востоке Явы, где получают лучшие его урожаи. У кофе существует один страшный враг — микроскопический грибок, который живет на листьях, убивает живые их клетки и тем самым лишает растение самого главного органа питания — листа. Сильно пораженные деревья отмирают, и плантация постепенно уничтожается. Благодаря этой болезни, были почти совершенно уничтожены кофейные насаждения на Цейлоне, откуда болезнь

перешла и на Яву. В настоящее время главная масса кофейных деревьев возделывается туземцами, которые должны доставить известное количество кофейных зерен правительственному агенту. В определенное время происходит аукционная продажа доставленного кофе, которое затем поступает в торговлю.

Много приходится работать департаменту земледелия и его учреждениям для того, чтобы вывести плодovitую стойкую породу кофейного дерева, которая была бы менее чувствительна к поражению грибом. Специальная лаборатория и отделения культурного сада существуют в Бейтензорге для изучения кофе.

Кофейные плантации представляют очень веселый вид. Высокие деревья, обыкновенно *Albizia moluccana*, которая отличается необыкновенно сильным ростом, затеняют плантацию темно-зеленых кудрявых, с блестящими листьями, кофейных деревьев. Целый ряд птиц и мелких млекопитающих являются постоянными спутниками кофейного дерева. Уже на четвертый год оно начинает приносить плоды и дает урожай в течение целого года, так как его цветки и плоды развиваются на ветвях дерева постепенно. Цветы кофе, принадлежащего к семейству мареновых (*Rubiaceae*), белого цвета и очень изящны; из них развиваются ягодные плоды, окрашенные сначала в зеленый цвет, который постепенно переходит в красный. Рабочие обрывают спелые плоды, и собранный материал относится в корзинках или отвозится на возах в экономию или домой, если сбор идет с маленьких туземных плантаций. Там плоды складывают в небольшие кучки, которые оставляют лежать несколько дней, пока не лопнут оболочки плода. Тогда или непосредственно сушат плоды, обдирая присохшее к семенам мясо, или же кладут их в большие чаны, наполненные водой, где их потом тщательно промывают, освобождая от остатков мякоти. Затем семена сушатся на солнце или в особых помещениях. Кофе окончательно очищается, сортируется и поступает в продажу.

Сравнительно меньше, чем кофе, культивируется на Яве шоколадное дерево (*Theobroma Cacao*, из семейства *Sterculiaceae*). Это оригинальное дерево с широкими блестящими листьями цветет мелкими белыми цветочками, выходящими из спящих почек ствола и ветвей. Из этих мелких цветочков развиваются характерные плоды, величиной с небольшую дыню, в мякоти которых расположены рядами крупные семена.

Шоколадное дерево родом из Америки; на Яве оно культивируется по преимуществу около Бейтензорга по склонам Салака, а также в окрестностях Семаранга, приморского города, лежащего на берегу Яванского моря.

Какао выносит сравнительно сухой климат, но не любит яркого света, поэтому на плантациях шоколадные деревья высаживаются между высокими, но редколиственными альбициями. За деревом какао требуется большой уход, так как на него нападают разные враги — паразитические грибки, насекомые, разнообразные звери.

Сбор плодов возлагается на женщин и подростков, которые ударом разбивают плоды и вынимают из них семена. В фактории семена эти складывают в кучи и подвергают их брожению, после которого семена буреют. Затем их отмывают, высушивают, упаковывают в мешки и отправляют на фабрики в Европу. При урожае плантации какао дают очень хороший доход. В 1904 году с Явы было вывезено около миллиона кило какао.

Но там, где мы шли, вместо плантаций была едва проходима джунгля. Целый ряд деревянистых и травянистых растений образовали стену по бокам тропинки и преграждали нам путь. Раскидистый крупный кустарник свешивал со своих ветвей целые гирлянды бледно-лиловых ягод с перламутровым блеском. Это — лапортея, одно из крапивных; его листья причиняют мучительный ожог, боль от которого не проходит несколько дней.

Дорожка наша стала круто спускаться, и скоро мы вошли в узкую горную долину, образованную стекающим со склонов Салака ручьем Чиапус. Обычный горный ландшафт открылся перед нами, но далеко не обычная обстановка нас окружала. Огромные камни в беспорядке были нагромождены по ложу ручья, который обнаруживал свое существование, то образуя небольшие ямки, наполненные водой, то тек довольно быстро, то почти исчезал среди песка и камней.

Воздух был насыщен влажными испарениями, всюду чувствовалась сырость, и среди такой тепличной атмосферы великолепно развивались бесчисленные мхи, которые ботаник относит к печеночникам, к одним из наиболее интересных растений по своим разнообразным приспособлениям к окружающей их среде. Жадно набросились мы на великолепные экземпляры дюмортиер, маршанций, антоцеросов, ощущая и имея в руках то, что мы до сих пор знали по книжкам.

Утолив свой первый ботанический голод, мы пошли вверх по ручью и вскоре свернули в девственный лес, где сразу очутились в довольно затруднительном положении. Пробираться вперед было крайне трудно: многочисленные лианы со всех сторон преграждали нам путь, ужасные ротанги спускали свои удочки и ловили нас, как рыб на поддев, мшистая почва затрудняла движение.

В лесу был полумрак, и среди такой обстановки привыкший к ней Па-Идан вскоре обрадовал нас находкой одного из интереснейших растений — раффлезии.

Раффлезия встречается на Малайском архипелаге, особенно же часто на о-вах Суматре и Яве. На Суматре живет гигантская *Rafflesia Arnoldi*, которую я видел в спирту в музее Ботанического сада. На Яве же обитают две: одна очень крупная, но уступающая по величине *R. Arnoldi*, это — *Rafflesia Patma*; другая, найденная нами на Салаке, *Rafflesia Rochoussenii*. Это растение принадлежит к полным паразитам, которые питаются соками тех растений-хозяев, на которых поселяются. Ненуждаясь в самостоятельном добывании пищи, оно почти совершенно утратило свои листья, стебли и корни и сохранило лишь небольшую ткань, которая, как нить гриба, внедряется в корень растения-хозяина и высасывает из него соки. Осталась без изменения достигшая огромного развития лишь одна часть растения — его цветок.

Наша раффлезия принадлежит к наиболее мелким представителям этого рода, но и у нее распустившийся цветок не меньше большой чайной чашки, а бутон достигает величины кулака ребенка; бутоны же *R. Patma* и *Arnoldi* много крупнее — они величиной с большой кочан капусты. Раскрытые лепестки раффлезии имеют мясо-красную или грязно-розовую окраску, и цветок издает резкий запах падали. Этот запах и масса мух, которая вилась около открытого цветка раффлезии на Суматре, заставили думать, что эти цветки опыляются мухами, которые откладывают свои яички и питаются разлагающимся мясом. Наша раффлезия была собрана или в виде бутонов, или с распадающимися цветками, издававшими также сильный запах падали.

Лианы положительно мешали сколько-нибудь успешно подвигаться вперед. Одни из них были, как толстые длинные веревки, другие походили на каких-то удивительных змей, вся поверхность тела которых была покрыта невысокими плотными шипами. Па-Идан обрубил кусок лианы, и из ее ствола потек чрезвычайно обильный водянистый сок, который можно было свободно пить, утоляя жажду и не рискуя проглотить при этом какого-нибудь возбудителя дизентерии или другой болезни, столь распространенных под тропиками.

Наши сборы научного материала были в самом разгаре, когда отдаленный гром заставил нас поспешно прекратить коллекционирование и быстрыми шагами направиться по руслу Чиапуса, чтобы до дождя выйти из его ущелья. Это удалось нам, и после более или менее усиленного марша по старому пути мы сидели под гостеприимным кровом малайской хижины. Старый Па-Идан очищал для нас ароматные ананасы, которые росли тут же, около хижины, в изобилии, а кули, как обезьяна, упираясь руками и ступнями ног, взобрался на кокосовую пальму и кидал оттуда незрелые орехи. Ловким ударом ножа Па-Идан разбил орех,

приготовил из бамбукового стебля стаканчики, и мы пили вязущий кислотавый сок кокосового ореха, не очень-то одобряя этот напиток; зато малайцы уничтожали его с наслаждением.

Внутренность кокосового ореха, пока он еще не созрел, выполнена жидким прозрачным соком; по внутренней поверхности ореха постепенно начинается образованием слой белка, который все увеличивается. По мере роста и развития белок становится более твердым и плотным, жидкость мутится и принимает молочный цвет, почему и называется кокосовым молоком; самый плод зовут кокосовым орехом, но ботаники называют такой плод костянкой (как костянка миндаля). Когда мы ели молодой белок, он имел студенистую консистенцию и, по-моему, был совершенно безвкусен.

Закусив кокосовыми орехами и ананасами, мы сели в наши экипажи и вернулись домой под потоками проливного дождя.

Эта первая экскурсия произвела на нас неизгладимое впечатление. Она показала, как богат и разнообразен растительный мир тропического леса и до какой степени трудно разбираться в нем непривыкшему и мало подготовленному человеку.

За этой экскурсией должны были следовать другие; особенно нас привлекала поездка в горный сад и сохранившийся в полной неприкосновенности тропический лес в Tjibodas, где устроена также небольшая ботаническая лаборатория.

Сделав короткую экскурсию в окрестности Бейтензорга, в джунгли Депока, в Батутулис — маленькую станцию, известную своим висячим мостом, сделанным из бамбука, а также большими камнями, на которых сохранились какие-то старинные, еще индийские надписи, откуда и название самой станции (бату — камень, тулис — все, что написано), мы стали собираться в Tjibodas. Туда можно попасть двумя путями: взяв тот же кахарбалон, который доставит в Синдаглаю или в Чипанас, или же ехать по железной дороге до станции Чианджур и оттуда на лошадях до Чипанас. Лучше всего ехать туда по железной дороге, а обратно — на лошадях, так как дорога идет назад под гору и расстояние в несколько десятков километров можно проехать без особой усталости.

Тот поезд, который заставлял нас обыкновенно еще за утренним чаем, в одно великолепное утро, в половине февраля 1909 года, повез нас до станции Чианджур. Поезд состоял всего из двух вагонов: одного смешанного, первого и второго класса, и одного третьего. Европейцы обыкновенно ездят только в 1-м и 2-м классе, но расстояние показалось нам невелико, езды всего 4 часа, и мы сели в вагон третьего класса. Оказалось, что в нем можно ездить совершенно свободно. Длинные скамейки достаточно широки, воздуха много, жалюзи хорошо защищают

от солнца; разница же в цене слишком велика: второй класс стоит больше чем втрое дороже третьего.

Сначала поезд пробегает по Бейтензоргу, мимо чистых домов европейского квартала, под нашей гостиницей пересекает дорогу и выходит за пределы города, поднимаясь медленно в гору, мимо садов и поселений туземцев, до станции Батугулис. Оттуда поезд идет по широкой долине, между двумя стражами Явы — Геде и Салаком.

Несколько раз проезжал я по этому пути и никогда не уставал любоваться его прекрасными видами.

У самого полотна железной дороги, образуя пестрый бордюр, цветут различные растения, среди которых больше всего бросаются в глаза лантаны, дикие вербены и целый ковер из папоротников. Средину картины занимает большое пространство рисовых полей, изумрудная зелень которых ласкает взор путешественника. Среди этих зеленых пространств то здесь, то там возвышаются группы деревьев, указывающие на малайские кампонги (деревни), а на заднем плане темные очертания Салака или Геде заключают всю декорацию.

Поезд быстро движется вперед, пересекая реки и ущелья, проезжая мимо маленьких станций; иногда он пересекает большую дорогу, усаженную великолепными экземплярами *Dampiera*, хвойного дерева с широкими кожистыми листьями, и мчит дальше, замедляя постепенно свой ход вследствие большого подъема на плато станции и города Сукабуми, лежащего уже на высоте 650 метров. Поезд, таким образом, забрался на 400 метров, так как Бейтензорг лежит всего на 235 метров над уровнем моря.

Сукабуми — излюбленное местопребывание бейтензоргцев, когда они имеют свободное время. Высокое положение местечка, более прохладный климат, великолепная растительность делают пребывание здесь очень приятным. Но мы простояли там всего несколько минут, и поезд увлек нас дальше, сильно спускаясь вниз к станции *Tjiandjoeg* — Чианджур, откуда мы уже должны были взять экипажи, чтобы ехать дальше.

Интересно отметить между Бейтензоргом и Сукабуми станцию *Tjibadak*, что значит по-малайски «носорожья река». От тех носорогов, которыми еще так недавно изобиловали лесные дебри Салака, осталось название железнодорожной станции.

В Чианджуре мы нашли неизменные кахар-балоны, куда едва-едва втиснули себя и свои многочисленные вещи, которые малаец называет «*barang-barang*».

Маленькие лошадки тронулись в путь, и мы поехали по улицам этого местечка, где имеются дачи европейцев, отель, но главную массу жителей составляют туземцы. Их домики —

«избушки на курьих ножках» — построены по одному и тому же плану, общему для западной Явы. На тонких ножках из бамбуковых стеблей, на высоте $\frac{3}{4}$ аршина или несколько больше от уровня почвы, кладется бамбуковый же остов — нижний венец дома. По углам укрепляются четыре бамбуковых столба, а сверху накладывается другой венец из того же бамбука. На верхнем венце укрепляются стропила для крыши, на венец кладутся бамбуковые балки. Из циновок, плетеных из того же бамбука, устраиваются стены этого дома, а из пальмовых листьев делается крыша. Вот и вся немудреная постройка дома.

Однажды против Ботанического института строился сарай. Утром еще лежал сырой материал для него, а к вечеру в него переносили те предметы, для хранения которых он строился. Так же скоро возникают и хижины яванцев.

Передний план малайского дома занят верандой, на которой проходит большая часть жизни обитателей дома. В доме обыкновенно одна комната, бамбуковый пол которой выстлан бамбуковыми или панданусовыми циновками. На некотором возвышении устроена кровать, закрытая занавесом, необходимым для защиты от всевозможных насекомых. На этой кровати, кроме подушки в изголовье, всегда лежит длинная подушка в виде валика, которую кладут между ног во избежание сильного пота. В углу несложная плита, которая часто отсутствует, так как малаец охотно ест свой рис из походных ресторанчиков, постоянно бродящих по кампонгам, а плоды не требуют варки. Такова несложная обстановка малайской избушки.

Построив ее из дешевого бамбука, питаясь той пищей, которую он может получить почти даром, неприхотливый в одежде, малаец не знает нищеты, и нам действительно не пришлось встречать на Яве нищих в нашем смысле слова. И взрослый рабочий, кормилец своей семьи, может прожить не голодая, зарабатывая 10 центов за поденную работу с 6 час. утра до полудня.

Дорога из Чианджура все время идет в гору; местами подъем довольно крутой, местами она идет по сравнительно ровной местности, и тройка бойких лошадок резво катит кахар-балон, в котором, кряхтя и толкая своего спутника, сидит турист. Если Салак около Бейтензорга доминировал над всей окрестностью, то здесь Геде занимает весь задний план, показывая то одну свою вершину, то обе вместе — Геде и Пангеранго, увенчивающих, как Эльбрус, двуглавой вершиной мощный массив вулкана.

Дорога очень оживлена, постоянно встречаются прохожие с коромыслами через плечо, несущие на них две большие корзины с предметами культуры своих полей. При встрече с европейцем они, особенно женщины, отворачиваются и переходят на край дороги.

После трех часов езды мы проехали мимо местечка Tjiranas, что значит «теплые воды». Там есть теплый источник, где можно искупаться, и выстроен прекрасный дворец генерал-губернатора, где он проводит обыкновенно два самых жарких месяца в году. Недалеко от него, между Чипанас и Синдаглайей, другим местечком, где выстроена удобная гостиница, служащая санаторией по своему горному климату, около каких-то ворот, где расположена лавочка туземцев, мы остановились и вылезли из наших кахар-балонов, распрямляя свои затекшие от долгого сиденья члены. Там ждали нас уже высланные любезным управляющим Tjibodas кули, которые проделали сквозь наши выюки бамбуковые жерди и скорым шагом пустились вверх по крутой дороге.

Было около часа дня, т. е. время обычного ливня. На этот раз природа не была к нам любезна, и не успели мы выйти из-под кровли лавочек, где покупали циновки, или «тикары», как полил проливной дождь. Пришлось немного обождать, но затем, храбро раскрыв наши зонтики и надев плащи, мы двинулись в путь по крутой дорожке, по направлению к вулкану, покрытому лесом.

Не успели мы пройти и малой части пути, как нам наперерез показалось буйволовое стадо, которое гнали малайские мальчики. Эта встреча не особенно приятна, так как кербау не любит белых людей. Как часто приходилось видеть ребятишек, сидящих верхом на буйволах и подстегивающих их сломанной веткой, но при виде европейца буйвол фыркает, сердится и готов броситься на пришельца. Но эта встреча прошла благополучно, и мы беспрепятственно, несмотря на дождь, подымались по дороге.

Вся окрестность кругом, не считая Геде, представляла собой рисовые поля, которые, как озера, блестели своей водной поверхностью. Группа деревьев скрывала хижины малайцев, и ландшафт высококультурной местности показывал какую-то своеобразную прелесть.

Особое внимание на дороге обращают высокие стройные древовидные папоротники, принадлежащие к роду *Alsophila*. Черные, слегка изогнутые стволы их сохраняют на своей коре крупные отпечатки листьев, которые заканчивают собой стволы в виде великолепных раскидистых вайй, похожих на страусовые перья.

Мы проходили мимо пустых поселений, то поднимаясь, то слегка спускаясь и поднимаясь еще выше.

Наконец, после небольшого спуска достигли мы горного ручья, который с шумом катился с вулкана, а перед нами стояла зеленая стена леса, в которой едва виднелась дорога. Этот ручей и был Tjibodas, т. е. Белый ручей, и на его берегу стояла красно-

речивая надпись, указывающая, что мы находимся в горном саду Tjibodas.

Крутой подъем ведет в сад; среди зарослей кустарников мы прошли мимо хижин рабочих, мимо полей картофеля, который отлично растет на этой высоте, доставляя обычный овощ к столу голландцев на Яве, и, пройдя мимо прелестного озера, вошли в чудную аллею из араукарий.

Араукария — не местное дерево, оно ввезено сюда из Бразилии, но здесь прекрасно принимается, хотя почему-то не дает всхожих семян. Араукариева аллея вела как раз прямо к лаборатории горного сада, одного из лучших уголков, которые только существуют на свете.

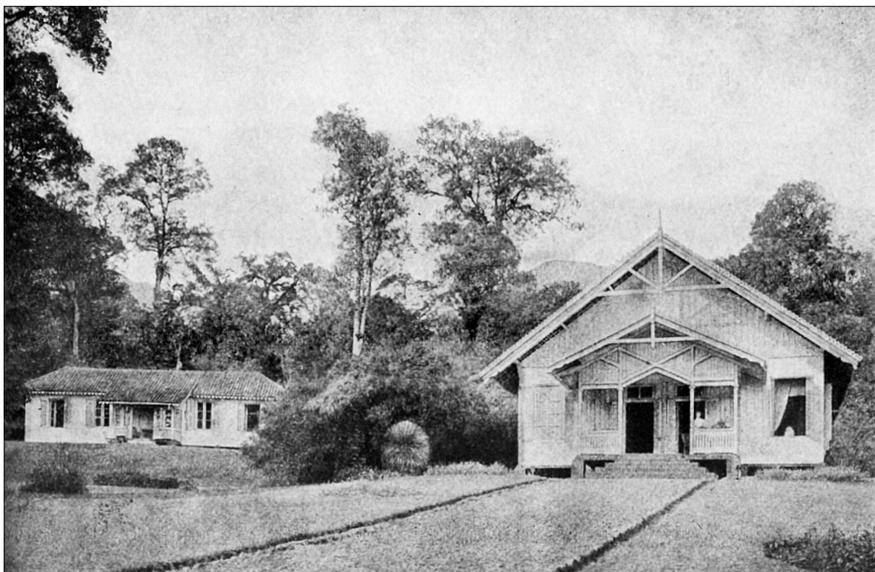
Сердитый дождь не переставал; мои спутники, кроме одного, отстали, кули также задержались где-то, и нам пришлось мокрым и в сыром доме уже опасаться за свое здоровье. К счастью для нас, в уютной библиотеке института мы нашли небольшую газовую печь, которая скоро стала распространять живительное тепло, согревшее нас и приведшее в хорошее настроение. Скоро пришли наши товарищи и кули, и мы сидели за чаем, осматриваясь в новом помещении.

Горный сад в Tjibodas принадлежит, по моему мнению, к «чудесам света». Представьте себе девственный первобытный лес, никогда еще не тронутый топором, и рядом с ним, на его опушке, вполне устроенную научную лабораторию, дающую не только возможность работать, но и такой комфорт, как пользование газом для освещения и нагревания, фотографические комнаты, библиотека и т. п.

Проф. Трейб, устроивший эту лабораторию, выказал и свой практический талант, и свою заботливость о посетителях этой лаборатории.

Когда воздвигался дворец для генерал-губернатора в Чипанас, Трейб дал из леса Чибодас несколько стволов драгоценного дерева расамалы и получил разрешение использовать за это остатки материала от постройки дворца. Из этих остатков и выросла лаборатория в Чибодас — прелестное здание, построенное с большим вкусом и изяществом.

Это — одноэтажное здание, стоящее на каменных столбах. По небольшой лестнице вы выходите на веранду, откуда дверь ведет в довольно длинный коридор; налево — четыре небольших комнаты-спальни, где стоят удобные кровати, умывальник, шкаф для платья и небольшой столик. Направо из коридора дверь открывается в изящно уставленный мягкой мебелью салон, где с потолка спускается газовая люстра, ярко освещающая покрытый скатертью стол. На стене между окнами висит зеркало, а против него, у противоположной стены, стоят два

Лаборатория в Чибодасе

шкапа с книгами; в одном помещены книги по ботанике, в другом — целая серия романов и повестей на разных языках: французском, немецком, голландском, английском, итальянском; нет только русских книг. Эта библиотека предназначена для отшельников, которые удаляются в горный сад в Tjibodas, и на несколько времени бывают почти вполне отрезаны от внешнего мира.

Другая дверь, направо, ведет в лабораторию — хорошую помещительную комнату, снабженную проведенным газом, водой и водоотводами. Здесь ботаники разбирают, просматривают научный материал, который они собирают в саду и в лесу.

Задняя половина дома занята столовой, которая выходит на другую веранду, соединяющуюся с кухней и службами. Около дома помещаются купальня, где течет быстрый горный ключ, сараи, фотографическая комната, а сзади — небольшой газовый заводик и газометр, откуда газ распространяется по комнатам лаборатории.

Уже совсем стемнело, когда прекратился дождь и небо прояснилось. Горный воздух был необыкновенно чист и прозрачен, и роскошное тропическое звездное небо раскинулось над уснувшей природой. Из леса раздавались какие-то звуки, пролетали ночные животные — летучие мыши и птицы, и вся природа переживала то неизъяснимое состояние, какое приносит с собой тропическая ночь.

Горный сад Tjibodas лежит на высоте 1425 метров над уровнем моря на склоне вулкана Геде. Сад — это часть леса, расчищенная и отвоеванная у него и засаженная другими деревьями. Его основание было заложено Тейсманном, который искал подходящих мест для плантации хинного дерева и для этой цели разбил сад на склоне Геде. При этом Тейсманн не ограничился разбивкой одного сада. Он устроил отделения его на высоте 2400 и 3025 метров на самой вершине вулкана Геде, называемой Пангеранго. Чудный райский климат царит в этом горном саду, особенно в то время года, когда мы посетили Tjibodas. Рано утром, когда солнце освещает снизу вершины горы и верхушки деревьев, между 6 и 7 час. утра, температура не поднимается выше 14–16 °С.; к обеду, когда палящие лучи солнца падают отвесно на землю, в тени было не более 20–21°С., а вечером после захода солнца температура снова падает до 16–18 °С. Эта прохлада, соединенная с бодрящим горным воздухом, наполняет все существо посетителя Tjibodas каким-то приливом энергии, жаждой деятельности; он глубже чувствует окружающие красоты природы и теснее сливается с ее жизнью.

Рядом с лабораторией выстроен домик для заведующего европейского садовника, около него оранжерея без стекол, цветник, а выше, на склоне горы, есть место, откуда открывается вид на всю окрестность. Прямо перед глазами наблюдателя поднимается во всем величии вулкан Геде и его главная вершина Пангеранго, не покрытая уже лесом; как сахарная голова в зеленой раме леса, она ясно вырисовывается на чистом утреннем небе; далекий горизонт открывает широкие горные долины, где, как зеркала, блестят рисовые поля, а в сильный бинокль можно отличить беспредельную гладь Яванского моря и ряд островков, окаймляющих яванский северный берег. Далекие цепи гор параллельными рядами разнообразят общую картину. Если зритель переводит свой взор на ближайшие предметы, то темная стена девственного леса, поднимающегося непосредственно за лабораторией, прежде всего останавливает его внимание. Среди зелени леса, как огромные колонны, поднимаются гигантские расамалы (*Liquidambar Altingiana*), наиболее высокие среди других лесных великанов. Они нередко достигают высоты в 50 метров, но среди них есть и гиганты в 80 метров, т. е. в 40 сажен высотой. Вообразите дерево на 2 сажени выше колокольни Ивана Великого в Москве, и вы составите себе представление о мощности этого гиганта. Его крона образуется высоко над землей, и редкие ветви представляют сравнительно небольшой шатер, который поддерживается массивным стволом. Остальные деревья ниже расамалы и образуют сплошную зеленую стену, которая открывается по мере приближения к ней.

В самом саду наибольшее впечатление производит колоссальный экземпляр *Dammita alba*, выросший на склоне холма, откуда открывается прекрасный вид; аллея из араукарий много говорит сердцу северянина, напоминая родные ели. Два совершенно своеобразных дерева как бы охраняют вход в лабораторию. Это два австралийца — злаковые деревья — *Xanthorrhoea australis*; их массивный и невысокий ствол увенчан целым снопом длинных узких листьев, похожих больше всего на листья какого-нибудь злака, а не дерева. А отдельно стоящие печальные эвкалипты своими опущенными длинными листьями и гладкой корой напоминают наши ивы. Около места, откуда мы смотрели на окрестности, разбросаны грядки с земляникой, которая не растет в Бейтензорге, здесь же дает ягоды; но они не сладки и не ароматны, хотя считаются большим лакомством и очень ценным блюдом и поставляются отсюда к столу генерал-губернатора.

Мы вставали около шести часов утра и торопили взятого из Бейтензорга служителя Яа готовить нам утренний завтрак, чтобы пораньше выбраться в лес и вернуться до послеполуденного дождя. К нам утром приходил старый *Sarihin*, местный Па-Идан, который не только знал прекрасно лес, но и массу растений, особенно интересующих натуралиста. Вместе с ним был в качестве кули его сын, смысленный малый. Уже многих натуралистов сопровождал *Sarihin* по лесу в *Tjibodas*, но здоровье стало изменять старому мантри; он был сильно болен, когда мы посетили *Tjibodas* вторично; не знаю, жив ли он теперь.

На пространстве 283 гектаров лес по склону Геде принадлежит ботанической лаборатории в *Tjibodas* и является вполне заповедным, где не происходят ни порубки, ни расчистки, и он сохраняет свою полную неприкосновенность и прежний характер, когда все горы Явы были покрыты подобными лесами. Изменилась только в нем жизнь животных. Крупные звери (королевский тигр (*matjan lorék*), носороги) покинули уже давно леса Геде под напором надвигающейся культуры, остались лишь кабаны — *babi utan*, пантеры, рев которых иногда слышен в лаборатории по ночам, да различная мелочь: виверры, кошки и целая масса других млекопитающих, не страшных для невооруженного ничем, кроме палки, путешественника.

Для того, чтобы вновь пришедший натуралист мог сколько-нибудь ориентироваться в бесконечном разнообразии тропического леса и не блуждал бы там около лаборатории, прорубая себе дорогу, в лесу проделана целая система дорожек — *tarawas*, а весь лес разделен на четыре «*terrain*». В каждом «*terrain*», или отделе, дорожки нумерованы и наиболее интересные деревья имеют по две дощечки, с номером дерева и латинским названи-

ем. Эта великолепная организация позволяет натуралисту одному, без провожатых, углубляться в лес и отходить на некоторое расстояние от тропинок в самую чащу леса.

В первое же утро мы направились в лес и, несмотря на некоторую привычку к тропической растительности, были ошеломлены той буйной и бесконечно разнообразной природой, среди которой мы очутились.

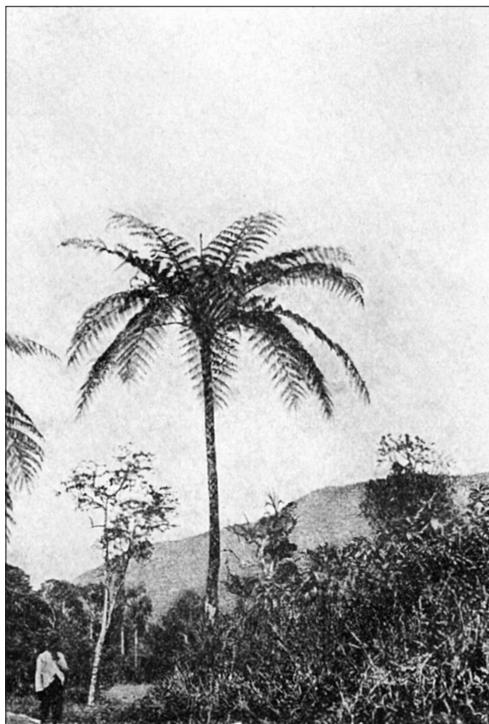
Дорожка (*tagawas*), по которой мы шли, довольно круто поднималась в гору; время от времени она огибала какое-нибудь громадное дерево, которое имело номер и название. Наряду с гигантскими расамами, немного уступая им в величине, поднимаются огромные фикусы со своими, имеющими вид досок, корнями, которые как подпорки укрепляют огромное дерево. Яванские дубы с гладкими листьями и оригинальными плоскими желудями, яванские каштаны, хвойные деревья, *Podocarpus* с нежными тонкими хвоей, лавровые деревья с блестящими кожистыми листьями, *Melastomaceae* с крупными листьями, покрытыми сетью выступающих жилок, и целая масса других незнакомых деревьев составляли фон леса. Я говорю «незнакомых» — да разве возможно узнать флору леса, в состав которой входит более 1000 видов одних деревянистых растений! Фикусы поражали своими оригинальными соцветиями и плодами, которые выходили из разных мест их стволов, ветвей. Казалось, дерево покрыто целым рядом грибов, которые сидят на его ветвях. Всюду цепкие лианы перекидывали свои канаты, затрудняя движение помимо тропинок. Большое количество фрейсинетий свешивалось с деревьев, но более всего бросался в глаза один папоротник — птичье гнездо, *Asplenium nidus*. Он помещался на ветви дерева или на конце какой-нибудь лианы и действительно походил на гнездо или на корону, подвешенную за середину. Его огромные листья, достигающие сажени в длину, распределяются правильным кругом по корневищу, которое внутрь круга пускает корни. Посредине гнезда между корнями накапливается перегной, на счет которого и живет этот папоротник. Нигде мне не приходилось видеть таких больших и разнообразных папоротников, как в лесу в *Tjibodas*. С деревьев, как змеи, свешиваются ужовники (*Ophioglossum*), родные братья нашим маленьким ужовникам, растущим в средней России. Их огромные споровые колоски в четверть аршина длиной болтаются, свешиваясь с листьев. Среди зарослей внизу громадные ангиоптерисы; те, что мы видим в Ботаническом саду, представляют особый интерес величиной своих листьев, значительно превосходящих любой человеческий рост. Вся почва занята мхами-печеночниками, которые, как огромные черви, расходятся в разные стороны,

Внутренний вид тропических лесов в Пибодасе

покрывая собой камни и откосы дороги, то лиственными мхами — целыми маленькими деревцами, в тени пальмообразной кроны которых растут различные растения. Чем выше поднимаемся мы, тем гуще становится подлесок, ниже — деревья. Нога тонет в мягком мшистом покрове, становится почти невозможно двигаться в стороны от дорожек среди зарослей эллетарий, громадных листьев папоротников глейхений и других травянистых растений. Но мы карабкаемся, не щадя себя, так как под нашими ногами растут те сокровища, о которых мы раньше читали в книгах и с завистью рассматривали их в музеях зарубежных университетов. Тут встречаются мхи *Calobryum* и *Treubia*, одни из наиболее интересных представителей этого класса растений; вместе с ними ряд других мхов, показывающих, что разнообразие расчленения тела мхов ничуть не уступает высшим растениям.

Ряд других споровых растений составляет нашу добычу, и мы не можем остановиться, собирая бесчисленные папоротники из семейства *Hymenophyllaceae*, которые покрывают стволы деревьев. Только в этой насыщенной атмосфере, при этом рассеян-

Древовидный папоротник — *Alsophila*

ном солнечном свете могут жить такие растения, все строение которых скорее указывает на их водный образ жизни, а не на то, что они живут часто высоко над землей на стволах каких-нибудь лесных гигантов. Ветви деревьев одеты густым покровом разнообразных мхов, лишайев, папоротников, цветковых растений, среди которых первое место занимают разнообразные орхидеи; листья — и те не остаются свободными от посторонних обитателей, на них поселяющихся. Они покрыты целой коркой из мхов, лишайников и водорослей, образующих сообщества так называемых эпифиллов, так как они живут на листьях. Совершенно нагруженные добычей, мы возвращаемся домой и с большим аппетитом поедаем вкусный завтрак, приготовленный Яа. После завтрака нет времени отдыхать, и мы с жаром набрасываемся на разбор коллекций, превращая мирную и чистую до тех пор комнату в склад листьев, веток и т.д. Вечером, усталые от дневной работы, мы отдыхали в уютной гостиной, читая романы из местной библиотеки. И вот среди такой идиллической обстановки однажды были нам доставлены номера «Русских Ведомостей» с вестями о далекой родине. Там в это время разыгрывался кош-

мар азэфовщины, и как тяжело, как больно было нам за нашу родину, весь трагизм положения которой был так ясен при оценке его из этого прекрасного далека.

Ознакомившись с ближайшими окрестностями лаборатории, мы направились в одно ясное утро к водопаду Чибурум, лежащему в 1½ час. ходьбы от лаборатории. Дорога все время идет лесом вдоль быстрого ручья, вытекающего из скал Чибурум и получающего свою воду из водопада. Картина леса мало меняется, дорога широка и идти по ней не представляет особого затруднения. Всюду свешиваются лианы и корни эпифитов, на прогалинке попадаются цветы разных растений, среди которых голубые «не тронь меня» (*Impatiens*) больше других бросаются в глаза; обилие папоротников поразительное; изящные гименофилловые (*Hymenophyllaceae*) одевают своими тонкими стеблями и листьями стволы деревьев, задерживая влагу для дерева и поглощая ее всеми клетками своего нежного организма. После часа ходьбы мы пришли к небольшому болоту, сплошь заросшему папоротником *Gleichenia*. Корневище этого папоротника растет в земле, а огромные листья переплетаются и стелются по земле, напоминая скорее стебли, чем листья. В углах их вильчато рассеченных черешков находятся почки, которые скрывают нераспустившиеся части листа, и такой лист может расти очень долгое время, достигая огромных размеров. Среди глейхений местами пришлось пробираться с помощью ножа — так густы были сплетения их листьев.

Вдали слышится шум водопада, мы идем дальше, и картина леса изменяется. Почва становится более болотистой, деревья мельчают, их ветви еще больше одеты эпифитами, чем в других местах леса, а под нашими ногами, скрываясь между кустарником, растет одно из удивительнейших растений тропических стран — насекомоядное растение *Nepenthes*. Его листья оканчиваются крупными кувшинами, полуприкрытыми крышками. Яркая пестрая окраска кувшинов привлекает к ним различных насекомых, которые садятся на край кувшина, но он настолько гладок, что насекомые не могут удержаться на нем, скользят и падают на дно кувшина в водянистую жидкость, скопляющуюся там. Насекомые находят там себе гибель, а растение, выделяя пищеварительный сок, переваривает их и к своей обычной пище, получаемой из воздуха и почвы, присоединяет новое блюдо — животные организмы. Если заглянуть несколько времени спустя в кувшины непентеса, то от бедных насекомых остаются только крылышки и другие непереваримые части, свидетельствующие о хищных наклонностях этого растения. Однако число жертв, которое можно найти в кувшинах непентеса, сравнительно очень незначительно, настолько мало, что является непонят-

ным, зачем растение вырабатывает себе такое сложное приспособление, если оно так мало использует его? Этот вопрос до сих пор еще остается нерешенным, стоит загадкой для биолога, привыкшего видеть в приспособлениях ответ на необходимые жизненные потребности организма. Мы набрали полные корзины этого интереснейшего растения и продолжили свой путь к видневшемуся уже водопаду. Горное ущелье, по которому мы шли, замыкается в этом месте отвесными скалами, с которых тремя большими каскадами низвергается водопад, разбрасывая миллионы брызг вокруг. Лучи солнца преломляются в этих брызгах, образуя ряд радуг или радужных колец, окружающих струю водопада. Растительность вокруг имеет очень жалкий характер. Быть может, такой характер является непосредственным следствием обвала, имевшего место недавно и уничтожившего большое пространство леса. Скалы около водопада остаются все время влажными от его брызг. Они покрыты сплошным зеленым ковром из водорослей, мхов, а внизу разрастаются великолепные экземпляры одного растения из кропивоцветных — *Elatostemma*. Быстрый ручей бежит со скал от водопада, превращаясь после дождей в бешеный поток, который все уничтожает на своем пути.

Налюбовавшись прекрасным зрелищем водопада, мы вернулись домой, но не по первоначальной широкой дороге, а по еле заметным тропинкам, часто даже без тропинок, по девственному лесу. И при этом путешествии в самой чаще леса нам пришлось убедиться в справедливости ранее сделанных наблюдений относительно большой светопроницаемости в чаще тропического леса по сравнению с полутемными еловыми или буковыми лесами, где почти совершенно не развивается подлеска и нетронутый лес имеет вид прочищенного парка. В тропическом лесу разлит мягкий ровный свет, и поэтому он изобилует массой подлеска. И конечно, раз этот факт был установлен, необходимо было сделать попытку к его объяснению.

Прежде всего необходимо указать, что тропические деревья по большей части менее густо олиствлены, чем деревья средней Европы. Это стоит в полной связи с тем количеством света, которое солнце изливает в экваториальных странах, благодаря чему лист может производить и производит большую работу, чем в средних широтах. Йенский профессор Детмер сделал ряд чрезвычайно интересных сравнительных наблюдений над образованием веществ растением в Йене и Бейтензорге. За месяц зерна маиса, посеянные в Бейтензорге, развили растения, сухой вес которых равнялся 29,5 gr.; те же зерна маиса в тот же срок дали в Йене растения с сухим весом всего в 6,5 gr., т. е. образовательная способность растений под тропиками почти впятеро больше, чем в средней Европе.

У целого ряда тропических растений, благодаря большому количеству света, лист подставляет падающим лучам не свою широкую, а свою узкую сторону, и свешивается с ветки, подобно листьям эвкалипта. Листья таких деревьев мало затеняют почву и дают возможность развиваться большому подлеску. Блуждая по чаще тропического леса, мы видели, до какой степени наполнен лес растительностью. Почва покрыта целым ковром мхов и других растений, густой подлесок составляет нижний этаж лесной растительности, многочисленные лианы дают возможность развиваться на их стволах целому сообществу эпифитов, которые, подобно папоротнику *Asplenium nidus*, как бы висят в середине леса, как паникадила в церкви. Верхний этаж леса занят кронами лесных великанов, около которых, стремясь к источнику света, обвиваются лианы. Высокие ветви деревьев заняты невероятным количеством эпифитов. Однажды мы набрали на упавшее дерево. Все его ветви были сплошь одеты густым фуляром мхов, как муфтой; среди мхов приютились разнообразные орхидеи и папоротники.

Десять дней прожили мы в Tjibodas, и все они промелькнули как один день. Мы далеко не успели ознакомиться с главными типами тропического леса, не посетили вершины Геде и Пангеранго, поэтому решили снова приехать спустя некоторое время.

В конце марта и начале апреля, страстную неделю 1909 года мы провели опять в горном саду, использовав время между прочим и на восхождение на вершину Пангеранго.

Это восхождение требовало значительных приготовлений. Рано утром были высланы кули с запасами еды, керосина, теплым платьем, которые должны были доставить все это в хижину, выстроенную на седловине между двумя вершинами, Пангеранго и Геде, а вслед за кули выступили и мы. Дорога шла по направлению к водопаду Tjiburum и недалеко от водопада сворачивала, поднимаясь круто в гору, и мы долго поднимались среди густого леса, молчание которого нарушалось резким криком многочисленных обезьян, населяющих эти места. Иногда нам удавалось видеть серых обитателей леса, с поразительной быстротой карабкавшихся по лианам и перескакивавших с дерева на дерево, но по большей части они успевали скрыться среди ветвей и листвы прежде, чем мы могли их заметить. После долгого и утомительного подъема мы достигли интересного ущелья, где из-под земли вытекал источник настолько горячий, что в его воду едва возможно было опустить руку. Его горячие воды переливались через дорогу и скачивались куда-то вниз по ущелью. Облако густого пара окружало его, и на камнях, омываемых горячей водой, росли, вели-

колепно развиваясь, водоросли-дробянки, или так называемые сине-зеленые водоросли, которые являются самыми неприхотливыми существами, переносящими даже эту высокую температуру. Этот источник лежит уже на значительной высоте в 2000 метров, и недалеко от него расположена хижина — приют для туристов, находящийся в седловине, носящей громкое название «Kandang Badak», т. е. логовище носорогов. Действительно, в прежнее время здесь водилось большое количество этих толстокожих, но теперь только название места напоминает о их бывшем царстве. Хижина для туристов выстроена из волнистого листового железа, она довольно вместительна и в ней устроены нары для четырех человек; посередине стоит стол, над которым висит большая лампа-молния, освещающая и нагревающая комнату. Мы пришли около 11 часов к хижине и тотчас же принялись торопить наших кули и сопровождавшего нас Яа приготовить нам завтрак. Рядом с приютом построен легкий дощатый барак, где устроена кухня и помещаются кули. Около дома возвышается кипарис, который служит памятником деятельности неугомимого Тейсмана, пытавшегося устроить и здесь род отделения сада. Подкрепившись консервами, мы после небольшого дождя решили использовать остаток дня для восхождения на вершину Геде и к его кратеру, на высоту 2962 метра.

Дорога от приюта круто поднимается по лесу, но характер леса уже сильно отличается от лежащего ниже. Число древесных видов убывает; деревья, принадлежащие к семейству вересковых и мотыльковых, становятся гораздо ниже и тоньше; их стволы ветвятся низко над землей, а ветви одеваются так же, как и внизу, густым покровом из мха. Поднимаясь наверх, мы находили в большом количестве очень интересное растение — *Balanophora*, принадлежащее к паразитическим цветковым растениям, живущим на корнях деревьев. *Balanophora* имеет толстый клубневидный стебель оранжево-желтого цвета, по которому разбросаны в большом количестве железки в виде звездочек. На таком стебле местами возникают цветочные почки и среди окрашенных в желто-красный цвет листьев выходят соцветия. Баланофоры двудомны: одни экземпляры приносят только мужские цветы, другие же — только женские.

Вскоре мы достигли высшей точки дороги, откуда уже начался спуск в самый кратер вулкана. По пути росли невысокие альбиции, ветви которых были изуродованы галлами, — наростами, происходящими от укулов насекомым орехотворкой. Перед нашими глазами развернулась величественная, но мрачная картина. Все дно кратера состояло из базальтов, которые окаймляли кратер огромным полукругом и возвышались непри-

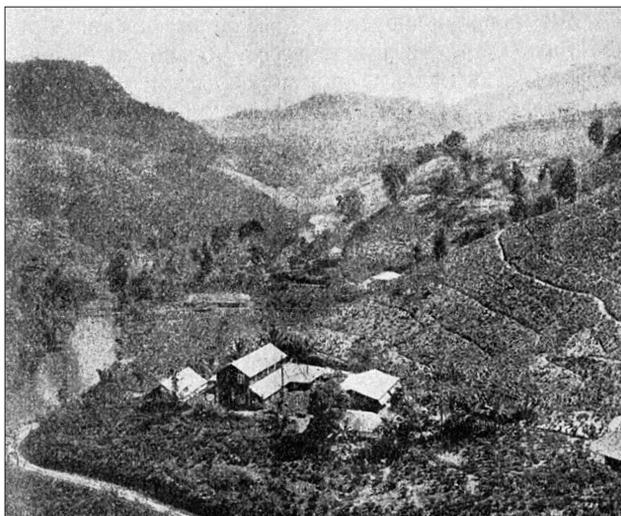
ступной стеной перед нами; ниже сольфатары выделяли серные и водяные пары, а самое жерло кратера скромно теряется около базальтовой стены и выделяется горкой вулканического пепла. Когда мы посетили кратер, паров и дыма не выходило, Геде был спокоен, но в 1879 г. было сильное извержение, уничтожившее часть Чианджурского округа. Лишь скудная растительность встречается на этом каменном плато. Подушечки мхов и некоторых цветковых растений, среди которых вересковые выделяются изяществом своих цветов, некоторые папоротники, рассеянные то здесь, то там, — вот и вся растительность, покрывающая дно кратера Геде. Отсюда виден весь склон горы, весь тот лес, который тянется от лаборатории до самой вершины, где древесная растительность уже развита крайне слабо. Пора было отправляться к месту стоянки, так как солнце было низко, а дорога представляла немало затруднений.

Уже почти совсем стемнело, когда мы прибыли в железный дом на «носорожьем логовище». С заходом солнца термометр очень упал, и скоро стало настолько холодно, что понадобилось попытаться всевозможные средства, чтобы согреть наше суровое жилище. Поужинав и разобрав добытый материал, мы пошли спать, укрывшись пальто и одеялами.

Встали мы в полной темноте. Чистое, ясное небо сверкало своими звездами, которые горели и переливались особенно ярко, благодаря высоте места и прозрачности воздуха.

Было 5–6 °С., и нам, привыкшим к высокой температуре, казалось, что мы попали на северный полюс. Надо было спешить начинать подъем на Пангеранго, чтобы, взобравшись высоко, видеть восходящее солнце, а с вершины вулкана успеть налюбоваться окрестностями, пока завеса из облаков, поднимающихся к 10–11 часам пополудни, не закроет от нас горизонта. При свете звезд, ощупывая палками тропинку, вышли мы с *Kandang Badak*'а и стали подниматься в гору.

Местами подъем был довольно легкий, но местами сравнительно крут. Скоро на востоке стало светлее, звезды померкли, и солнце, бросая яркие снопы лучей, вышло из-за горизонта. Мы стояли уже довольно высоко и подходили к самому вулканическому конусу Пангеранго, куда вела, извиваясь змеей, длинная дорожка. Растительность носила вчерашний характер, но на пути нам всюду попадалась чудная *Primula imperialis*, родной брат нашей желтой примулы-баранчика, но больше аршина высотой и украшенная кольцом золотистых цветков. Те же баланофоры, которые мы собирали вчера, попадались нам и сегодня. Густая заросль кустарников окружала с обеих сторон нашу дорожку, скрывая от нас окрестности. Подымаясь все выше

Чайная плантация в окрестностях Синдаглай

и выше, мы добрались, наконец, до свободного от деревьев верхнего плато Пангеранго.

Было еще время оглядеться, облака не успели закрыть горизонт, и перед нашими глазами развернулся вид на всю западную Яву. На север перед нами раскинулись низменности резидентства Батавии и Краванга, с их возделанными рисовыми полями, чайными и другими плантациями; вдали сверкало и искрилось Яванское море. На юг ряд горных хребтов покрывают менее культурную Преангерскую землю, скрывающую от нас Индийский океан. На западе вершина Геде закрывала часть дикого Бантама, где до сих пор можно еще отыскать и тигра, и носорога, а на востоке открывалась горная страна — вся остальная Ява. Но недолго могли мы любоваться этими широкими видами: из ущелий поползли туманы; они клубились, сгущались в белые облака, которые хмурились все больше и темными тучами всползали вверх по вулкану, закрывая и ближайшие окрестности. Прекрасная мягкая трава покрывает вершину вулкана, и в этой траве я нашел несколько ароматичных ягод лесной земляники, которая напомнила далекую родину. Земляника одичала здесь со времени Тейсмана, который разбил отделение Ботанического сада на самой вершине Пангеранго. Тучи заставили нас прервать наш отдых и начать спуск, который мы сделали очень легко. Высшая точка Пангеранго у тригонометрического пункта равна 3025 метрам.

Подкрепившись остатками нашей провизии, мы простились с гостеприимным «носорожьим логовищем» и пустились в обрат-

Чайная плантация

ный путь. Лежа на нарах в приюте, я нашел на стене прелестное стихотворение Гете, написанное одним из гостивших здесь ботаников:

Ueber allen Gipfeln
ist Ruh,
in allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch,
Die Vögelein schweigen im Walde
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

Я не мог удержаться, чтобы не написать под ним лермонтовских «Горных вершин», как удивительного по выразительности перевода этого грациозного и полного настроения стихотворения. Мы быстро спустились к лаборатории и, разобрав собранный материал, стали прощаться с этим чудным уголком земли, где не один натуралист провел едва ли не лучшие минуты своей жизни.

Обратный путь мы решили сделать на лошадях через перевал Пунчак в горах Мегамендонг, чтобы на пути осмотреть только что срубленный лес, чайную плантацию и великолепное озеро Телага-варна.

Мы спустились опять к тем же лавочкам около Чипанас, откуда делали свое первое восхождение в Tjibodas. Там ждали нас кахар-балоны, и мы покатали мимо прелестного местечка санатории Синдаглайя, через деревню того же имени, и стали под-

ниматься на перевал Пунчак. Подъем был очень тяжелый. К трем лошадам припрягли еще четвертую, но и то было трудно тащить экипаж, и мы вышли из него, предпочитая сделать восхождение пешком. Подъем идет мимо различных плантаций и возделанных полей, а направо и налево от дороги открываются великолепные виды на окрестности. Мы с сожалением покидали чудный Tjibodas, принося искреннюю благодарность профессору Трейбу за его заботливость к натуралистам, чувствующим себя лучше, чем дома, в этом величественном девственном лесу.

На самом перевале Пунчак* построена беседка, откуда открывается вид на юг — на вулкан Геде, на восток — на Преангерскую страну, а внизу догадливый китаец устроил род ресторанчика, где можно выпить чашку чая или воды и закусить различными плодами. С перевала дорога идет вниз; еще незадолго до нашего приезда здесь красовался великолепный лес из тэковых деревьев** (Djati по-малайски, Tectona grandis по-латыни), но безжалостный топор европейца срубил этот лес и на его месте разбил чайную плантацию. Еще не свезенные трупы гигантов леса лежали на склонах холмов, и мы могли собрать кое-какие орхидеи, еще уцелевшие на ветвях деревьев.

Тут же скрыто среди густого леса прелестное озеро, в котором еще недавно купались носороги, теперь же рабочие с чайной плантации приходят сюда после своего рабочего дня. Для натуралиста всегда тяжело видеть гибель памятников природы.

Дорога идет все время сильно вниз, главным образом среди рисовых полей и кампонгов малайцев.

Мы собрали по пути прекрасные экземпляры лишайника Сога, встречающегося только в тропических странах. Как зеленые щиты покрывали пластинки Сога толстые стволы фикусов, росших по дороге.

Чем ближе к Бейтензоргу, тем населеннее места и тем жарче и душней становится для нас, уже отвыкших от влажного и теплого климата Бейтензорга. Djalan-besaar в прекрасном состоянии, и лошади, чуя близкий отдых, мчат нас мимо дач богатых китайцев по главной улице Бейтензорга, мимо сада, к отелю «Belle Vue».

Между первой и второй поездкой в Tjibodas произошло важное в нашей, натуралистов, жизни, событие, которое оставило

* Puntjak — значит перевал; как это часто бывает, имя нарицательное превратилось в собственное (*прим. автора*). Более точный перевод — вершина (*прим. ред.*)

** То же, что тиковое дерево.

след на всей нашей дальнейшей судьбе. Мы сделали интереснейшую поездку по коралловым островкам, лежащим между Батавией на Яве и Суматрой и известным под названием «Тысяча островов». Новый мир открылся перед нами — жизнь коралловых рифов и островов. Этот новый мир так увлек нас, что мы решили все оставшееся время отдать на знакомство с этой новой для нас областью. После долгого обсуждения, куда поехать, мы остановились на далеком архипелаге Ару, лежащем близ Новой Гвинеи. Из описаний русского натуралиста Давыдова, посетившего Аруанский архипелаг в 1902 году, мы могли предполагать, что он даст нам наибольшее количество тех водорослей, которые мы собирали, и развернет перед нами во всей полноте жизнь коралловых островов. Поэтому, вернувшись в Бейтензорг из Tjibodas, мы начали деятельно готовиться к предстоящей поездке на далекий архипелаг, где условия работы, согласно данным Давыдова, представляли большие трудности; мы надеялись, что картины дикой природы, еще не испорченной деятельностью человека, вполне искупят труды и затраты на эту поездку, а обилие коралловых рифов и мелей сулило нам богатый материал для научной работы. Опишу, впрочем, сначала нашу поездку на «Тысячу островов».

Глава V

Тысяча островов

13 марта 1909 года мы выехали из Бейтензорга в сопровождении нашего слуги Нонг-Нонга, нагруженного всякими припасами и ящиками для сбора коллекций. На пристани Tandjong-Priok уже ожидал нас казенный пароход «Gier», т. е. «Сокол», который дан голландским правительством в распоряжение биологической станции в Батавии. Благодаря исключительному вниманию и любезности со стороны проф. Трейба, этот пароход был предоставлен нам для нашей поездки, и его капитан, морской офицер голландской службы, в течение шести дней возил нас от острова к острову, употребляя все меры к полной удаче наших сборов. До сих пор с удовольствием и благодарностью вспоминаем мы любезное отношение этого человека, его помощников и ассистента биологической станции д-ра фан-Кампена, заведывавшего нашей экскурсией.

Нагрузив пароход всем необходимым, мы подняли якорь и вышли в море. Грязная вода гавани скоро потерялась в чистых зеленых волнах моря, берег уходил от нас, знакомая панорама Явы раскидывалась перед уходящим судном все шире и шире. Наше внимание было привлечено на этот раз не Явой, а теми низкими зелеными пятнами, которые выделялись на зеркальной поверхности моря. Мне чудилось, когда я пристально глядел на бесчисленные островки, раскинутые по морю, что я еду по полям Тамбовской или Курской губернии, что отдаленные группы деревьев — это хутора или помещичьи усадьбы. Часа четыре плыли мы в северном направлении, а затем бросили якорь ввиду небольшого островка, поросшего своеобразной растительностью, где были жалкие хижины рыбаков. Спустили моторную шлюпку, и скоро мы уже ходили по коралловому песку среди зарослей мангровых растений, добывая новый для себя материал и наслаждаясь невиданным зрелищем кораллово-

го острова. Лишь наступившие сумерки заставили нас вернуться на пароход и провести остаток дня за приведением в порядок собранного нами.

«Gier» — старое судно. Когда-то он пришел из Голландии, строил гавань Танджунг-Приок, а теперь несет несравненно более высокие обязанности: он служит научным судном биологической станции и постоянно совершает свои рейсы по морям, омывающим Яву, изучая движение рыбы, исследуя жизнь моря. На его палубе устроена лаборатория, где удобно производить разборку научного материала; около нее стоят большие аквариумы с морской водой, которая легко сменяется. На палубе укреплены подъемные краны, служащие для вытаскивания тралов и сетей, — короче сказать, пароход вполне оборудован для научных исследований и был для нас столь же интересным и важным, как лаборатория на склоне Геде. В одной изучалась жизнь девственного леса, на другом — жизнь вечно движущегося моря.

Внизу устроены удобные каюты, столовые, где мы сидим за обедом и ужином. Было жарко, несмотря на то, что тропическая ночь раскинула над нами свой сверкающий шатер, и мы легли спать на палубе, прислушиваясь к мягкому шелесту волн, ударявших в борта корабля.

Второй день нашего путешествия был посвящен ловле рыбы неводом на большой глубине. Какую массу вытащили мы из моря! Тут были длинные, как иглы, рыбы, другие — толстые, как шары, покрытые шиповатой кожей, то серебряные или перламутровые, то полосатые, то темные, вроде прудовых карасей. С рыбами мы вытащили массу вкусных раков, которые составили лакомое блюдо к ужину; несколько головоногих — сепий и лолиго — попались в этот невод; но гвоздь лова составляли огромные губки — *Poterium Neptuni*, чаша на толстой ножке, величиной с 6–7-летнего ребенка.

Вечером мирная картина природы изменилась. Поднялся ветер, налетела гроза и пролился такой дождь, какого я еще ни разу не видел в Бейтензорге. Море, небо — сплошная стена воды, казалось, опрокинулась на наш корабль, вся окрестность пропала из глаз, и мы сидели, присмирив, в лаборатории, закрыв окна и спасая от дождя помещение. Но этот дождевой ураган скоро прошел. Солнце уже село, и скоро над нами снова засверкало чистое небо.

Лишь только рассвело, мы снова пустились в путь и пришли к одному из самых больших островов, где было целое поселение малайцев, дом мелкого чиновника — *posthouder*'а вроде нашего станового — и плантации кокосовых пальм и других растений. «Gier» шел узким каналом между двумя островками. Когда он

бросил якорь и наступил отлив, я вышел на коралловый риф, где и провел все время до отхода парохода.

Совершенно своеобразную картину представлял коралловый риф во время отлива. Там, где раньше расстилалась гладкая поверхность моря, где стройные кокосовые пальмы отражались в омывающих их подножие водах, там морское дно представляло вид поля, заросшего низкорослым кустарником, остров заросся, а пальмы стояли чуть ли не посередине его. Мы ходили то по колено, то по пояс в сильно нагретой лучами солнца воде, пробираясь между коралловыми зарослями, перескакивая с одного камня на другой. Формы кораллов были разнообразны до бесконечности — перед нами на далекое пространство то распростирались невысокая заросль сильно разветвленных кустов, протягивавших во все стороны свои толстые неподвижные ветки серого, белого, зеленоватого цвета, то кораллы принимали форму больших шаров с изрезанной поверхностью наподобие мозговых извилин или небольших шестиугольных ячеек. Рядом с такими шарами росли большие грибы или целые столы, а возле них на песке лежали меньшей величины кораллы, словно пластинчатые грибы, рассматриваемые с изнанки. Среди белых и серых кораллов своей яркой окраской выделялись тубифоры наподобие органных труб, составленных из многочисленных красных трубочек. Вся эта коралловая масса казалась мертвой и безжизненной; как заколдованный сказочный лес тянулись заросли кораллов, постепенно уходя под поверхность воды. Но стоило только присмотреться к мертвому лесу, и его неподвижность исчезала. Всюду открывалась жизнь и движение. На ветвях кораллов удивительные морские червигефиреи помещали свои трубчатые домики, откуда высывались ярко-синие ниточки — щупальцы, приходившие в сильное движение; красные и синие морские звезды помещались на кораллах, а разнообразные изящные офиуры, спрятавшись где-нибудь среди кораллов, протягивали свои тонкие руки и шевелили ими; иногда были видны какие-то длинные черные иглы, угрожающе шевелившиеся в разные стороны. Это морской еж-диадема, сам величиной с яблоко, с иглами не меньше четверти в длину, притаился между кораллов и поджидает свою добычу. Укол его иглы очень болезнен, и ранка долго не заживает от излившейся в нее едкой жидкости. Различные раковины, то зарывшись в песок между кораллами, то помещаясь на них, оживляют пейзаж, а красные, зеленые и бурые водоросли, растущие на песке и на коралловых камнях, еще больше способствуют разнообразию пейзажа. Среди красных водорослей часто встречалась толстая мясистая, словно сделанная из желатины, *Eucheuma*, из которой готовят известный агар,

имеющий столь большое применение при изучении бактерий. Долго бродили мы по этим лесам, собирая растения и животных, разбивая коралловые камни и извлекая оттуда постепенно новую и новую добычу.

Время отлива кончилось, вода поднималась, и наша лодка, вытасченная на песок, стала уже колебаться, поднятая прибывающей водой. Пришлось вернуться на пароход, где было много дела с разборкой и сортировкой добычи. За этой работой я провел целый день и не заметил, как пароход бросил якорь в гавани Танджунг-Приок.

Поблагодарив от души капитана, его помощников и ассистента фан-Кампена, мы отправились в Бейтензорг с первым же поездом и много дней посвятили на ознакомление с научными результатами нашей поездки. Новая поездка на крайний восток была решена окончательно, там мы рассчитывали собрать еще более богатый материал. Оставалось только подготовиться к путешествию и выбрать время. Мы остановились на второй половине апреля, так как голландское общество *Paket-vaart Maatschappij*, на пароходах которого нам пришлось путешествовать, с 15 апреля по 15 июля делает 50% скидку со своих крайне высоких цен за проезд.

Глава VI

Через Яву с запада на восток

Пароходы общества «Paketvaart» отходят от Сурабаи, лежащей на востоке Явы, против острова Мадурь. Нам предстояло, следовательно, пересечь всю Яву с запада на восток. Этот переезд давал возможность ознакомиться с разными местностями «изумрудного острова» и людьми, его населяющими.

Ява лежит между 5°52' и 8°50' южной широты и 105°13' и 114°39' восточной долготы от Гринвича, т. е. целиком в жарком тропическом поясе, о чем красноречиво свидетельствует описание ее культурных и диких местностей. Она омывается с севера волнами Яванского моря, с юга — Индийским океаном, с запада — Зондским проливом и с востока — Балийским, отделяясь от соседнего, составлявшего с ней одно целое, острова Мадурь Мадуранским* проливом.

Едва ли есть на земле другое место, более богатое вулканами, чем Ява; целой цепью тянутся они с запада на восток, составляя лишь часть того вулканического полукольца, которое пробегает по Малым Зондским островам, Целебесу, Молуккскому архипелагу и кончается на Филиппинах, другим своим краем заходя на остров Суматру и соседнюю Малакку. Двадцать семь действующих вулканов насчитывают на Яве, а потухших гораздо более.

Высочайшие вершины Явы — вулканы; и на западе знакомый нам двуглавый Геде с Пангеранго главенствует над соседними горами, а на востоке еще более высокий Семеру и мощный по проявлениям своей деятельности Бромо кладут свой отпечаток на весь характер местности.

Животный мир Явы близок к Суматре, Борнео и Малакке, отличаясь от них, главным образом, отсутствием слонов,

* Мадурский.

оранг-утанга* и некоторых других крупных животных и птиц.

Уже издавна Ява служила ареной человеческой деятельности, и на ее полях сохранились развалины храмов и дворцов, свидетельствующие о давней и высокой культуре этого острова. В настоящее время на Яве живут малайцы, китайцы, арабы и европейцы. Число первых около 28,5 миллионов, китайцев до 300 тысяч, арабов и других народностей значительно меньше; европейцев же всего около 60 тысяч.

Малайцы на Яве не представляют собой одного чистого племени. Они разделяются на целый ряд племен, из которых можно отметить три главных ветви. На западе, в окрестностях Батавии, Бейтензорга и дальше на восток живут сунданезцы, в центре Явы — яванцы, на востоке — мадуранцы**; кроме них, по берегам на западе встречаются другие племена, родственные малайцам Суматры.

Каждая из этих народностей говорит своим собственным языком, причем языки сунданезский и яванский очень отличаются друг от друга. Сунданезцы, по всем вероятностям, представляют собой более чистые яванские расы, в то время как яванцы средней Явы обнаруживают смесь яванской, малайской, индийской и других кровей.

Огромное большинство обитателей Явы малайского племени исповедуют ислам; осталась горсточка язычников в неприступных дебрях западной Явы — в Бантаме да в области гор Тенггера в восточной Яве; в окрестностях вулкана Бромо сохранился еще культ Браммы, как остаток прежней религии жителей центральной Явы.

История яванских государств и населения Явы различными пришельцами отчасти выясняет причину такого разнообразия племен и религий на небольшом сравнительно острове.

Дикие племена обитали в прежние времена на Яве. Они вели тот же образ жизни, который до сих пор еще можно наблюдать у диких обитателей Новой Гвинеи. Китайцы, которые и сейчас забираются в самые глухие уголки архипелага, были, по всей вероятности, первыми иностранцами, устроившими свои поселки на северных берегах Явы.

Но китайцы не стремились быть завоевателями и ограничивались, по всей вероятности, лишь поддержанием своих торговых интересов. По преданиям во II или III веке по Р.Х. индусы завоевали соседний с Явой остров Бали, где до сих пор еще

* Правильно: «орангутана» от малайского «orang hutan», что значит «лесной человек».

** Современное написание — сунданцы и мадурцы.

сохранилась браминская* религия, и оттуда уже перешли на Мадuru и Яву, которая в то время еще составляла одно целое с Мадурой. Индусы принесли на Яву две религии — браминскую и буддийскую; они завоевали туземцев, отчасти смешались с ними и положили начало цивилизации на этом острове. Геологическая картина его была в то время несколько иная. Составляя на востоке одно целое с Мадурой, быть может, даже с Бали, Ява на западе соединялась с Суматрой. Еще в XIV столетии Суматра называлась Djawa, в то время как современная Ява носила имя Mula Djawa — собственно Ява. Обширнейшие землетрясения и грандиозная вулканическая деятельность, которые имели место в XIV в., отделили Яву от Суматры и Мадуры, образовав Зондский и Мадурский проливы. И в этом нет ничего невероятного. На нашей памяти в 1883 году произошло ужасное извержение вулкана Кракатау, уничтожившее большой остров и оставившее лишь один его осколок и сильно изменившее рельеф морского дна. Однако описываемый исторический период настолько мало еще разъяснен исследованиями, что не выходит за пределы предположения. Старейшие исторические памятники указывают на начало яванской истории на востоке Явы, у подножия вулкана Семеру. Там возникло древнейшее царство на Яве — Гилинг**. Отсюда уже началось распространение индусской колонизации, так как слух о богатстве Явы зашел далеко на запад.

Царство Гилинг развивалось все больше и больше, и его центр был перенесен к северу Явы, в область горного плато Диенг, ближе к берегу Яванского моря, в нынешнее резидентство Пекалонган; в IX веке оно передвинулось снова к востоку, ближе к берегу Индийского океана, в современное резидентство Кедири. Но точных данных не осталось от этих времен и царств. Они живут, как мифы, в памяти народа и оживают на представлениях вайанга то внутри Явы, то по берегам ее. Одно за другим возникают небольшие царства, которые мало-помалу развиваются и входят даже в сношения с другими государствами. Царь Диво-Кезумо*** разделяет царство на округа, ставит во главе их своих братьев с титулом Raden, который сохранился и до сих пор для принцев. Этот же царь отправил своего старшего сына в Индию учиться индийской мудрости. Сын женился там на индийской принцессе и вернулся в сопровождении большой свиты домой. Этот рассказ указывает на те источники, откуда шло насаждение культуры на Яве в первое тысячелетие нашей

* Индуизм.

** Калинга.

*** Дева Кусума.

эры. При преемниках Диво-Кезумо разрасталось его царство, и, как свидетели его мощного развития, остались в центральной Яве руины знаменитых храмов *Voro-Budur*, *Prambanan*, *Mendut* и других, которые мы имели случай осмотреть на пути в Сурабаю. Предания связывают с настоящей эпохой или близкой ей изобретение яванского ножа — криса, с которым не расстаются ни один яванец, рукоятка и ножны которого украшаются золотом и драгоценными камнями. Принц Панджи Ино-Карта-Патти, изобретатель криса, обессмертил себя также изобретением вайанга, национального театра, и за свою полезную для народа деятельность был объявлен святым и причислен к сонму богов. В то же время произошли интересные геологические перемены в рельефе страны; с конца XIII века Мадур, отделившаяся от Явы, впервые называется островом, между тем как до этого времени она носила название полуострова.

На месте древних яванских царств в XIV и XV веках блестящего развития достигает царство Паджаджаран, во время которого ислам постепенно вытеснил буддийскую и браминскую религии, и население Явы разбилось на две части — западную и восточную.

В XV веке ислам настолько распространился по острову, что последователи старой религии были оттеснены в глухие его части. Отчасти силой оружия, отчасти силой культурного влияния ислам, введенный на Яву, с тех пор укрепился там настолько крепко, что распространяется скорее христианства между дикими или полудикими племенами соседних островов, когда они приходят в соприкосновение с культурой.

Паджаджаранское царство распространилось на запад Явы, а в центре ее в XIV и XV веках достигло высокого развития и процветания царство Маджапахит, оставившее после себя многочисленные, но, к сожалению, плохо сохранившиеся развалины дворцов, стен, купален, до 1400 метров в длину и 10 метров в ширину. На севере Явы в XV веке возникает царство Черибон*, которое, однако, не просуществовало долго и должно было подчиниться самому могущественному яванскому царству Матарам, образовавшемуся на месте современной Джокья. На западе когда-то процветало царство Бантам**, где в XVI веке происходили торговые сношения с первыми из европейцев — предприимчивыми португальскими мореплавателями. На территории Бантамского царства были заложены первые фактории европейцев — голландцев, португальцев и англичан.

* Другое написание — Чиребон.

** Правильнее — Бантен.

С начала XVII века усиливается влияние европейцев на Яве, и вся Ява переходит в руки голландцев. Ост-индская компания, основанная в Голландии в 1602 году, поспешила построить форт на территории Явы, укрепить его и, назначив генерал-губернатора Индии, этим как бы заявить свои права на владение Явой. Вскоре голландская фактория была перенесена на место нынешней Батавии, и голландская компания начала постепенно прибирать в свои руки власть над яванским населением. Для охраны своей торговли от морских пиратов голландцы добились у бантамского султана права держать гарнизон в своих колониях и таким образом стали твердой ногой на Яве.

В центре Явы в XV и XVI веках разрослось и достигло большого блеска и могущества Матарамское царство; распространяя свое влияние на запад и восток, оно столкнулось с богатым Бантамским царством и с владениями голландской ост-индской компании на Яве. В XVII веке начали происходить первые столкновения между туземцами и голландцами, которые все более и более разрастались. Внутренние смуты и постоянные войны внутри Явы не давали возможности матарамским султанам, или, как их называли, «сусухунанам», направить все свои силы против европейцев, и в многочисленных сражениях, которые происходили между туземцами и голландцами, последние выходили в большинстве случаев победителями. Раздираемое внутренними смутами Матарамское царство распалось в половине XVIII века на два независимых султанства — Джокьякарта, или Джокья, и Суракарта, или Соло. Эти султанства, по имени независимые, на самом же деле так же подчиненные голландцам, как и остальная Ява, существуют и до сих пор. Ост-Индская компания, завоевавшая большую часть Явы и укрепившаяся в некоторых местах на Суматре, Целебесе и Малых Зондских островах, в самом начале XIX века прекратила свое существование, и власть над Зондским архипелагом перешла в руки голландского правительства. На короткое время, в эпоху владычества Наполеона в Европе, Ява была объявлена французской колонией, затем перешла в руки англичан и, наконец, снова осталась за голландцами, которые владеют ею с 1816 года.

Восстание принца Дипонегоро в 1825 году и отдельные волнения, возникавшие в течение XIX века, дали голландцам повод уничтожить остатки старых султанств и самостоятельных владетельных князей и ввести всюду однообразное управление. Сохраненные султанства Соло и Джокья не только не препятствуют, но помогают голландской внутренней политике на Яве.

Получив в свои руки без особого труда богатейшие в свете колонии, превосходящие по размерам во много раз метрополию, голландцы сумели не только удержать в своих руках власть

над ними, но настолько приучить жителей к своему господству, что они уже не желают никаких перемен и считают себя такими же голландскими гражданами, как и жители Голландии. Этого голландцы добились прежде всего сравнительно гуманным отношением к туземцам и разумным образом управления страной. Еще в половине прошлого века обращение голландских администраторов вызывало большие нарекания. Но в это время раздался со стороны одного из бывших чиновников Доувера Декера*, вступившего на литературное поприще под псевдонимом Мультатули (Multa tuli, т. е. много вытерпел), громкий призыв к гуманности и заботе о туземцах. Книга Мультатули произвела в Голландии эффект, подобный знаменитому творению Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», и ее призыв не остался без ответа.

Скажу кратко об управлении в Нидерландской Индии**. Во главе правительства стоит генерал-губернатор. Он назначается королем Голландии, но ответствен перед палатой депутатов. Его власть очень велика — он заключает мир и объявляет войну туземным племенам, имеет право и утверждать приговоры, и миловать; ему подчинено все управление — военное, морское и гражданское. Ближайшим органом к генерал-губернатору является совет по делам Индии. Независимый орган — контрольная палата — служит высшим контролирующим органом колонии. Делами административными заведуют различные департаменты. Но не в этом заключается особенность голландского управления. Вся Ява разделена на ряд резидентств, во главе которых стоят чиновники с титулом резидента; их ближайшими помощниками являются ассистент-резиденты для меньших областей и контролеры. Особенно важны деятельность и значение контролеров. Они должны представлять собой интересы туземцев, а для этого должны всесторонне знать жизнь тех племен, среди которых протекает их деятельность, должны быть знакомы с их нравами и обычаями, вполне владеть их наречием и иметь в глазах темнокожего населения большой авторитет власти, вполне справедливой, заботливой, но не распускающей население. Трудный искус проходят лица, желающие получить место контролера, и те требования, которые предъявляют к занимающим эту должность, служат гаран-

* Эдуард Дауэс Деккер.

** Очень рекомендую весьма интересно и живо написанную книгу Бакунина, Тропическая Голландия. С.Пб. 1902 г. В ней автор, русский консул, проживший 5 лет на Яве, дает ряд живых очерков по истории о-ва, его управлению, его культуре, торговле. Природа же интересовала его менее (*прим. автора*). Книга выпущена издательством «Минувшее» в 2007 г. (*прим. ред.*).

тией, что она достается в руки людям, вполне осведомленным со своей службой. Особенное затруднение представляет знание языка, или, лучше, языков, которых на Яве существует целая масса. Европейцы говорят с простыми малайцами на обыкновенном, т. е. береговом, малайском наречии, но вести разговор на таком языке с благородным яванцем — это значит нанести ему большое оскорбление. Раджи говорят друг с другом на особом наречии; раджа с низшим себя употребляет при разговоре иные обороты, чем друг с другом; лицо, стоящее на более низкой ступени, говорит с высшим опять-таки на особом наречии, и все эти обороты должны знать голландские чиновники, служащие на Яве.

Каждое резидентство в свою очередь разделено на регентства, и во главе регентства стоит регент-туземец, по преимуществу потомок царской или княжеской фамилии. От этого регентства, повиноваться которому и уважать который яванский народ привык уже издавна, и исходят все распоряжения. Кажется, что страной управляют туземцы, но за спиной каждого регента стоит, согласно официальному титулу, его старший брат, резидент, которому и принадлежит руководящая роль. Регенту же подчинен целый штат низших служащих — провинциальных, окружных и деревенских администраторов. Весь народ получает все распоряжения от своих же единоплеменников; если же он чем-либо недоволен, то ищет защиты от них же у белого, голландского контролера. Благодаря этой мудрой политике, благодаря разумному хозяйству и запрещению продавать туземные земельные имущества европейцам, Голландия с очень малыми военными силами управляет всем огромным архипелагом, внушая всюду уважение к авторитету своих администраторов. Мне лично пришлось быть свидетелем административной деятельности и слышать различные рассказы от двух контролеров, с которыми я познакомился в восточной части голландских владений.

Из этого краткого описания можно видеть, какой интерес представляет яванское население, его культура, его история. Проезжая с запада на восток через Яву, мы, хоть и на короткое время, приходили в столкновение с этой культурой, многое из которой, к сожалению, оставалось для нас непонятным.

Тринадцатого апреля с ранним утренним поездом мы выехали из Бейтензорга в Сурабаю. Первая часть пути до станции Чианджур шла по знакомым уже из двукратной поездки в Чибодас местам, но все же мы любовались открывавшимися видами на рисовые поля — савы — и разнообразные деревья, окружающие малайские жилища, среди которых особенно оригинально хлопчатое дерево (капок по-малайски), *Eriodendron anfractu-*

sum, довольно высокое и стройное, с ветвями, располагающимися почти параллельно земле. В его плодах развивается белая вата, имеющая разнообразное применение. При отъезде мы заказали себе подушки и матрацы, набитые капоком, и были очень довольны их упругостью, соединенной с достаточной мягкостью. Салак уже остался позади. Где мы огибали тоже, и вот после Чианджура, взобравшись на высокий перевал и пройдя в большой выемке, мы подошли к станции Падаларанг, куда через несколько минут пришел скорый поезд из Батавии. Этот поезд имел очень внушительный вид. Его огромный паровоз, построенный по новейшей системе, тащил за собой целый ряд вагонов; вагоны I и II класса отличались своим обычным комфортом и удобством; среди вагонов III класса один был отведен для чистой, европейской публики. Он следовал за вагоном-рестораном, куда не допускались пассажиры III класса, и имел небольшое купе-столовую. Мы заняли место в этом вагоне. От Батавии или Бейтензорга до Сурабаи билет II класса стоит 28 гульденов, а III — всего 9. Поезда ходят только днем, следовательно, пассажиру не приходится испытывать неудобств ночного путешествия, и мы поехали в III классе. В прекрасно вентилируемом вагоне было не жарко, а служители при вагоне-ресторане постоянно приносили кружки с прохладительными напитками.

Выйдя из Падаларанга, поезд стал подниматься в гору, пересекая горное плато, чтобы оттуда спуститься почти к самому уровню океана, к станции Маос. Панорама из окна вагона необычайно красива. Мы едем по гористой Преангерской стране, которая вблизи дороги представляет собой высококультурный вид. Террасы рисовых полей, плантации бананов, узкие горные ущелья, через которые перекинуты ажурные железнодорожные мосты, мелькают мимо наших окон, а по левую, северную, сторону какой-то потухший вулкан, истинное подобие сахарной головы, все время возвышается над железной дорогой, которая большими зигзагами огибает его.

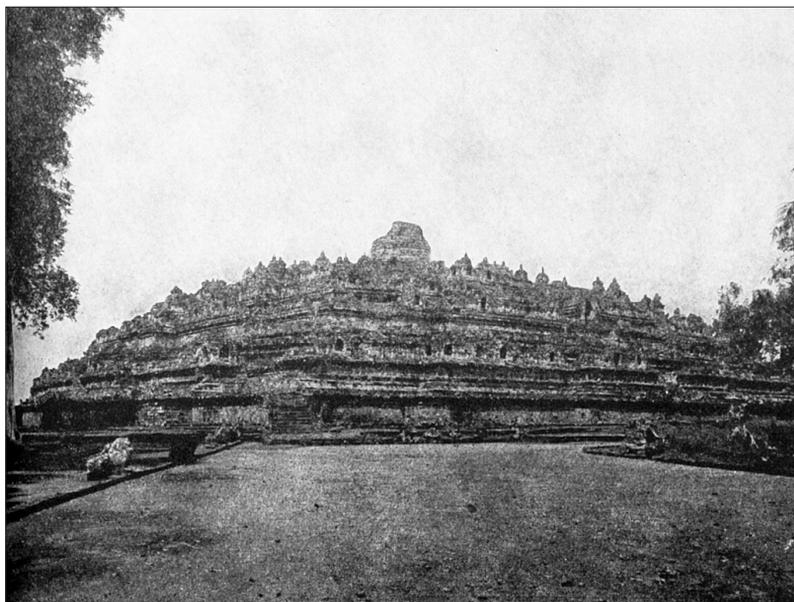
Главный город Преангерского резидентства и вместе с тем большая железнодорожная станция Бандунг известен своей хинной фабрикой, обрабатывающей хинную корку яванских плантаций. С каждым годом увеличивается на Яве разведение этого целебного дерева, вывезенного из горных ущелий южно-американских Анд. Еще Тейсманн прилагал старания, чтобы ввести его культуру на Яве, и основал с этой целью горный сад в Чибодасе.

Около Бандунга много хинных плантаций на высоте 1100–1300 метров над уровнем моря. Семена хинного дерева, принадлежащего к семейству Rubiaceae — мареновых, высевают

в рядки с лесной землей и держат их в густой тени, откуда высаживают уже на плантации, которым придают вид террас, на них и высаживают молодые деревца. На восьмом году деревья обрубаются у самого корня и их кора идет в обработку. Через несколько времени дерево отбивает новые побеги от корня, которые также в свое время подвергаются обрезке. Содранную кору доставляют в факторию, где ее сушат на солнце, измельчают на куски, просеивают и, уложивши в мешки, отправляют на фабрику, где она уже подвергается химической обработке. Хинные плантации дают очень хороший доход, окупая значительные расходы, соединенные с культурой хинного дерева.

От Бандунга поезд идет по плодородной местности, открывающей великолепные ландшафты, до станции Чибату, откуда проведена небольшая ветвь до местечка Гарут, резиденции регента, — местность, славящаяся красотами своих окрестностей, озером и вулканом Пападаян, на который очень легко подняться до вершины. В Гаруте — центр выделки удивительного музыкального инструмента анклунга, о котором я уже упоминал, описывая музыкальные инструменты жителей Явы. Поезд спускается ниже и за станцией Тасикмалая идет по низменности, представляющей настоящую джунглю. Болота, речки, заросли ротангов и настоящая лесная глушь окружают полотно железной дороги. Местами, однако, лес расступается, непроходимая джунгля превращена в рисовое поле, и группа малайских хижин показывает, что человек нашел возможность жить и в этих болотистых местах, где раньше бродили одни лишь дикие звери.

К вечеру, около 6 часов, поезд приходит на станцию Маос, откуда другая восточная линия ведет к Сурабае. Здесь приходится выходить из вагона и искать себе убежища в любой из гостиниц. Есть прекрасная казенная гостиница, где останавливаются европейцы, а возле нее выросло несколько частных, где берут дешевле и не рассчитывают на взыскательную публику. Мы остановились в казенной гостинице, где тотчас по прибытии взяли ванну, переоделись и подкрепились глотком яванского чая. В 9 часов раздался звонок к ужину, который не отличался от обычного ужина в нашем бейтензоргском отеле, и затем все легли спать. На следующее утро уже с половины пятого стали двигаться тени по широким верандам гостиницы; позавтракав, мы спешим к поезду, который должен был нас повезти дальше на восток. В Маос приходят и из него одновременно отходят два поезда с востока и запада. Восточные вагоны еще комфортабельнее и просторнее, чем западные, паровоз же обычного типа с тендером, в то время как по западной линии

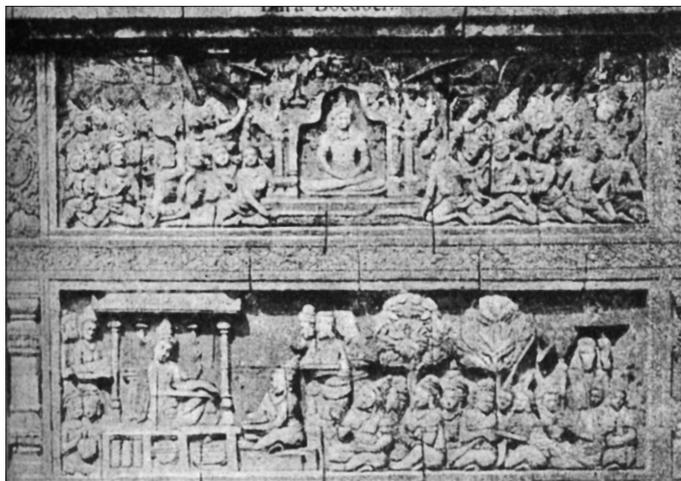

Храм Боро-Будур

ходят паровозы без особого тендера. Мы помчались со скоростью 60 километров в час и скоро оставили нездоровый, лихорадочный Маос далеко за собой.

Картины пейзажей сильно изменились. Вместо рисовых полей, живописно расположенных этажами, всюду были бесконечные поля сахарного тростника. В это время он был в цвету, и его белые султаны высоко поднимались на фоне темно-зеленой листвы, представляя чрезвычайно красивое зрелище. Среди плантаций тростника мелькали там и сям деревни туземцев и белые стены и белые трубы сахарных заводов. Мы ехали по территории независимого султанства Джокья, или Джокьякарта, которое выросло на месте бывшего могущественного Матарамского царства. Это — один из плодороднейших уголков Явы и вместе с тем один из самых населенных; население принадлежит к племени яванцев, которые отличаются от более знакомых нам сунданезцев как по костюму, так и по общему своему виду и языку. Но у нас не было времени познакомиться с населением Джокья — мы спешили на трамвай, который должен был довезти нас до станции Мунтилан, откуда идет дорога к знаменитым развалинам храма Боро-Будура*, чудному памятнику буддийского искусства VIII или IX века. Дорога до Мунти-

* Современное написание — Боробудур.

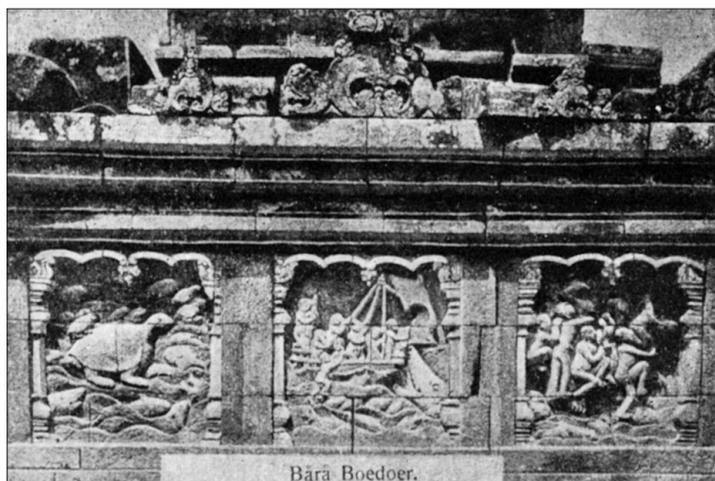

Скульптурные украшения на стенах храма

лана также почти сплошь проложена между плантациями сахарного тростника или вдоль кампонгов яванцев. Всюду видишь культурные поля; сахарный тростник и рис чередуются, давая лишь место деревенским домикам. На станции Мунтилан, немного закусив, мы взяли возницу и двинулись по тенистой аллее по направлению к реке Праху, на том берегу которой и стоит храм Боро-Будур. Ко времени этой поездки наши сведения в малайском языке уже настолько подвинулись вперед, что мы могли объясняться о житейских предметах, но яванец, наш возница, отказался понимать наше «*bahasa malaju*»* и объяснялся на яванском диалекте, совершенно не известном нам. Так мы ни до чего и не договорились. Проехав через какой-то поселок, мы остановились на берегу быстрой реки Праху, дожидаясь парома. Берега реки дали хороший материал по мхам, и, к большому удивлению малайцев, мы ползали по берегу, собирая крохотные растеньица и тщательно упаковывая их в бумагу. С другого берега реки мы направились пешком, взявши мальчугана-кули для багажа. Вскоре мы дошли до великолепной аллеи из кипарисовых деревьев, которая вела прямо к храму. Аллея кончилась, и перед нами во всем величии показался храм Боро-Будур.

Он выстроен по склонам холма, поднимающегося на 50 метров над окружающей его равниной. Издали он производит впечатление крепости, по стенам которой расставлены многочисленные башенки, а середина увенчана большим куполом. Но при

* Малайский язык.

Скульптурные украшения на стенах храма

ближайшем знакомстве он представляет вид пирамиды, террасами возвышающейся от своего основания, суживаясь к вершине.

До полутора метра имеют его стены в длину, а высота храма не меньше 30–35 метров. Внутреннего помещения храм не имеет и состоит весь из террас с массой выступов, украшенных каждый небольшой беседкой, где помещается статуя Будды. Огромные каменные глыбы, вытесанные из крепкого трахита, соединены друг с другом без цемента, но так крепко и прочно, что ни века, ни опустошительные землетрясения, неоднократно потрясавшие эту местность, не могли разрушить гигантского здания. Из семи террас храма две нижних построены просто — они состоят из огромных тесаных камней, плотно приложенных друг к другу. Но пять верхних разделены многочисленными лестницами, образуют ряд выступов и состоят из галерей, стены которых покрыты сплошь рельефными изображениями, высеченными в твердой вулканической породе с необычайным искусством. Здесь изображена буддийская мифология в различных образах, иллюстрирующих ту или иную сторону деятельности великого учителя.

На южной стороне таблицы изображают Будду как учителя, на западной — как мыслителя, на северной и на восточной — как получающего жертвоприношения.

К сожалению, нужно хорошо понимать язык этих каменных изваяний, чтобы слушать их рассказы. Опишу некоторые изображения, которые сохранились в моем собрании; часть их помещена на прилагаемых рисунках.

На стене тройная картина изображает волнующееся море. В волнах его плавают различные морские звери — огромная черепаха, чрезвычайно искусно и правдоподобно переданная, большие рыбы, среди которых видны морды акул и других рыб. В середине картины виден корабль, который качается в волнах моря. Его пассажиры находятся в смертельной опасности от страшного крокодила, разинувшего пасть, чтобы проглотить корабль с экипажем: один человек упал за борт, и его спасает от гибели товарищ. Справа изображена пристань, взойти на нее спешат люди, быть может, пловцы с корабля.

Вот другая картина. На тропе сидит божество, ему подносят что-то на подушке, и целый ряд лиц — мужчин и женщин — сидят под широколиственными деревьями. Над нею картина, подобная ей: на высоком фоне под балдахинном сидит учитель в классической восточной позе, подобрав под себя ноги. Судя по слегка наклоненной голове и приподнятой руке, он говорит какое-нибудь поучение, которое благоговейно слушают собравшиеся люди.

Более 1500 скульптур украшало стены галереи Боро-Будура, из которых более 900 сохранились вполне хорошо. Три верхних террасы украшены башенками, увенчанными куполами. Тридцать две помещены на первой, 21 — на второй и 16 — на третьей. Эти башенки — дагобы — чрезвычайно характерны для храма. Они состоят из круглого основания, на которое установлен колоколообразный купол ажурной работы. Каменный обелиск заканчивает собой каждый купол.

Как понять эту оригинальную архитектуру храма? Что означают ее семь террас? Известная доля вероятности есть в догадке, что храм олицетворяет собою то, с чем теснее всего связана жизнь яванца — этажи рисовых полей. Жители Явы, удивляясь мощности и величию храма Боро-Будур, не считают его за дело рук человеческих, а скорее за произведение божества или каких-нибудь небесных духов.

Взобравшись на вершину храма, мы долго любовались великолепным видом, открывшимся оттуда. На юге на заднем плане синеют невысокие горы с неправильными, изрезанными очертаниями, сплошь покрытые зеленью полей и лесов; к северу на далекое пространство расстилаются рисовые поля, перемешанные с рощами из пальм, скрывающими малайские поселки. Рядом с великим произведением народного гения выстроено современное здание, где турист может переночевать или подкрепить свои силы; но нельзя советовать ему осуществить эту возможность. Каждый шаг туриста оценен так, что наш очень сильный аппетит моментально исчез, лишь только мы ознакомились с ценами по карте кушаний; а безобразная цена — по гульт

Статуя Будды в храме Мендут

дену за каждый из снимков храма и его достопримечательностей — помешала нам сделать приобретение их в должном количестве.

На обратном пути мы посетили другой храм — Мендут, лежащий недалеко от станции Мунтилан. Рядом с храмом выстроено какое-то здание, не то церковь, не то монастырь. Мендут хуже сохранился, чем Боро-Будур, и в то время, когда мы осматривали его, происходила его реставрация. Это — чрезвычайно оригинальный храм. На высоком фундаменте стоит гигантская каменная форма — усеченная пирамида, совсем такая, в какой готовят сырные пасхи. Внутри храма — полусумрак и посредине на постаменте сидит белая фигура Будды. Ее мощные очертания выражают полное спокойствие, лицо с закрытыми глазами полно величия и глубины. По обе стороны учителя находятся статуи, по всей вероятности, основателей и строителей храма — яванских князей.

Осмотрев оба храма, мы вернулись в Мунтилан и с первым поездом добрались до города Джокья — столицы независимого султанства. Уже было темно, когда мы попали туда и устроились

в очень чистой и прекрасной гостинице, снабженной всем яванским комфортом. Хотя город и освещен газом, но, несмотря на это, в этот вечер нам не удалось ознакомиться с его характером. Прежде всего бросились нам в глаза многочисленные китайские магазины, где сидели их хозяева с приветливой улыбкой на гладком широком лице. Китайцы — «orang-orang tjina» — настолько крепко пустили корни в жизнь яванцев, что когда представляешь картину яванского или другого малайского города, совершенно забываешь о туземцах и видишь только эмигрантов из Небесной империи. Замечательно, что китайцы говорят даже друг с другом по-малайски, торговые же книги свои ведут по-китайски, зарисовывая их тушью изящными столбиками своих значков.

Рано утром на следующий день, закусив в отеле, мы направились бродить по улицам Джокьи, интересуясь кратоном, или дворцом, где живет «toean sultan»*. Однако прежде всего мы прошли мимо форта «Vredenburg», окруженного ровом с водой, скрывающего за своими стенами сильный гарнизон и немалую артиллерию, а недалеко от него уже помещается огромный кратон** султана. Это соседство весьма знаменательно. Султан управляет своим царством по своему усмотрению; он только советуется со своим младшим братом — голландским резидентом, дом которого находится недалеко от кратона; если же слова увещания младшего брата не действуют в должной мере на старшего, то форт Вреденбург может подкрепить мнение младшего брата такой пальбой из пушек, от которой кратон старшего обратится в груды развалин. Поэтому в своих решениях оба брата весьма единодушны; к тому же султан получает от голландцев такое денежное пособие ежегодно, что он может жить, ни о чем не думая. Прежде султана показывали. Для этого нужно было иметь черный фрак и, получив разрешение резидента, добиться аудиенции у султана. Теперь только личное знакомство или большая протекция допускают посторонних лиц к султану, но в большие праздники можно все же получить возможность быть у него на приеме.

Дорога от гостиницы до кратона идет главной улицей Джокьи — Тамариндовой аллеей, на которой нам встретились удивительные фикусы. С ветвей этих оригинальных растений спускаются пучки корней, как канаты, сплетенные из тонких веревок. Достигнув земли, эти канаты скоро в ней укрепляются и очень быстро утолщаются, превращаясь в толстую колонну, поддерживающую массу ветвей дерева. Ветви эти растут дальше, снова

* Господин султан (*мал.*).

** Комплекс дворцовых построек.

дают такой же пук корней, и одно дерево может образовать целую рощу. В Бейтензорге около дворца ген-губернатора, вдоль Djalan-besaar есть небольшая рощица, составленная из двух-трех деревьев.

Перед домом резидента мы остановились и внимательно рассматривали разные древние статуи, украшающие его цветник. Пройдя улицу, мы попали на огромную площадь, раскинутую перед кратоном. Посредине ее стояли фикусы, подстриженные в виде огромных зеленых ваз, наподобие того, как стригут липы в наших садах и парках. Кратон — целый город. Он представляет собой огромный, обнесенный стенами, четырехугольник, внутри которого помещаются меньшие квадраты со своими стенами и воротами, а в центре стоит сама «gumah toean sultan», т. е. дворец.

Население кратона достигает 15 тысяч человек, которые все составляют штат султана, его гвардию, служителей. Тут же помещаются: гарем с многочисленными женами султана, его зверинец, его сады и т. п. Мы ходили между обыкновенными малайскими хижинами, входили в широкие дворы, на одном из которых увидели настоящего мученика людского варварства — молодого слона, привязанного за ногу к столбу, врытому в землю. Несчастное животное не могло сделать ни одного шага, ни лечь, ни изменить позы и крутилось вокруг столба, натирая чуть не до живого мяса свою ногу. Любимое зрелище восточных владык — бой зверей, особенно же тигров с буйволами — заставляет их содержать более или менее значительные зверинцы.

Наконец мы пришли на центральный двор, где встретили оригинальное зрелище. На земле, подобрав под себя ноги, сидела стража султана. Телохранители эти были полуобнажены, за поясом со стороны спины у всех были большие крысы*, их головы покрыты платками, которые были подвязаны под затылком. Они обернулись, как один человек, на нас, и стоило кому-нибудь, — подумал я, — мигнуть глазом, и от нас осталось бы одно воспоминание; но в это время подошел к нам некто и сказал, что тут живет султан; поэтому мы обратили тыл и, долго блуждая по закоулкам кратона, вышли на одну из улиц города.

Там нам встретился какой-то важный яванец, который шел впереди небольшой свиты, несшей огромный зонтик на бамбуковой палке. Сам яванец был одет в пестрый саронг, пиджак европейского покроя, его голова была повязана платком, но ноги босы. На Яве местная администрация как знак своего достоинства носит зонтики разных цветов. Чем больше позолоты на этом

* Малайский кинжал с пламевидным клинком.

Семья яванцев из Джокьи

зонтике, тем выше ранг яванца. Регенты, например, имеют зонтик зеленый с белым, с тремя золотыми полосами и позолоченной верхушкой; не помню, сколько полос имел зонтик того, кто встретился с нами, но золота там было много, — по всей вероятности, это была знатная особа. Обратило мое внимание отсутствие обуви, и дальше на пути между Джокьей и Сурабаей я видел в вагоне I класса благородного яванца, который о чем-то говорил с голландским офицером, по-голландски, был одет более чем изысканно, но был также босиком. Постоянное хождение босиком очень развивает пальцы ног у малайцев. Второй палец ноги далеко отстоит от большого, и я сам был свидетелем, как малаец в Бейтензорге, уронив свою «*topi*», шляпу, на землю, не стал наклоняться за ней, а, зажав ее между большим и вторым пальцем ноги, поднял ее с земли и после уж взял в руки.

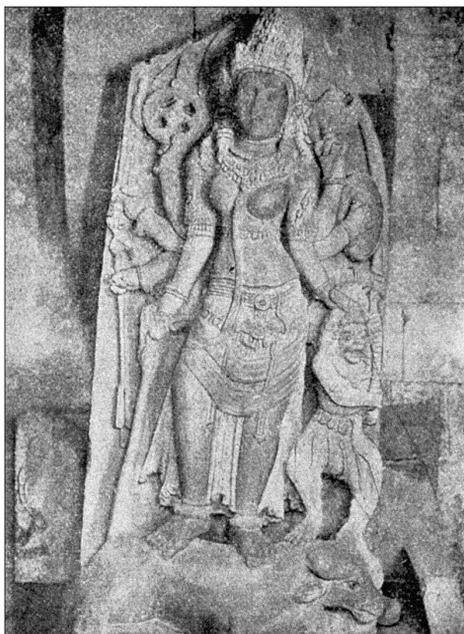
Блуждая по улицам Джокьи, мы не могли не обратить внимания на разницу в типах и костюмах населения центральной Явы и западных ее частей. Я говорил уже, что в Джокье и других частях средней Явы живут яванцы, которые отличаются от сунданезцев западной Явы своим более светлым цветом кожи, более индоевропейским типом. Это понятно из исторического

Тип благородной яванки

очерка. Индусская колонизация развивалась главным образом в восточной и центральной части Явы, в то время как туземцы, коренные жители Явы, продвигались к западу, теснимые пришельцами. Изображенная на рисунке жена султана Джокья представляет собою благородный тип яванки, очень симпатичный и приближающийся к индоевропейскому типу, отличаясь от него некоторой шириной лица, формой носа и губами. Но и не только на Яве эта особа могла бы украсить собою гарем султана — вкус европейца не разошелся бы здесь со вкусом яванца.

Не одним лишь физическим типом отличается яванец от сунданезца. Он носит несколько иной костюм, иначе причесывает и повязывает платком свою голову и оружием его служит крис, изобретенный, по преданию, одним из принцев древнего Яванского царства, который был искусным кузнецом. Крис имеет определенную форму, характерную для различных провинций Явы и соседних островов. По форме ножен, по рукоятке криса, по тем фигурам, которые вырезаны на ней, знаток без труда определяет происхождение криса. Сунданезец не носит криса, и его оружием и неизменным спутником является нож-голок, который, однако, далеко не пользуется таким уважением, как крис.

Статуя Дурги в Прамбанане

Нам пришлось недолго гулять по улицам Джокьи. Скоро мы уже сидели в поезде и по плодородным равнинам мчались к другому султанству — Суракарте, или Соло, другой половине Матарамского царства. Голландцы так же относятся к султану Соло, как и к властителю Джокьи. Задаривая его деньгами, отнимая у него всякую самостоятельность, они скромно скрываются в тени его великолепия и не раздражают народ своим чужеземным вмешательством в его жизнь и обычаи. Для того же, чтобы власть султана была еще незначительнее и его влияние на дела еще слабее, они поддерживают также и претендента на его престол, заставляя султана отдавать свое внимание на защиту своих прав против покушений претендента.

Между Джокьей и Соло, около небольшой станции Прамбанан, где даже не останавливается скорый поезд, находятся знаменитые развалины храмов, относящихся к тому же индусскому периоду истории Явы. Развалины храмов Прамбанана представляют собой остатки большого количества храмов, посвященных многочисленным божествам браминской религии. Они расположены среди рисовых полей на небольшом плато, окруженном остатками могучей стены. Здесь было когда-то много храмов; до сих пор еще сохранились развалины 157 небольших святилищ, среди которых наиболее заметны 8 больших,

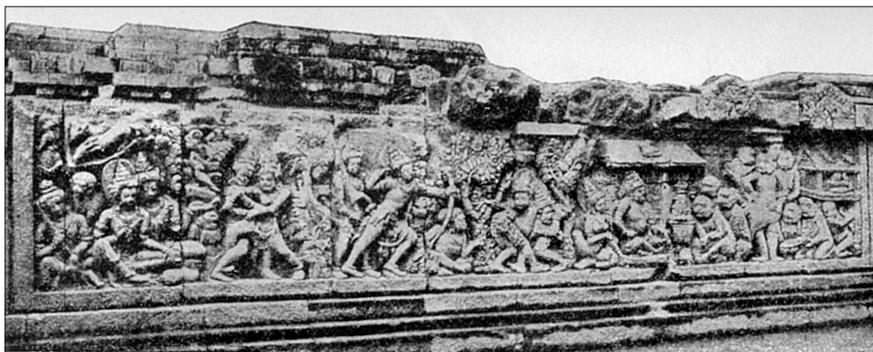

Идолы в Тьянди-Севу

пирамидальной формы, расположенных в три параллельных ряда. Наибольший интерес представляет средний западный храм с двадцатиугольным основанием и с четырьмя статуями богов внутри. Отлитая из бронзы богиня Дурга со своими восемью руками, держащими по эмблеме, занимает центральное место в храме, названном ее именем. В том же храме статуя ее супруга Синры* (Магадев) и ее сына Ганезы** с оригинальным лицом, продолженным в слоновый хобот, которым бог достает пищу из чаши, находящейся в его массивной руке. Рядом стоящие храмы посвящены другим божествам. Так же, как у Боро-Будура, лавовые камни, из которых сложены храмы, покрыты многочисленными скульптурными украшениями, богатыми по своему содержанию и еще более совершенными по выполнению. Кроме рельефных картин, подобных тем, что украшают собою стены Боро-Будура, на фундаменте храмов Прамбанана немало статуй, стоящих в нишах, украшенных разнообразными изваяниями. По мнению Геккеля, скульптура храмов Прамбанана сильно напоминает скульптурные украшения Парфенона и пергамские изваяния, уступая, впрочем, им в совер-

* Шива.

** Ганеша.

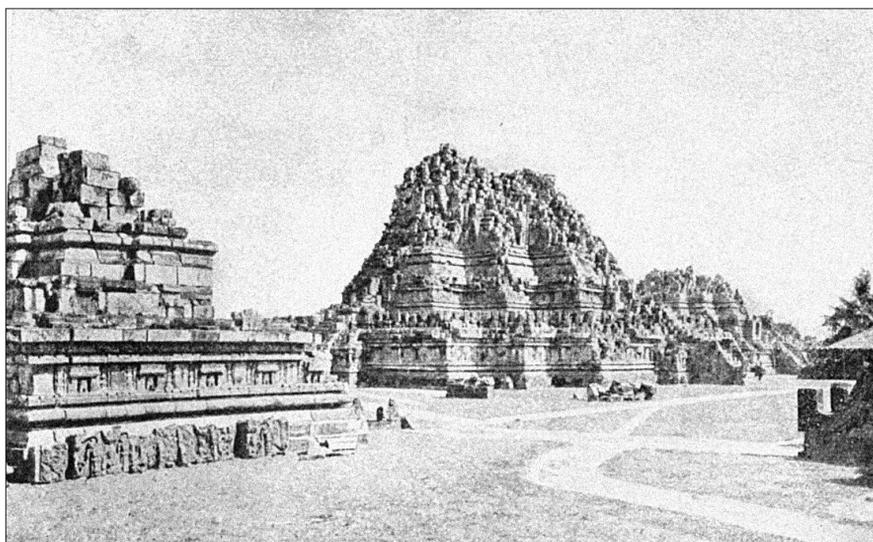

Рельефные изображения на стенах храма Прамбанан

шенстве отделки. Богатые каменные картины иллюстрируют целые сцены индийских преданий. На одной из стен изображено в трех картинах состязание двух братьев-близнецов — Сугрива и Вали. Герой повествования — Рама, пришедший на помощь Сугриву, выдвинут на передний план со своей свитой. Однако он не может вмешаться в битву из боязни убить Сугрива, так как оба брата необыкновенно похожи друг на друга. Сугрив опоясывается гирляндой из листьев, и Рама, узнав его по этому признаку, убивает злого Вали. На третьей картине представлен освобожденный Сугрив: подле него на троне сидит его супруга, а перед ними его народ, имеющий вид полуобезьян, воздает ему почести. Уже описание одной этой картины показывает, сколько смысла и содержания вложено в каменные изваяния, которые свидетельствуют о высокой культуре того народа, который мог оставить после себя такие памятники. К северу на один километр от Прамбанана находятся развалины целой массы храмов — Tjandi-Sewu, большая часть которых очень сильно пострадала от землетрясения 1867 года. Особое внимание путешественника привлекают здесь колоссальные изваяния двух идолов, поставленные около входа на территории храма.

Между Джокьей и Соло расположена станция Кляттен*, мало интересная в историческом отношении, но очень важная в практическом. Возле нее находятся обширные плантации табака, который культивируется на Яве в большом количестве благодаря своей урожайности и доходности. Но плантаторы Явы жалуются, что они не могут получить продукт, качество которого стояло бы на одном уровне с суматранским табаком из окрестностей Дели, откуда идут лучшие и наиболее ценные сорта табака. Культуры табака требуют

* Правильно: Клатен.

Прамбанан — общий вид храмов

большой заботливости и опытности, чтобы получить желаемый продукт. Для табака требуется свежая почва, поэтому плантации часто запускаются под лес, из-под которого снова очищаются через некоторый промежуток времени. Сборы табака, его подготовка — ферментация — сортировка, все это требует специальных знаний, и в Бейтензорге существует особая лаборатория для табака, опытная работа которой производится в Кляттене.

Дорога от Соло до Сурабаи идет по ровной местности между рисовыми полями и, главным образом, между плантациями сахарного тростника. Ровная, неинтересная местность. Лишь вдали голубые горы показывают, что не вся восточная половина Явы так скучна и однообразна, как этот путь от Джокьи до Сурабаи, где пальмы, бананы и другие растения конфузливо заявляют, что и здесь тропическая природа, да солнце безжалостно жжет от 8 до 4 часов дня, а благодатного дождя мало выпадает в это время года в восточной Яве. Проезжая мимо сахарных плантаций, можно видеть, какой огромный труд приходится затрачивать для культуры сахарного тростника. На полях прорывают глубокие канавы, куда кладутся куски разрезанных стеблей, снабженных боковыми почками. Когда взойдут молодые побеги тростника, приходится часто выпалывать сорную растительность, окапывать стебли и обрывать увядшие нижние листья. Когда стебли вырастут и будут готовиться к цветению, их обрезают, очищают от листьев и, складывая в вязан-

ки, отправляют на завод. Из оставленных в земле стеблей с корнем вырастают новые побеги, которые срезаются в свою очередь, хотя они дают уже менее сахара, чем первые стебли. В прежние годы, когда свеклосахарное производство в Европе было менее развито, плантации сахарного тростника давали огромный доход, и на культуру его обращали мало внимания. В настоящее время эта культура предъявляет к себе большие требования, и департамент земледелия имеет специальную лабораторию в Бейтензорге для исследования сахарного тростника и особые опытные участки для выведения улучшенных пород. Ява не очищает сахара, и в продаже употребляется повсюду желтый сахарный песок, часто с очень неприятным привкусом. Сахара же в кусках, как у нас, мне не пришлось видеть ни в одном отеле или частном доме.

Около шести часов вечера мы приехали в Сурабаю, столицу восточной Явы, наиболее торговый город на острове. Большой вокзал с крытой платформой, масса отельных экипажей, великолепных улиц с большими, нередко двухэтажными домами, паровой трамвай — все это указывало на культурный центр, в котором, как и почти всюду в больших городах на Яве, туземное население низведено до чернорабочих и прислуги, и город можно назвать европейско-китайско-арабским, а не малайским. Нечего говорить об удобном отеле с очень хорошим столом, где мы устроились, ожидая парохода, который должен повезти нас в далекое путешествие.

Сурабая была в праздничном настроении. Всюду гирлянды зелени, арки, флаги, приготовления к иллюминации. Все нидерландские земли ожидали рождения наследника или наследницы престола, весть о котором могла прийти каждую минуту. Это событие для голландцев и их колоний было очень важно, так как в случае кончины до той поры бездетной королевы германский император мог предъявить свои права на голландский престол, что мало улыбалось голландцам, симпатии которых лежали очень далеко от немецкого императора. Однако весть все запаздывала, и ожидаемое событие свершилось чуть ли не на целый месяц позже.

Сурабая делится на три части: европейский город, полный прекрасными домами, магазинами, конторами, банками, по которому летают бесчисленные автомобили с седоками-англичанами, представителями торговых и банкирских домов. Другую часть города занимает арабский квартал, лежащий близко от третьей части города — китайского квартала, имеющего приблизительно одинаковый с арабским характер — узкие, грязные улицы, массу лавок, магазинов, мастерских ремесленников. Нам пришлось покупать здесь немало вещей для путеше-

ствия, и нужно отдать справедливость китайцам, которые являлись гораздо более честными продавцами, чем склонные к обманам и мошенничеству яванские арабы.

Посредине города протекает река, которая впадает в море — в Мадурский пролив. Низкие берега и болотистая местность делают климат Сурабаи нездоровым, и еще недавно здесь не прекращались эпидемии холеры. Но года три или четыре тому назад в Сурабае был устроен водопровод, и холера исчезла из этого города. В настоящее время Сурабая является чуть ли не единственным городом на Яве, где даже европейцы пьют сырую, непереваренную воду.

Для натуралиста Сурабая представляет мало интересного; она имеет какую-то общую, неоригинальную физиономию, которая не указывает на национальные черты народа, на чьей территории вырос этот город. Как во всех городах, где скопляются туристы, в Сурабае существует особый класс людей, охотящихся на кошелек приезжих. И мы в числе других были атакованы продавцами крисов — старых, новых и более всего подделанных под старые. С утра целая шеренга арабов обступала веранду отеля, предлагая нам ковры, кораллы, подушки, всего и не вспомнишь, запрашивая десятикратную цену, обижаясь, когда мы давали, по нашему усмотрению, настоящую стоимость, и с видом оскорбленного самолюбия оставляя в наших руках вещь, которая не стоила и половины уплаченных денег. Все это так обычно и характерно для большого города, посещаемого туристами, и так мало соответствует общей жизни коренного населения страны.

Два с лишком дня мы пробыли в Сурабае, дожидаясь отхода парохода «De Klerk» Konicklike Paketvaart Maatschappij*, на котором нам предстояло сделать переход до Амбоины.

Первая половина нашей жизни на Малайском архипелаге окончилась. Из высококультурной области мы направлялись в дикие места, чтобы там ознакомиться с мало тронутой культурой природой и находящимися на более низкой ступени развития полудикими племенами. От этого путешествия мы ожидали много, и я расскажу в следующих главах, что встретили мы на нашем длинном пути.

* Королевская пароходная компания (голл.).

Глава VII

Физико-географический очерк Малайского архипелага

Знаменитый исследователь Малайского архипелага английский натуралист Альфред Рассел Уоллес, проведший более 12-ти лет в непрерывном изучении этой интереснейшей области, дает блестящую естественно-историческую характеристику островов, входящих в состав этого архипелага.

Несмотря на то, что острова Малайского архипелага лежат тесно один возле другого, различные зоо- и антропогеографические области сталкиваются на пространстве между юго-восточной Азией и материком Австралии. Полуостров Малакка, Большие Зондские острова, Борнео, Суматра, Ява и маленький Бали образуют индо-малайскую группу, Малые Зондские острова от Ломбока до Тимора входят в состав группы Тимора.

Оригинальный по своим очертаниям Целебес с прилежащими к нему небольшими островками — на юге Бутоном и Салейром, на севере Сулу* — составляет группу Целебеса; к востоку от Целебеса расположена группа Молуккских островов, среди которых особенно выделяются напоминающая своими изрезанными очертаниями Целебес Хальмахера и дикий гористый Серам, к югу от которого расположены маленькая Амбоина и острова Банда — первые поселения европейцев на архипелаге. Наконец, последнюю группу составляют Папуасские острова — огромная Новая Гвинея, самый большой после Гренландии и дикий остров на земле, и примыкающие к ней с юго-запада маленькие группы Ару, Кай, а с северо-запада — Вахей, Миссоле и Сальвати**. Каждой из этих областей свойствен свой особый животный и растительный мир. Нередко при этом острова с разнообразной фауной и флорой так близко лежат друг возле

* В современном написании Бутунг, Салаяр, Сула.

** Вайгео, Мисоол, Салавати.

друга, что кажется просто невероятным, каким образом могут отличаться столь близко лежащие друг возле друга области.

Западная часть архипелага — индо-малайская группа — почти не отличима по своей флоре и фауне и типам населения от юго-восточной оконечности Азии. Слоны и тигры обитают непроходимые болотные джунгли Суматры и Малаккского полуострова. На Яве и Суматре живут носороги, близкие с их индийским собратом. Орангутанги строят свои гнезда на ветвях непроходимых лесов Борнео и Суматры; гиббоны — человекообразные обезьяны — в большом количестве еще попадаются на трех упомянутых Зондских островах. Павлины и фазаны, эти цари всех пернатых по роскоши своего оперения, очень обыкновенны как в лесах юго-восточной Азии, так и на прилежащих к ней островах. Я не буду говорить о фауне мелких птиц, насекомых и других животных — они еще более тесно сближают эти области земли между собой.

Но будем двигаться на восток от Явы, подобно тому, как мы шли на нашем пароходе «де-Клерке». Ближайший к Яве на восток остров Бали напоминает собой вполне своего западного соседа, являясь как бы его естественным продолжением. Но далее к востоку картина резко изменяется. Узкий пролив отделяет следующий остров Ломбок от Бали; но несмотря на это разница в фаунистическом составе их очень существенна. «Пролив здесь в 15 миль шириной, — пишет Уоллес в своей знаменитой книге «Малайский архипелаг», — так что в течение двух часов мы можем переплыть из одной части земли в другую, отличающуюся от первой в отношении своего животного мира настолько, насколько Европа отличается от Америки». С острова Ломбока начинается, как уже упомянуто выше, группа островов Тимора со своими эвкалиптовыми лесами, населенными веселыми, крикливыми какаду, напоминающими леса Австралии. Одиноко стоит Целебес со своей странной фауной: здесь нет ни слона, ни носорога, ни тигра, нет даже тапира, зато есть бабирусса* — животное, водящееся исключительно на Целебесе. Хищных зверей заменяет на Целебесе сумчатый кускус — ленивое ночное животное величиной с большую кошку.

Папуасская группа, родина райских птиц, бесчисленных какаду, огромных казуаров, кенгуру, является совершенно особенной областью, вполне резко отличающейся от западной половины архипелага.

И человеческие племена столь же разнообразны, как и животный мир. На западе живут малайцы, распадающиеся на ряд племен — культурных, как мы видели, на Яве, полудиких или диких — на Борнео и Суматре. Восточная половина архипелага

* Парнокопытное животное семейства свиней.

населена папуасами, иными племенами, большинство которых находится еще на низшей ступени культуры.

Но почему же существует такое большое коренное несходство в столь близко лежащих друг возле друга местностях? Такой вопрос невольно приходит всякому в голову, кто только ознакомится с описанными фактами. Где можно искать причины этого странного явления? Если обратим внимание на морские глубины окружающих острова морей, то тут мы снова натолкнемся на факт чрезвычайной важности. Между островами Борнео, Суматрой, Явой и полуостровом Малаккой море всюду очень мелко — его глубины не достигают нескольких десятков метров, редко опускаясь ниже сотни; на крайнем востоке, между Новой Гвинеей и прилегающим к ней маленьким Аруанским архипелагом, между Новой Гвинеей и Австралией также простирается мелкое море, едва достигающее нескольких десятков метров глубины.

Совершенно иную картину представляют моря, лежащие между Зондскими и Молуккскими островами.

Макасарский пролив, отделяющий Целебес от Борнео, имеет большие глубины, доходящие до 2400 и более метров, между Целебесом и Серамом глубина спускается до 4900 метров, а между Бандой и островом Кай — даже до 5684, т.е. около $5\frac{1}{2}$ верст! Это обстоятельство полно глубокого значения. Чем глубже море, тем раньше образовалось оно, тем в более отдаленные эпохи было возможно соединение между островами, и нам представляется вполне понятным, почему западная половина Малайского архипелага имеет так много общего с юго-восточной Азией. Мелкое море указывает на возможность соединения в прежние геологические эпохи этих областей в одно целое; отсюда сходство в животном населении.

Я уже упоминал, что в историческое время Суматра была соединена с Явой, а Ява — с Мадурой. Вполне естественно ожидать, что не будет разницы между животным миром этих стран.

Целебес отделен от Борнео глубоким проливом, его фауна совершенно не похожа на фауну Борнео; Макасарский пролив препятствовал издавна переселению животных с Борнео на Целебес.

Таковыми же соображениями объяснял Уоллес разницу в фауне Ломбока и Бали и на основании распространения животных и глубин моря провел свою знаменитую границу, названную Уоллесовской линией, разделившую индо-малайскую область от группы Тимора и Папуасии. Эта линия проходит между Целебесом и Борнео и между Бали и Ломбоком. Все, что к западу от нее, принадлежит индо-малайской области, к востоку — папуасской и австралийской. Однако позднейшие иссле-

дования разошлись с данными Уоллеса. Не отрицая различия между восточной и западной половиной архипелага, эти исследования изменили границы областей. В самом конце XIX века голландцы организовали большую экспедицию на пароходе «Сибога», которая тщательно промерила дно морей и собрала большие коллекции животных и растений. Эта экспедиция показала, что между Бали и Ломбоком нет больших глубин, что фауна Бали и Ломбока представляет много общего между собой, переходя незаметно одна в другую, что в этом месте не существует резкого перехода между западной и восточной половиной архипелага. Швейцарские натуралисты, братья Саразины, изучая фауну моллюсков острова Целебеса, пришли к заключению, что Целебес в недавнюю геологическую эпоху был соединен с островами Явой и Флорес, что этим соединением объясняется сходство в фауне таких животных, как сухопутные моллюски, которые лишены каких-либо особенных способов передвижения.

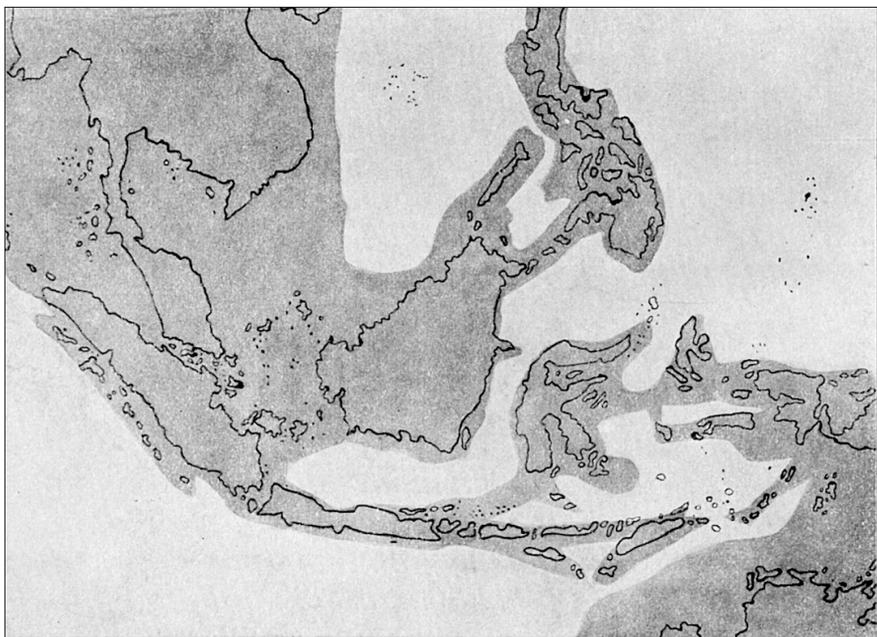
Таким образом, современное изучение распространения животных указывает на большое несходство в населении близко лежащих друг около друга островов, и натуралист ищет объяснения этому явлению в прошлой истории этой части земли. На основании различных данных, доставляемых наукой о земле — геологией, является возможность восстановить очертания суши и морей в прежние геологические эпохи. И если мы обратимся к делювиальной эпохе, непосредственно предшествовавшей той, в которой мы живем, то очертания юго-восточной части Азии были иные, чем в настоящее время. Полуостров Малакка, острова Борнео, Суматра, Ява и прилегающее к ним Яванское море составляли одну общую сушу — одну юго-восточную оконечность материка Азии (см. карту). И понятно, что животные могли беспрепятственно расселяться по этим обширным пространствам суши, не разделенным еще морскими бассейнами. Целебес же был и в то время резко отделен проливом от Азии, оставаясь самостоятельным островом в делювиальном море. Новая Гвинея тогда была лишь несколько больше развитой на западе и к югу и почти сливалась с Австралией. Но гораздо более глубокие изменения показывал Малайский архипелаг в более раннюю эпоху, которую геологи называют плиоценовой. Тогда, как это видно из прилагаемой карты, суша была развита еще более, чем в настоящее время. Не только Борнео и Суматра с Явой были присоединены к Азиатскому континенту, но и от Явы шли полосы земли, соединявшие Яву с Целебесом и Яву с цепью Малых Зондских островов, даже с группой острова Тимора. На востоке Новая Гвинея не отделялась от Австралии, ее западные полуострова включали в себя и Ару-

анский архипелаг и острова Кай и Тимор-лаут, а от северо-западной оконечности шел мост через Хальмахеру и другие Молуккские острова к северному Целебесу. Лишь по-прежнему Целебес был отделен от Борнео древним Макасарским проливом, и глубокое море Банда, показывающее, как я приводил выше, страшные глубины в $5\frac{1}{2}$ верст, оставалось почти без изменений и в тот отдаленный период времени.

Я не стану следить дальше в глубь времен за судьбой Малайского архипелага и теми изменениями, которые претерпевали и суша, и море. Животный мир в более древние времена был также несколько иным, и от животных тех времен дошли до нас одни лишь остатки в виде костей или зубов, сами же животные не сохранились до нашего времени.

Из сказанного, однако, ясно, почему фауна и флора Малайского архипелага так несходны на западе и востоке. Восток и запад его — два мира, имеющие каждый свою независимую и самостоятельную историю. Видимая близость Целебеса и Борнео является обманчивой для объяснения распределения животных на этих островах, и глубокий Макасарский пролив уже издавна разделял эти земли. Ява, которая лежит значительно дальше от Целебеса, чем Борнео, была когда-то соединена с ним, и ее животный мир стоит ближе к целебесскому, чем животное население Целебеса и Борнео. И велика была научная заслуга Уоллеса, который первый так ясно выразил различия между отдельными областями Малайского архипелага, хотя его граница — линия Уоллеса — и не вполне соответствует истине. Уже я указывал, что изменение фауны с запада на восток происходит постепенно, а измерения экспедиции «Сибоба» показали, что глубины между Бали и Ломбоком никак не могут быть названы большими, достигая всего 118 и 193 метров в двух измеренных пунктах, в то время как у южного берега Ломбока лот показывал глубину более 800 метров.

Таковы в кратких словах история Малайского архипелага и объяснение разнообразия фауны островов, его составляющих. Нам предстояло теперь увидеть своими глазами те острова, о которых приходилось лишь читать в прекрасных описаниях Уоллеса и других путешественников, изучавших этот своеобразный уголок земли. Нам было крайне интересно сравнить наши впечатления с описаниями прежних натуралистов, чтобы убедиться, какими большими шагами идет распространение культуры, как постепенно исчезают старые племенные обычаи, заменяясь видимым однообразием и лоском европеизма. Пятьдесят лет тому назад Уоллес изучал Малайский архипелаг одновременно с голландским натуралистом Розенбергом, затем много спустя m-ме Вебер ван-Боссе издала дневник свое-

Карта Малайского архипелага в плиоценовую эпоху

го путешествия на борте военного корабля «Сибога», производившего гидрографические и биологические исследования по разнообразнейшим уголкам архипелага. Эта интересная книга дает ряд картинок из жизни туземцев, как совершенно диких, так и стоящих на высокой степени культуры — раджей и князей. Природа островов и результат грандиозных исследований корабля «Сибога» живо описаны в этой книге. Наконец в 1902/3 году на архипелаге работал русский натуралист К. Н. Давыдов, составивший описание своего путешествия, полное интереснейших зоологических и этнографических данных. Несмотря на то, что между путешествием Давыдова и нашей поездкой прошло всего каких-нибудь 6 лет, промежуток времени почти совершенно незначительный, произошла существенная разница в жизни отдаленнейших уголков архипелага — на острове Ару и прилежащих группах. Быть может, через каких-нибудь 10 лет только в высоких горных лесах Новой Гвинеи будут обитать дикие люди, которые станут столь же редкими на земном шаре, как носороги на острове Яве.

И в том и заключается наибольшее значение таких записок, как данная книга, что они изображают культурное состояние населения и природу страны в определенную эпоху.

Глава VIII

По островам архипелага от Явы до Ару

На небе зажглись уже яркие звезды, когда «де-Клерк» снялся с якоря и пошел по Мадурскому проливу вдоль восточных берегов Явы. Где-то на юго-западе была гроза; темные тучи висели там над горизонтом, освещаемые яркими линиями, но над нами небо было чисто, звезды приветливо светили, море было спокойно, а прибранный и блистающий электрическими огнями пароход производил очень приятное впечатление. На этот раз, наученные горьким опытом переезда из Сингапура до Батавии, мы ехали уже в I классе, пользуясь 50% скидкой, предоставляемой каникулярным билетом. Пароход был наполнен пассажирами. Он шел в далекое плавание — к северным берегам Новой Гвинеи, но по пути ему приходилось посещать столько населенных мест, что он надеялся растерять при этом чуть не всех пассажиров. Мы также ехали на нем до Амбоины, где должны были пересесть на другой пароход той же компании.

Среди пассажиров была семья голландского офицера, ехавшего на Амбоину. Его маленькая дочка, очаровательное существо 2–3 лет, совершенно белокурая, вся в естественных локонах, бойко щебетала со своей нянькой по-малайски и не понимала ни одного слова по-голландски.

На остров Банду ехала молодая учительница, очень симпатичная и веселая дама, страдавшая, к сожалению, от морской болезни даже во время самой незначительной качки. Три смуглых барышни были ее попутчицами на Банду, и я очень изумился, когда, познакомившись с ними, узнал, что они китайки. Они хорошо говорили по-французски и в их типе ничто не говорило о принадлежности к желтой расе. Я считал их скорее за европеек, смуглых от лучей тропического солнца. Кроме того, на борту находилось несколько туристов, направившихся в разные места архипелага.

Капитан, старший офицер и механик были очень приветливыми хозяевами, и скоро все общество, познакомившись друг с другом, приятно проводило свободное время на просторном, уставленном мягкими креслами и диванами деке. Пассажиры III класса были крайне разнообразны по составу. На пароходе было довольно много японок, которые направлялись туда же, куда и мы, — на остров Ару, где собирается большое количество японских и других водолазов, которым недостает женского общества. Верхняя палуба была занята массой туземцев, охотно пользующихся пароходами «Пакетваарта», так как стоимость билета IV класса действительно крайне незначительна.

Рейсы пароходов «Paketvaart'a», имея главный базис в Сурабае, расходятся оттуда во все стороны. Еще недавно Давыдов описывал их, но с тех пор число их увеличилось, и нет почти ни одного мало-мальски культурного уголка Нидерландской Индии, куда бы не заходил регулярно, не реже раза в две недели, пароход, доставляя почту, продукты культуры, собирая сырой материал и незатейливые произведения туземцев самых глухих уголков архипелага.

Рано утром «де-Клерк» прошел мимо восточной оконечности Явы и подходил к острову Бали, чтобы бросить якорь в гавани Булеленг, главном городе острова. Бали очень горист; его высокие горы, покрытые то лесами, то культурными полями, становятся видны еще издали, и сам остров по своим очертаниям напоминает далекую Сицилию. Около Булеленга нет настоящей пристани, и пароход бросил якорь на рейде в виду города. Быстро была спущена шлюпка, и желающие могли высадиться на берег. Мы взяли небольшую лодку с двумя туземными мальчиками-гребцами и направились в бухту собирать материал по водорослям.

Дно булеленгской бухты наполнено кораллами, среди которых встречается большое количество растений и животных. Однако в это время был прилив, поэтому наш сбор был сильно затруднен глубокой водой, и мы скоро пристали к берегу, чтобы познакомиться с туземными типами и характером Булеленга. Бали — один из интереснейших островов архипелага. С него началась колонизация всего края индусскими выходцами, принесшими с собой культ браманизма. И этот культ до сих пор сохранился на двух соседних островах — Бали и Ломбоке и не был вытеснен вторгшимся исламом. Во времена Уоллеса Бали был почти вполне независимым от голландского правительства островом, там были свои самостоятельные султанства, но теперь всякий след самостоятельности исчез с Бали.

Остров управляется голландским чиновником и местными старейшинами, как и другие области архипелага.

Город расположен около пристани; он состоит из ряда невысоких двухэтажных домов, расположенных по обе стороны узкой и грязной улицы. Эти дома сплошь заняты лавками купцов китайцев и арабов. Небольшая прямоугольная площадь, расположенная посередине города, была заставлена различными предметами торговли, местными плодами и изделиями жителей. Типы жителей Бали несколько отличаются от типов яванцев; особенно характерна прекрасная половина обитателей Бали. Насколько яванки тонки и изящны, настолько балийки крупны и фундаментальны. Они носят упрощенный костюм, открывая всю верхнюю часть тела, и невольно обращают внимание путешественника роскошным развитием своих форм.

Побродив по грязным и узким улицам Бали, мы поспешили на свисток парохода, который скоро поднял якорь, держа курс к северо-востоку по Балийскому морю. Чем дальше уходил пароход от острова, тем шире развевалась его панорама, и конусообразные горы, покрытые облаками, высоко поднимали свои остроконечные вершущки над поверхностью удалявшейся от нас земли. Мы прошли мимо островов «Отче наш» (*Pater poster*), небольшой группы, лежащей к северу от Ломбока и Сумбавы, и плыли в открытом море, имея кругом себя лишь беспредельное водное пространство. Была прекрасная погода. Дул мягкий ветер, умерявший полуденный жар, и настолько слабый, что не производил волнения, и качка не смущала мирного покоя пассажиров.

Поздно вечером стали заметны далекие береговые огни на южной оконечности Целебеса, но было настолько темно, что нельзя было отличить ничего, кроме неясных силуэтов берегов, к которым приближался «де-Клерк». Рано утром на следующий день мы подходили к главному городу Целебеса — Макасару, или, как его также называют, Манкасару, резиденции голландского губернатора Целебеса, которому подчинены и многие соседние острова. Вдоль западной стороны юго-западного полуострова Целебеса рассеяна целая группа коралловых островов, то совершенно лишенных растительности, то поросших группой деревьев, среди которых виднелись какие-то постройки.

Самый город раскинут на низком морском берегу, сплошь застроенном домиками туземцев, складами или амбарами различных крупных торговых фирм. Длиннейшая деревянная набережная идет вдоль берега, и около нее дымилась три парохода, направлявшиеся в различные места архипелага, а за набережной с пароходами поднимался целый лес мачт. Бесконечное число всевозможных судов и джонок китайцев, прау макассар-

цев и бугисов и кораблей других национальностей было собрано в Макасаре. И это понятно: Макасар является главным центром, где собираются все деловые и торговые люди малайско-папуасской области архипелага. Издавна жители Целебеса — макассарцы и бугисы* — приобрели славу лучших мореплавателей, и еще Уоллес 50 лет тому назад отважился переплыть все Бандийское море в прау бугисов, сев не без опасений в Макасаре на небольшое судно, прекрасно справлявшееся со своей нелегкой задачей. Европейские фирмы, китайские и арабские торговые дома устроили в Макасаре свои склады, и каждый пароход, уходящий на восток или приплывающий с востока, остается продолжительное время в Макасаре. Мы воспользовались этой стоянкой, чтобы ознакомиться с городом и его окрестностями.

Как и все города на востоке, Макасар разделяется на три самостоятельных части: европейскую часть, туземный поселок и китайский квартал, около которого живет также арабское население города. Европейский квартал начинается от моря прекрасной аллеей, по одну сторону которой помещаются дома с магазинами европейцев и богатых китайцев, а по другую сторону — казармы местного гарнизона. Эта улица выходит на большую широкую площадь, обсаженную деревьями, где стоят: дворец губернатора Целебеса, гостиница европейцев, церковь, почтовая контора, другие учреждения, а также дома европейцев; отсюда ведут две улицы-аллеи — одна вдоль берега моря, где скоро кончаются постройки европейцев и начинаются уже постройки туземцев, а другая скоро приводит к очень широкой и большой площади, поросшей зеленою травой, где мирно паслись буйволы и изящные целебесские олени. Эта площадь носит обязательное для голландских городов имя «Koningsplein», королевская площадь, и на ней находится главная достопримечательность Макасара — бывший дворец султана Бони, превращенный в этнографический музей. Заливом Бони называется большой и глубоко вдающийся в сушу залив между двумя оконечностями Целебеса, юго-западной и юго-восточной. На берегах этого залива еще недавно процветало могущественное султанство Бони, от которого остался лишь дворец, как памятник прежнего величия, самостоятельное же султанство превратилось в обычную голландскую провинцию, управляемую голландскими чиновниками.

Дворец султана представляет собой высокий дом, построенный на тонких сваях, по своему виду напоминающий скорее

* Ныне принятое наименование — буги.

всего сарай. Его передний фасад украшен очень искусно сделанной резьбой, а на коньке крыши прибита буйволовая голова. К дому ведет очень высокое крыльцо в виде пристройки, также украшенное резными фигурами. Внутреннее помещение дома, или, лучше сказать, большого сарая, разделено на две половины, где размещены различные предметы, иллюстрирующие прежнюю жизнь на острове. Обращает на себя внимание большое собрание моделей кораблей — прау — разной величины и разных систем. Жители Целебеса — бугисы и макаassarцы — прекрасные мореплаватели, бесстрашно пускающиеся в отдаленные путешествия. Оружью отведено очень много места, и среди копий и ножей роскошные крисы блещут золотом и серебром своих ножен и драгоценными камнями, которыми нередко усыпаны их рукоятки. Между ножами я отметил огромные, слегка выгнутой формы с широчайшими лезвиями. Таким ножом, называемым клевангом, можно так же легко отсечь голову неприятеля, как срубить кочан капусты. Боевая одежда также представляет немало интереса по целому ряду украшений, надеваемых на воина. К шлемам прикрепляются особые пластинки в виде рогов целебесского быка, делающих носителей их особенно страшными. Плетения из пандануса и бамбука, достигающие высокой степени совершенства, характеризуют мирную сторону деятельности подданных султана Бони. В музее находятся драгоценные сервизы из старого голландского и саксонского фарфора, принесенные в дар голландским губернатором грозному султану Бони и вернувшиеся снова в руки даривших.

Вторая половина дворца представляет комнату, большая часть которой занята альковом, где помещается богатое ложе с 16 шелковыми подушками, а рядом с ним другая постель попроще, где султан курил свою трубку с опиумом, прежде чем отправиться на покой. Нужно очень благодарить голландскую администрацию за то, что она сохранила такой интересный памятник местной культуры, который мог бы исчезнуть вместе с крушением царства.

За Koningsplein'ом уже идут туземные кварталы, по которым можно выйти за город на рисовые поля, окружающие Макасар. Удивительная архитектура у этих туземных построек: они все стоят на очень высоких сваях, как голубятни, и вообще похожи на них, так как сам дом невелик, окна же его без стекол, с деревянными решетками. Интересно было бы выяснить, почему туземцы строят и теперь такие дома. Говорит ли в них наследственная привычка обитателей берега моря и устьев рек, или же другие соображения народной гигиены внушают им эту архитектуру. По характеру дома макаassarцев резко отличаются от яванских построек.

По другую сторону европейской главной площади разбиты грязные с узкими улицами китайский и арабский кварталы, где продают всевозможные предметы, но больше всего фрукты. Нигде я не видал такой массы чудных бананов, как по улицам Макасара, где я, отведав сорт «Pisang Ambon», должен был назвать его царем всех плодов. На Целебесе, как и повсюду в Нидерландской Индии, вся мелочная торговля находится в руках китайцев и арабов; местные же жители являются или земледельцами, или рыбаками, или, как макасарцы, мореплавателями.

На Целебесе обитают разные племена, среди которых бугисы и макасарцы занимают его юго-западные полуострова. Это тоже малайские племена, которые, однако, довольно сильно отличаются от яванского населения. Бугис — энергичный и отважный человек, он легко реагирует на внешнее раздражение, и нигде на архипелаге не было чаще случаев ужасного бега «амок», чем среди бугисов Макасара. Этого оригинального обычая, к счастью, мне не пришлось видеть лично, но я много слышал о нем. Когда человек доходит до отчаяния по тому или другому поводу, он выхватывает из-за спины свой неизменный крис и, размахивая им, кидается, как безумный, с криком «амок! амок!» по улицам селения. Все в страхе бежит перед таким неистовствующим, вышедшим за пределы человечности существом. Он накидывается без разбора на всякого встречного — мужчину, женщину, ребенка — и убивает все живое. В виду самозащиты устраивается облава на безумца и его стараются скорее пристрелить или убрать иным путем. Иногда этот бег есть не что иное, как оригинальное самоубийство, иногда это — следствие известного нервного возбуждения под влиянием какого-нибудь сильного раздражения. В настоящее время, однако, под влиянием мягкой, но последовательной культурной работы голландской администрации, этот бег становится все реже и реже.

Давыдов дает бугисам и макасарцам очень резкую характеристику, называя их мошенниками и пиратами. Я не могу разделить его взгляда, и лично я выскажусь о них совершенно иначе в другом месте моего рассказа. Но от г. Шмидта, негоцианта в Макасаре, я слышал много хорошего о честности бугисов, о том, как высоко развито у них чувство справедливости и как сильно отзываются они на незаслуженное оскорбление. Близость к морю и постоянное плавание сделали их отважными и сообразительными; роскошная тропическая природа и легкий способ добывания пропитания развили у них лень, кажется, более, чем у других малайских племен, живущих исключительно земледельческим трудом.

Почти непосредственно за Макасаром начиналось царство или султанство Гоа с султаном, о могуществе которого говорил Уоллес; его двory описала m-me Вебер ван-Боссе, а Давыдов видел, как могущественный раджа сел со своей многочисленной свитой на тот же пароход, на котором Давыдов ехал из Ломбока в Макасар. Прошло всего 6–7 лет после описанного Давыдовым события, и от могущественного султанства Гоа остался один лишь покинутый дворец и интересная мечеть. Долго не удавалось голландцам захватить в свои руки власть над независимыми раджами Целебеса, но они не спешили и ждали удобного случая. Между Макасаром и Гоа были плохие дороги, и султаны не давали разрешения на постройку хорошего и широкого шоссе, ясно понимая, что пути сообщения являются мощным орудием в руках голландцев для распространения их влияния. Один из губернаторов Целебеса известил султана Гоа, что королева прислала ему в подарок великолепную карету, но что дороги слишком узки, и карета не может быть доставлена для его особы. Султан настолько увлекся этим подарком, что разрешил провести шоссейную дорогу; и вслед за каретой туда были двинуты войска при первом представившемся случае. Султанство было уничтожено, и могучий раджа умер где-то в изгнании.

Дорога от Макасара до Гоа идет по ровным рисовым полям и доходит до большого бугисского селения, где посредине дворец, похожий на хороший помещичий дом с колоннами, и около него прекрасной архитектуры мечеть — одни напоминают бывшее величие. От резиденции Бони, как уже сказано, осталось еще меньше. Теперь на Целебесе нет уже независимых государств.

Кроме поездки в Гоа, мы сделали еще небольшую экскурсию по коралловым островам Макасарской бухты, собирая водоросли и кораллы, но добыча наша была не особенно обильна.

Простояв больше суток в Макасаре, «де-Клерк» снялся с якоря и пошел, огибая южные оконечности полуострова, к востоку, мимо острова Салейера, и направился в узкий пролив, отделяющий остров Бутон от лежащего против него острова Мунаи.

Теперь можно было разглядеть берега Целебеса. Низкие у моря, покрытые кокосовыми пальмами, они постепенно повышались к северу, а на далеком горизонте возвышались горы, покрытые темным одеянием лесов, с вершиной, закрытой облаками. Внутренняя часть Целебеса еще мало исследована и представляет широкое поле для изучения натуралисту и этнографу.

Рано утром пароход бросил якорь в бухте острова Бутона — удивительно красивом месте. В ней разбросаны всюду лесистые островки и острова, скалистые берега которых круто обрываются к самому морю. Между этими островками остаются узкие

проливы, и по ним, как по реке, идет пароход, направляясь к Минахасе, северо-восточному полуострову Целебеса. Бутон — довольно большой лесистый и горный остров. На нем водится большое количество диких кабанов и оленей, на которых охотятся бутонцы. Еще недавно, до 1907 года, этот остров только номинально причислялся к владениям голландцев, оставаясь независимым султанством. Но в 1907 году голландцы придрались к какому-то случаю, отправили туда экспедицию, которая окончилась низложением султана и введением на острове временного военного положения. С главнокомандующим голландско-малайскими войсками — унтер-офицером в большой бурской шляпе — я познакомился, когда сошел на берег. К пароходу пристала целая флотилия лодок, на которых бутонцы привезли предметы своей торговли — плоды, овощи, прекрасные тюфяки и зеленых и белых попугаев. Умные птицы, должно быть, привыкли к морским путешествиям, потому что сидели чинно на дне лодок, не делая попыток к бегству. Зеленые попугаи — местные обитатели Бутона, белые какаду привозятся с острова Серама, Ару и Молуккских островов. Они стоили недорого, всего по 50 центов за штуку, и я очень жалел, что не догадался купить пару этих умных пернатых. Я нанял крошечную душегубку, на дне которой сидел смысленный мальчуган, и, вооружившись планктонной сеткой для ловли микроскопических водорослей, банками и веслом, пустился к берегу для сбора материала. Опять, как и при посещении острова Бали, было время прилива, поэтому трудно было собирать водоросли, растущие на дне среди коралловых камней; зато планктонная сетка собрала обильный материал, оказавшийся очень интересным и составленным из мельчайших водорослей, которые ботаники называют кремневыми или диатомовыми. В море плавали медузы и прозрачные сифонофоры вроде венерина пояса, но окрашенные в зеленоватый цвет. Мы скоро приплыли к берегу и попали в целую кашу разных растений, которые течения прибивают к берегам земли, распространяя их, таким образом, по разным местам. Тут были и проростки мангровых, и плоды пальм и других растений, которые я после собирал в большом количестве на берегах Ару. По каменистым стенам берега встречались какие-то ярко-зеленые крабы, торопливо убегавшие смешной походкой боком от преследования. Собрав что можно в море, я высадился на пристани «Paketvaart» на берег и поднялся на небольшую горку, на которой было разбросано несколько хижин, обнесенных изгородью из колючей проволоки. Встретившийся мне человек в бурской шляпе, оказавшийся унтер-офицером голландской армии, вежливо поклонился, и мы вступили в оживленный

разговор, к сожалению, не всегда понятный для нас обоих. Я не говорю по-голландски, мой собеседник не знал других европейских языков, и мы вели беседу по-малайски, дополняя скудный запас слов жестами, и не без результата — я узнал, что домики за изгородью — это казармы малайских солдат, подчиненных ему, европейскому унтер-офицеру. В настоящее время на острове все спокойно, и скоро будет введено гражданское управление.

Осмотревши казармы, мы пошли в селение, где среди пальм были разбросаны хижины туземцев, между которыми выделяется своим чистым видом и изящной архитектурой дом муллы-гаджи*, бывшего в Мекке, а недалеко и мечеть, довольно жалкое здание. Около мечети могила какого-то европейца, но почему он похоронен тут, этого я не мог узнать у своего чичероне. Недалеко от мечети базарная площадь и устье реки, заставленное лодками, которых тут большое количество, так как бутонцы — рыболовы и ловцы жемчуга, водящегося в окрестных водах. Кроме местного населения, на Бутоне живут и оранг-орангчина — китайцы и даже два европейских оранга**, датчанин и англичанин. Эти господа имеют хорошую лодку и занимаются хищническим ловом жемчуга, не платя за право ловли ни голландцам, ни местной общине. Пароход начал давать сигнальные свистки, и я, попрощавшись со своим спутником, покинул красивый Бутон.

На «де-Клерке» было большое оживление. Шел торг матрацами и попугаями, и только энергичные усилия команд заставили покинуть пароход приехавшую публику, в разнообразную жизнь которой приход парохода вносит больше развлечения.

Мы обогнули Бутон с юга и направились прямо на восток по Бандийскому морю к острову Буру, на который, однако, не заходили, а непосредственно продолжали путь до Амбона, или Амбоины — одного из главных пунктов Молуккских островов. В этот переход была небольшая качка, но настолько слабая, что только дамы не могли обедать за общим столом и лежали на палубе.

На следующий день с раннего утра показались далекие неясные очертания Буру, большого острова, соседнего с Серамом, одного из самых крупных среди Молуккских островов. Высокий, гористый, покрытый густыми лесами Серам еще остается на большей своей части малокультурным, и его население, альфуры папуасской расы, до недавнего времени требовало от моло-

* Хаджи — титул мусульманина, совершившего паломничество (хадж) в Мекку.

** Человека (*мал.*).

дого человека, как знак его зрелости, чьей-либо отрезанной головы.

На Кавказе у осетин и ингушей до сих пор не вывелся обычай кражи лошадей, как знака совершеннолетия и свидетельства мужества и предприимчивости. У туземцев Серама, очевидно, нервы еще крепче, чем у жителей Кавказа, и они требуют от своей молодежи еще более яркого доказательства храбрости. Голландцы борются всеми силами против этого ужасного обычая, но, несмотря на постепенное распространение культуры и ту строгость, с какой голландские администраторы карают приверженцев этого старого обычая, отрезывание голов еще практикуется в дебрях Серама, хотя, конечно, с каждым годом этот рыцарский обычай мало-помалу исчезает. К сожалению, нам не пришлось остановиться ни около Буру, ни около Серама, и пароход направил свой курс прямо к Амбоине, или, как его называют все туземцы, к Амбону, лежащему к югу от Серама.

Маленький Амбон — одна из старейших европейских колоний на всем архипелаге. Еще в 1515 году первые из европейцев — португальцы — основали здесь свое поселение и владели островом до 1564 года, когда власть над ним перешла в руки голландцев, окончательно утвердившихся тут с начала XVII века. С тех пор Амбон стал центральным местом голландской администрации, и живущему там резиденту подчинены все острова, лежащие к югу и востоку от Амбона, включая и голландскую Новую Гвинею.

Амбон — небольшой остров, или, лучше сказать, два острова, так как он состоит из двух полуостровов, разделенных глубокими бухтами и соединенных узеньким перешейком, едва имеющим ширину в английскую милю. Северо-западный большой полуостров носит имя Хиту, юго-восточный, меньший, — Лейтимиора. Оба полуострова гористы, покрыты лесами и представляют собой культурную страну. На берегу большой южной бухты расположен город Амбон. Вход в бухту необычайно красив; прозрачные синие волны бухты, зеленые стены лесистых гор, мягкие очертания берегов и белый городок, раскинувшийся среди пальмовых рощ и куп других деревьев, в высшей степени живописны. «Де-Клерк» тихо подходил к небольшой деревянной пристани, заставленной всякими грузами, с узкими рельсовыми путями; на рейде Амбона стояли изящная яхта резидента Amboina, пароход того же общества Paketvaart «Rimsdyk» и несколько туземных прау с высокими мачтами. В Амбоне мы теряли большинство пассажиров, да и сами должны были высадиться на берег и перебраться на другой пароход, тот «Rimsdyk», который недавно пришел с Явы и ожидал «де-Клерка», чтобы плыть к далеким берегам Новой Гвинеи, к Мерауке, голландско-

му поселению на юго-восточной Гвинее, Простившись с любезным капитаном «де-Клерка» и большинством пассажиров, мы перенесли наш багаж на стоящий рядом «Rimsdyk», где получили лучшие места, так как оказались единственными пассажирами 1-го класса на этом пароходе. После уже туда подсел контролер из Туала, на островах Кай, с которым мы доехали до его резиденции. Устроившись на пароходе, мы направились в город, чтобы ознакомиться с ним и сделать визит резиденту, к которому у нас были рекомендательные письма от профессора Трейба.

Амбон, как город, похож на другие города Явы, но его население и его окрестности носят совершенно иной, вполне своеобразный характер. Вдоль берега расположен торговый квартал — крытый рынок, магазины китайцев и арабов, за ними идет большая площадь, которая замыкается крепостью, воздвигнутой еще в XVIII веке. Дальше от моря европейский квартал с прекрасными и уютными домами европейцев и богатых китайцев, парк, среди которого помещается большой и изящный дом резидента, и все это тонет в великолепной растительности, возвышающейся высоко над домами жителей Амбона. Раскидистые саговые пальмы со своими огромными листьями резко характеризуют амбонский пейзаж. Около них небольшие изящные деревца маниота, а по другую сторону улицы возвышается дурьян, огромные шиповатые плоды которого висят на ветвях дерева; подле — кудрявый *Gnetum*, доставляющий одну из любимых приправ к рису, и широколиственный мангустан, прекрасное тенистое дерево, защищающее путника от лучей солнца и утоляющее его жажду своими сочными плодами.

Окрестности Амбона отличаются от яванских пейзажей. Рисовых полей нет на Амбоне, а главную пищу для жителей доставляет не рис, а саговые пальмы — *Metroxylon Rumphii* и *Metroxylon laeve*, как их называют ботаники. Пусть читатель не смешивает их с теми, так наз. «саговыми пальмами», из листьев которых делают венки. Это — совершенно различные растения. Саговые пальмы содержат в своих стволах массу крахмалистой муки, которую вымывают оттуда, расколов ствол, очищают от волокон и делают из приготовленной муки особые лепешки, которые пекутся в низких глиняных печах, похожих на ящички с перегородками. В свежем виде такие лепешки довольно вкусны, но сухие теряют всякий вкус и похожи на щепку. Страна саговых пальм есть вместе с тем страна более низкой культуры, чем та местность, где возделывается рис. Рисовая культура приучает жителей к упорному труду, вырабатывая в них силу воли, большую настойчивость и убеждение в необходимости труда. Область же распространения саговой пальмы

дает для жителей очень легкий и доступный источник питания, который обеспечивает их, почти не требуя труда. Саговый ствол доставляет от 300–500 килограммов саго, т. е. от 750 до 1250 фунтов, или от 20–30 пудов питательного продукта. Но не одну только пищу доставляет саговая пальма жителям островов Малайского архипелага. Она заменяет собой и рис, и бамбук, а из твердых и длинных черешков ее листьев строятся стены и полы хижин, крыши же покрываются листовыми пластинками.

Основанный более трех с половиной столетий назад португальцами, Амбон до сих пор сохранил на себе влияние своих основателей. Тип жителей Амбона сильно отличается от типа других малайцев, хотя необходимо прибавить, что не одна португальская кровь подмешана к малайской крови амбонезцев. Они вообще являются смешанной расой из альфуров с Серама, малайцев, португальцев, голландцев, пожалуй, еще арабов и китайцев. Тип амбонезцев не отличается красотой. Их кожа черна, лица худые, женщины очень старообразны; их странная привычка одеваться в черное платье — род современного капота — еще более усиливает впечатление непривлекательности этих удивительных темнокожих людей. Большинство амбонезцев — христиане-протестанты, хотя в их обрядах еще сохранилось много обычаев католической церкви, унаследованных ими от португальцев. Их язык — смесь разнообразных языков, и целый арсенал португальских слов приобрел там право гражданства, причем говорящие эти слова не подозревают их иноземного происхождения, считая их за слова собственного языка. Амбонезцы не пользуются хорошей репутацией среди соседей; особенно же они вызывают нарекания за свою безграничную лень и за склонность к воровству. На том же острове существуют и мусульманские поселения, которые выгодно отличаются нравственными качествами от своих христианских собратий.

Погоуляв по Амбону, мы сделали визит резиденту, принявшему нас крайне любезно. Он обещал всякое содействие нам и дал рекомендательные письма к контролеру в Добо на Аруанском архипелаге, который находится в ведении резидента Амбона, как вообще вся восточная половина Малайского архипелага.

В Амбоне мы нашли и местного «натуралиста» г. Рея, живущего здесь уже много лет. Его специальность — торговля бабочками и другими насекомыми, раковинами, кораллами, всякими морскими животными, которых ему доставляют амбонские рыбаки. Многие европейские музеи состоят его покупателями, и я приобрел для нашего харьковского зоологического музея несколько жуков и бабочек из его собрания. Мир насекомых под тропиками достигает необыкновенного развития,

показывая чудеса приспособляемости, разнообразия и красоты. Мы любовались на огромных жуков, принадлежащих к виду *Euchirus longimanus*, длиннорукому эухирусу, длина передних ног которого достигает огромной величины в 8 дюймов. Другой жук, также приобретенный мною, похож на нашего жука-оленья, но имеет огромное тело и длинные вытянутые челюсти, расположенные одна под другой. Чудные бабочки из рода *Ornithoptera* — бабочки-птички, которые встречаются по восточным островам по Амбоне — были приобретены нами для зоологического музея. Вместе с причудливыми яванскими живыми листьями и привидениями они принадлежат к наиболее выдающимся из тропических насекомых. У Рея лет шесть — семь тому назад жил наш русский натуралист Давыдов, составивший интересное описание Амбона. В Амбоне нужно было запастись последними необходимыми припасами для поездки на о-ва Ару, и мы смогли найти в большом китайском магазине все необходимое за самую недорогую плату. Принято называть китайцев эксплуататорами и торгашами, но наше знакомство с ними оставило самое приятное впечатление об их честности, исполнительности и полной добросовестности в своих делах. К европейцам же на архипелаге китайцы относятся с каким-то мало объяснимым радушием. В Амбоне мне нужно было проявить свои пластинки, купленные в лучших европейских магазинах в Батавии и Сурабае. Китаец-фотограф, который в то же время был и капитаном китайцев, т. е. их выборным старшиной, любезно предоставил мне свое ателье; я делал ряд снимков, проявлял их один и вместе с ним до тех пор, пока мы не убедились, что пластинки, проданные в Батавии и Сурабае, совершенно негодны к употреблению. За весь истребленный мною материал я заплатил всего лишь один гульден, причем угощение содовой водой в расчет не принималось. И все это сделал совершенно незнакомый китаец для приезжего иностранца, которого он видит в первый и последний раз в жизни.

Ночь мы провели на борте «*Van Rimsdyk'a*», а на следующее утро любезный капитан парохода велел спустить для нас паровой катер, и мы поехали по Амбонскому заливу за водорослями — целью нашего путешествия. Однако те восторженные описания, которые приходилось читать у зоологов по поводу богатства Амбонской бухты животными, не соответствовали результатам ботанических сборов. Одна часть бухты, по направлению к перешейку, имела песчаное дно, вся поросла различными морскими травами, среди которых были лишь немногочисленные мало интересные водоросли; другая часть, по направлению к открытому морю, имела или крайне твердое

Растительность на Молукках (Амбоина)

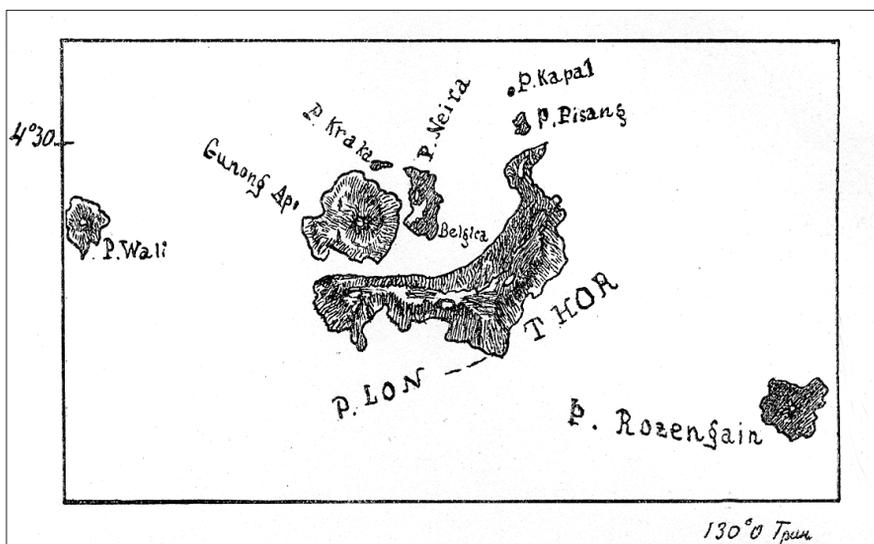
сплошное каменистое дно, или же дно круто обрывалось у берега и сразу показывались такие глубины, которые были для нас мало доступны. За нашим катером следовала оригинальная лодка, узкая до того, что в ней едва мог поместиться один человек, и чрезвычайно валкая; она имела длинные противовесы с обеих сторон, устроенные из черешков саговой пальмы. Эти противовесы придавали ей много устойчивости и позволяли с успехом бороться против довольно сильных морских волн. Но если мы собрали мало водорослей, то были вознаграждены тем чудным и непередаваемым словами зрелищем, которое представили нам коралловые рифы, или коралловые сады, как их здесь называют. Недалеко от города находится казенная пристань; море около нее достаточно глубоко, чтобы могли приставать небольшие пароходы, но глубина не настолько велика, чтобы скрывать морское дно. Подъехав к этой пристани, в тихой, спокойной воде мы увидели коралловые рифы во всей их красоте. Еще раньше пришлось нам около Явы, на архипелаге «Тысяча островов», любоваться и подробно ознакомиться с коралловыми рифами. Мы изучали их и в окрестностях Аруанских островов, но здесь, в Амбоне, мы только восхищались необычайными формами деревьев, кустов, простиравших свои белые или сероватые ветви во все стороны; между ними

росли причудливые грибы, были расставлены столы, лежали какие-то огромные тазы — и все это принадлежало к кораллам, составляло часть тех огромных рифов, которые опоясывают острова тропического моря. Стаи рыбок проходили по этим подводным лесам; одни из них ярко-синего цвета, как какие-нибудь колибри, блистая яхонтами своих чешуй, проплывали между ветвями кораллов; другие, полосатые, красные с серым, сами походили на ветви коралла. Одни из рыб были совершенно плоские с большими плавниками в виде флага, другие, наоборот им, — раздуты, как пузыри или бочки; целые стайки длинных, тонких, совершенно перламутровых рыбок проходили по поверхности воды, а в глубине на песке, у подножия коралловых деревьев копошились какие-то крупные полосатые рыбы, похожие на наших судаков. Долго любовались мы этим редким для нас зрелищем и затем отправились к пароходу, который готовился к отплытию. В 4 часа дня «Rimsdyk» загудел, и мы пошли на юго-восток, держа курс к уединенной в море группе островов Банда, чрезвычайно характерно выдающихся среди глади открытого моря.

Ранним утром пароход подходил к Банде. Чудная картина открылась перед нами, когда, разбуженные громким гудком парохода, мы вышли на палубу. Банда — это остатки жерла огромного вулкана, который когда-то выдвинулся из морской пучины; от него до сих пор остался центральный остров Бандийского архипелага — Gunong Api*, т. е. вулкан, который правильным конусом поднимается из моря; его вершина лишена растительности, на его боках существуют многочисленные сольфатары, которые выделяют пары, ясно видимые с парохода. Другие острова составляют часть старого кратера; полукольцом лежит большой, покрытый лесом остров — Banda Lonthor, а между ним и Gunung Api расположен третий из крупных островов — Banda Neira**, где лежит город того же имени. Два маленьких островка — Pulu Pisang, банановый остров, и Pulu Karal — корабельный — составляют как бы продолжение Banda Lonthor, а между Banda Neira и Gunung Api вдвинулся также крошечный Pulu Kraka. Пароход медленно проходит между Gunung Api и Pulu Kraka и, миновав их, дойдя до города, попадает в замкнутый бассейн — озеро, ограниченное вышеназванными островами. Эта бухта прелестна. Гладкая поверхность воды, защищенная от волнений и ветров гористыми островами, отражает мощный конус вулкана и мягкие очертания Banda Neira; пролив между островами позволяет смотреть, как

* Банда Апи.

** Банданайра.

Карта островов Банда

на задний план декорации, на леса Banda Lonthor. Но эта прелестная мирная картина нередко нарушается. Gunung Api — беспокорный сосед. Если и не было давно извержений его, то землетрясение — очень обычное явление на Банде, настолько обычное, что повторяются по несколько раз в год, к счастью, в сравнительно слабой степени.

Банда — засыпающий, умирающий город. Когда-то здесь исключительно сосредоточивалась культура мускатного ореха. Цены на него были крайне высоки, и счастливые бандийцы получали огромные доходы со своих плантаций, которые не требовали ни особых капиталов, ни особого знания. Однако англичане устроили плантации мускатного ореха возле Пенанга и, распространив их оттуда, понизили настолько цену на орехи, что прежние барыши остались лишь как приятное воспоминание, и в настоящее время мускатный орех приносит очень скромные доходы. Ленивые, непредприимчивые жители Банды стали беднеть, не заботясь иным каким-либо способом поднять свое благосостояние. Невысокие горы Банды Нейра и Банды Лонтор кажутся покрытыми густыми лесами, но на самом деле это — плантации мускатника — *Myristica fragrans*, где высокие с раскидистой кроной стволы его растут в тени канариевых деревьев, доставляющих также любимый малайским населением плод. Мускатник начинает плодоносить на восьмом году, но наибольший урожай дают деревья между 14 и 30 годами, хотя они могут жить и до 80 лет. Одни из деревьев приносят только

цветы с тычинками, другие же только с пестиками, поэтому на 20 женских деревьев сажают обыкновенно одно мужское. Небольшие цветки мускатника расположены поодиночке или небольшими пучками, и из женского цветка развивается после опыления плод, называемый мускатным орехом. Он похож на небольшое яблоко нежного желтоватого цвета. Когда плод созревает, его мясистая оболочка растрескивается, и из нее выглядывает ярко-красная мякоть, располагающаяся толстой сеткой вокруг темной косточки. Из оболочки готовят ароматное желе или варенье; красная мякоть под названием «мацис» идет в пищу в свежем виде или сушится и употребляется в качестве пряности; самое ядро — мускатный орех — осторожно очищают, заливают известкой и отправляют в Европу. Не только люди, но целый ряд птиц — охотники лакомятся мускатным орехом, и в мускатных рощах даже живут особые крупные голуби, поедающие мякоть мускатного ореха и распространяющие его семена.

Небольшая пристань Банды находится около самого города, и от нее идут узкие улицы в гору по кварталу, занятому, главным образом, постройками и складами богатого арабского дома братьев Баадилла. Миновав этот деловой квартал, мы вышли на площадь, где по великолепной тамариндовой аллее перешли на другую сторону мыса, на котором расположилась Банда. Вид Банды печальный: дома носят характер какого-то опустошения, парки запущены, боковые улицы покрыты зеленым ковром мхов, дома лишены того веселого, сверкающего вида, как в Амбоне или на Яве. Над городом возвышаются два форта — один старей, еще португальский, теперь называемый форт Нассау, другой, построенный уже голландцами, расположенный выше него, форт Бельгика. В Банде живут ассистент-резидент, контролер и отряд войска. Туземного населения на Банде нет. Еще в XVI и XVII веках храбрые туземцы Банды, альфуры по племени, мужественно и успешно боролись с завоевателями-европейцами, пока не были покорены окончательно, частью истреблены, частью сосланы на Яву или обращены в рабов. Жителями Банды в настоящее время являются европейцы, занимающие административные должности, или же представители торговых фирм, арабы, главным образом, служащие у братьев Баадилла, и, наконец, разнообразный рабочий элемент, обрабатывающий плантации мускатного ореха. Эти люди собраны со всех концов архипелага и представляют собой чрезвычайно разнородную смесь племен малайского и папуасского происхождения. Одно из наиболее интересных лиц, живущих на Банде, — это главный представитель фирмы братьев Баадилла — Сех Саид Бин Абдулла Баадилла, лейтенант арабов — таков

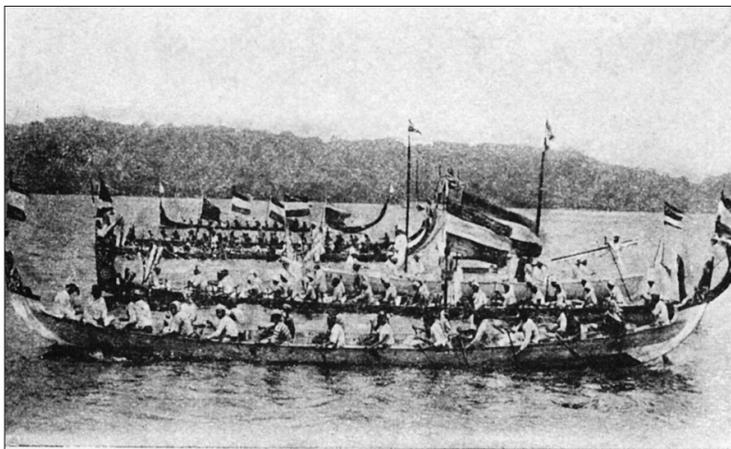
полный титул этого интересного человека. Мы имели к нему рекомендательное письмо от профессора Трейба и потому решили нанести ему визит. Но пришлось долго ждать на веранде его прекрасного, по-европейски устроенного дома, как явился сам хозяин, уже почтенных лет человек с очень интеллигентной внешностью, одетый в обычный европейский костюм, с небольшой темной феской на голове. Баадилла свободно говорит по-голландски, по-английски, немного по-немецки и по-французски. Недавно он совершил большое путешествие через Сибирь и Россию в Западную Европу и вернулся через Америку домой. Не знаю, желал ли он сказать нам приятное, или действительно его восточная душа была более отзывчива на однородные впечатления, но Баадилла сказал нам, что из всех городов, которые он видел, наибольшее впечатление на него произвела Москва и понравилась ему больше других. Чрезвычайно интересна судьба этого человека. В настоящее время он вместе с двумя братьями и сыновьями владеет флотилией в 100 с чем-то кораблей, производящих ловлю жемчужниц у берегов Ару и Новой Гвинеи, и самый крупный скупщик райских птиц и черепах во всей Нидерландской Индии. Его состояние очень значительно; но было время, когда он на небольших лодках разъезжал по глухим островам востока архипелага, посещал малоизвестные бухты и местечки на Новой Гвинее и выменивал у дикарей жемчужницы и райских птиц.

Баадилла пригласил нас в свою контору, где мы могли видеть прекрасную коллекцию раковин огромной величины с жемчугом, еще не освобожденным со створок; мы видели великолепные собрания черепаховых щитков, а из дальней комнаты дома хозяин вынес небольшую коробочку, где лежало несколько жемчужин величиной с крупную горошину или даже орех каждая. Одни были совершенно правильной шарообразной формы, другие — грушевидной или не вполне шаровидной. Каждая из них оценивалась не менее чем в 10–12 тысяч флоринов, и в этой коробке лежало состояние в 100 с лишком тысяч флоринов. Несмотря, однако, на такую высокую стоимость их, Баадилла сказал, что он бы совершенно разорился, если бы собирал один только жемчуг — так редки эти жемчужины; доход ему дают только раковины из-за их перламутра. Жемчужины являются приятным дополнением. Рядом с конторой у Баадиллы небольшой музей, где собраны разнообразнейшие раковины, кораллы, горгонии и другие предметы — дары моря, в общем, оригинальная и интереснейшая коллекция. Как любитель, Баадилла содержит около дома небольшой птичник, где живут райские птицы с островов Ару и Новой Гвинеи. Мы любовались на чудный экземпляр живой *Paradisea apoda*, большой райской

птицы, нежные желтые перья которой каскадами падают с ее спинки и хвоста. Однако голос ее не соответствовал оперению и отличался резкими, пронзительными тонами. Баадилла дал нам несколько жемчужниц из своей коллекции и велел спустить для нас моторную лодку, на которой мы могли сделать хорошую поездку по внутреннему бассейну — между Банда Нейра, Банда Лонтор и Гунунг Апи. Эта часть моря очень мелка; почти всюду можно ходить по дну, или, вернее, по кораллам, так как все дно есть не что иное, как один великолепный коралловый сад. Каких только форм кораллов мы там не видали: кусты, деревья, столы, грибы, чаши, блюдца, органы — все это перемешивалось в одну общую массу коралловых зарослей, среди которых мы удачно собирали великолепные и интереснейшие водоросли. Над нами было синее небо, под нами прозрачная вода, позволявшая разглядеть коралловые заросли; зеленые мускатные рощи Банды Лонтор замыкали картину с одной стороны, с другой — мрачный величественный Гунунг Апи закрывал всю северо-западную сторону, а белые домики Банды Нейра и гора Аппенберг возвышались на северо-востоке. Вернувшись с этой чудной поездки, мы осмотрели праздничную пирогу Баадиллы — длиннейшую лодку, необычайно узкую для своей длины, куда садятся до 60 и больше гребцов и под звуки гонга гребут маленькими веслами. Гонки на этих оригинальных пестро раскрашенных с высочайшими носами и кормой пирогах составляют любимое занятие бандийцев, как один из последних остатков прежней культуры, не знавшей ни паровых, ни моторных лодок.

Получив от Баадиллы письмо к его брату в Добо на Аруанских островах, мы простились с гостеприимным хозяином, оказавшим немалые услуги нам и нашему соотечественнику Давыдову за несколько лет перед нами. С сожалением покинули мы прелестную Банду, унося о ней самые светлые воспоминания. Наш путь лежал от Банды на остров Кай, мимо маленьких островков Чур и Кур, в юго-восточном направлении. Море между Бандой и Кай особенно глубоко, и экспедиция «Сибога» могла отметить в этих местах наибольшую глубину в 5864 метра — самое глубокое место во всех морях, омывающих острова Малайского архипелага. Остров Кай уже целиком относится к папуасской группе, его население и животный мир очень сходны с таковыми же Новой Гвинеи, хотя Кай можно было бы назвать преддверием папуасского мира, так как на нем не водятся наиболее характерных для папуасской области представителей животных.

Архипелаг Кай состоит из двух групп островов — Большого, или высокого, Кай, где имеется поселение Бандан Эллат, с при-

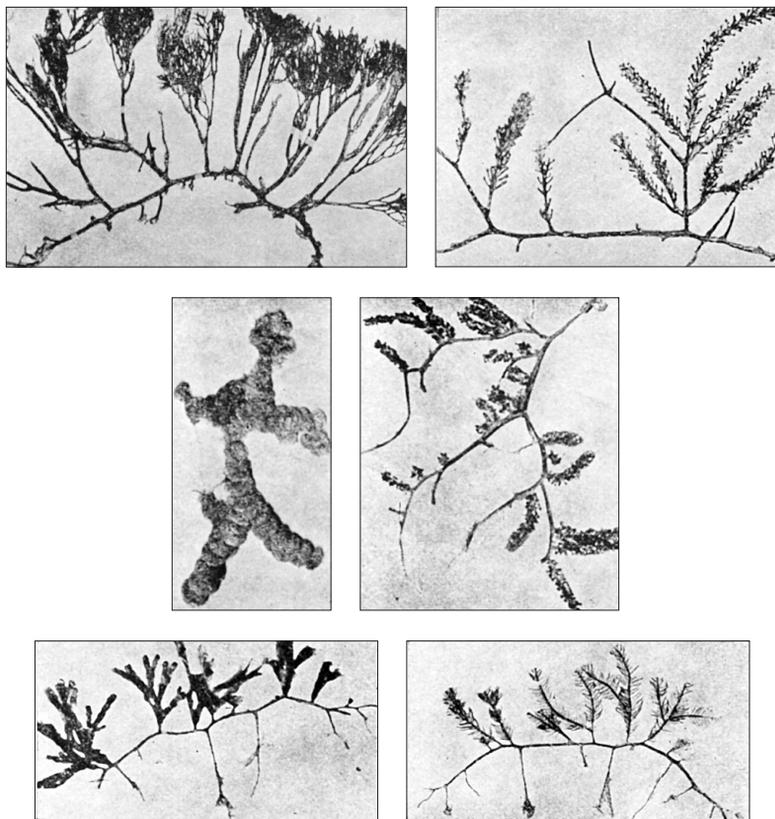

Гонка лодок на островах Банда

лежащими мелкими островками, и Малого, или Нижнего, Кай, называемого также Кай-Дула, около которого разбросано также довольно много островов. Наш пароход медленно шел к административному центру и главному поселению островов Кай — Туалу, осторожно проходя мимо острова Ду-роа, одного из наиболее крупных после самого Кай. Залив постепенно суживается, и фарватер становится опаснее. Очень осторожно подвигается пароход мимо Убура, покрытого мангровыми зарослями, и кидает якорь на рейде против Туала и низкого островка Файр. Не без волнения глядел я на открывшееся передо мной поселение. Мне вспомнилось описание Уоллеса, рассказ Давыдова об островах Кай, еще почти совершенно не тронутых европейской культурой, жители которых, однако, еще в давние времена создали себе славу лучших мореходов и кораблестроителей на всем Малайском востоке.

Туал лежит на низкой косе у самого берега моря. Это группа домиков, то одноэтажных, то двухэтажных с обычными китайскими и арабскими лавками. В поселении есть мечеть, и большинство жителей Туала — магометане, хотя среди туземцев есть христиане и еще много язычников. Недалеко от пристани на высоком берегу разбит прекрасный парк, в тени которого построен дом контролера. Контролер Туала ехал вместе с нами от Амбона и в Туале оставил наш пароход. Имея в распоряжении короткое время, мы решили отдать его на ознакомление с водорослями, тем более, что мелкая бухта Туала обещала в этом отношении успех. Взяв лодку с несколькими мальчуганами, мы направились к берегам Файра, чтобы там произвести наши сборы. Уже не первый раз приходилось брать

нам лодку с туземными гребцами, но какая разница была между прежним экипажем — малайцами — и этими папуасцами! Еще Уоллес со свойственной ему проницательностью указал на основные черты различия между этими двумя расами. Наши мальчики не оставались ни одной минуты спокойными: они пели, кричали, боролись, кидались из лодки в море, снова впрыгивали в лодку, смеялись и вели себя как одержимые какой-нибудь нервной болезнью. Наоборот, когда мне приходилось плавать между «Тысячью островов», в бухте Бали, под Макасаром, около Бутона, или собирать водоросли в Амбоне и на Банде, всюду приходилось видеть сосредоточенное, серьезное внимание, нередко улыбка освещала малайские физиономии гребцов и ныряльщиков, но такое неудержимое веселье, живость характера совершенно чужды малайской расе. Да и вид их, черты лица носили на себе явный отпечаток иной крови, хотя лишь на Аруанском архипелаге, именно на его восточной части, я видел типичных представителей чистой папуасской расы. Морское дно около Файра очень мелко и песчано. На огромном пространстве на песке росли бурые водоросли, так называемые саргассы, образующие большие заросли в тропических морях. Но главное наше внимание привлекли к себе удивительные водоросли — каулерпы, одни из самых загадочных организмов, которые только существуют на земном шаре. Все дно было покрыто ими, и в короткое время наша лодка была завалена целыми грудями каулерп, из которых мы выбирали наилучшие экземпляры. Около 8–9 разных видов удалось собрать под Туалем, разнообразная форма которых с трудом поддается описанию. Уже давно биологи выяснили, что всякий организм состоит из мельчайших, видимых только под микроскопом кирпичиков, так называемых клеточек, число которых, составляющее сколько-нибудь большой организм, крайне велико. Но каулерпы и некоторые другие водоросли, представлявшие предмет наших усиленных поисков, совершенно нарушают это общее правило строения организмов, осуществляющееся на бесконечном числе примеров. Каулерпа, достигающая длины чуть ли не аршина или более, представляющая собою, как это видно из прилагаемых рисунков, целое растение со стеблем, стелющимся по песку морского дна, с корнями, уходящими в песок, ветвями и листьями, — такая каулерпа все же остается одной клеткой. Она представляет собою одну общую полость, одетую одной общей оболочкой. Внутри такой клетки проходит целая система балок, которые поддерживают и укрепляют стенки этой клетки, но нигде нет сплошной перегородки. Каулерпы представляют величайший интерес для биолога, как попытка со стороны рас-

Каулерпы — морские одноклеточные водоросли

тительного организма выработать сложную расчлененную форму, оставаясь одной клеткой. Только исключительно благоприятные условия тропического моря с его равномерной высокой температурой позволили этим водорослям блестящим образом разрешить такую задачу.

Формы каулерп крайне разнообразны. Одни из них представляют ствол, дающий массу веточек, вильчато ветвящихся и в свою очередь образующих густые мутовки ветвей. Другие обнаруживают стебель с корнями и широкие пластинчатые листья; эти листья бывают сильно рассеченными, перистыми или похожими на гроздья винограда, или же все растение очень сильно ветвится, образуя лишь маленькие листочки, как у нашего вереска. Насколько сложно устройство этих водорослей, настолько просто их размножение: сколько известно до сих пор, каулерпы размножаются только небольшими побегами, отделяющимися от целого организма.

Наши ребяташки очень охотно ныряли за каулерпами, недоумевая, для чего «orang-orang blanda» — белые люди — собирают то, что так обычно для них. Некоторые виды каулерп считаются съедобными, и мальчики набивали ими свои рты; не думаю, однако, чтобы вкус этих водорослей чем-нибудь отличался от вкуса морской воды, которой пропитано их тело.

Нагруженные собранными водорослями, мы вернулись на борт парохода, где, благодаря необыкновенно любезному отношению к нам со стороны капитана и других офицеров корабля, мы могли превратить палубу в лабораторию. Всюду стояли ведра с морской водой, где плавали наши водоросли, на столе был уставлен микроскоп, а на диванах и на полу лежали сушилки и папки, куда мы складывали собранный материал.

Нам оставалось сделать еще один только, последний, переход, чтобы достигнуть цели путешествия — Аруанского архипелага и его главного города Добо.

Пароход отошел от Туала и, миновав вышеназванные острова, направился на восток, проходя мимо Большого Кай*, куда он должен был зайти на возвратном пути из Мерауке.

Большой Кай — гористый, покрытый густым лесом остров. Его берега круто обрываются к морю, обнаруживая ряд скалистых обнажений. Его внутренняя часть, по описанию Уоллеса, представляет собою крайне пересеченную местность с большим количеством ущелий. Мы не останавливались около острова, и я не могу сообщить о нем своих впечатлений. Скоро и Кай исчез из глаз, и мыплыли по открытому морю, которое достигает очень большой глубины между островами Кай и Ару. Большое количество дельфинов следовало за пароходом, то догоняя его, то отставая, кувыркаясь и показывая свою черную спину. Трудно сказать, почему, по словам капитана, эта местность изобилует дельфинами, которые почти всегда встречаются здесь в большом количестве. На следующее утро пароход должен был прийти в Добо, и мы занялись приготовлением к высадке, укладкой вещей и собранных нами материалов.

По мере того, как мы двигались с запада на восток, менялся характер местности, и животные встречались другие, но еще резче менялись людские типы.

Вежливые, ленивые и кроткие малайцы Явы, предприимчивые и отважные бугинезы и макассарцы Целебеса, смешанное население Амбона, альфуры Кая постепенно вводили нас в другую область — область Папуасии**, в страну райских птиц, как ее

* Кай-Бесар.

** Имеется в виду Новая Гвинея и прилегающие области с населением, по расовому типу приближающемуся к папуасам.

назвал Уоллес, и с волнением и нетерпением ждали мы, когда ступим ногой на землю и ближе ознакомимся с этой отдаленнейшей от нас и интереснейшей страной, которая так удобна для изучения на островах Ару, представляющих все черты строения папуасской области, но лишенных неизмеримых трудностей, представляющихся для путешественника на Новой Гвинее — центре папуасской области.

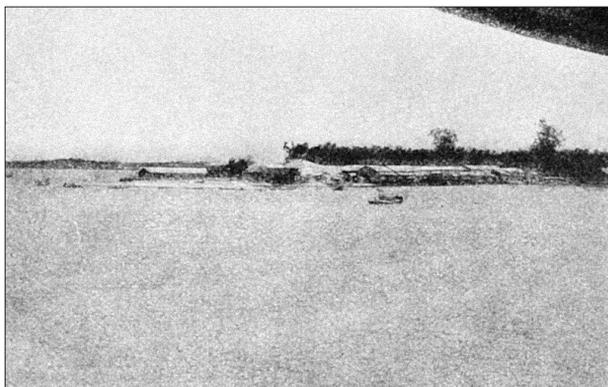
Глава IX

На Аруанском архипелаге

Еще было совершенно темно, когда «Римсдейк» бросил якорь в проливе, отделяющем маленький остров Вамар от большого Вокама, и остановился около главного административного центра Аруанского архипелага — Добо.

С большим волнением ожидал я увидеть это местечко, о котором составил свое превосходное описание Уоллес и которое, по свидетельству Давыдова, почти не изменило своей физиономии за пятьдесят лет — в промежуток времени между путешествиями английского и русского натуралистов. В моем воображении рисовалась картина полудикого местечка, где цивилизация не успела уничтожить первобытного отношения между различными племенами, поселившимися здесь издавна. По описанию Уоллеса, на песчаном берегу выстроены в линию хижинки из пальмовых листьев; там живут китайцы, бугисы и макассарцы; туда приезжают доверчивые аруанцы со своими товарами — шкурками райских птиц и жемчужными раковинами; по улицам важно расхаживает прирученный казуар, а на крылечках домов и жердочках сидят белые какаду и пестрые лори и оглашают воздух своими пронзительными криками.

Во время Уоллеса в Добо не было никакого правления, ни законов, ни установлений. Господствовало лишь обычное право, которое строго следило за тем, чтобы интересы отдельных лиц не нарушались. Этих нарушителей наказывали по приговору веча, составлявшегося из всех жителей-мужчин Добо. В случае нападения врага — пиратов, которыми в то время кишело все море, начиная от Сингапура и до Новой Гвинеи — все общество соединялось вместе и давало дружный отпор врагам. И Уоллес удивляется, как гладко и стройно проходила жизнь в этом совершенно анархическом государстве. Через пятьдесят лет — во время путешествия Давыдова — уже была

Общий вид Добо

сделана попытка насадить известную гражданственность, но попытка эта не могла назваться удачной. Голландский чиновник — Posthouder, род нашего станового — не мог принести никакой пользы делу умиротворения края, искоренения его дурных сторон и был плохим насадителем цивилизации. При нем низменные инстинкты жителей, не сдерживаемые более общей ответственностью, заговорили вполне громко, и, по словам Давыдова, Добо был сплошь населен отчаянными головорезами по натуре, пиратами по призванию и мошенниками по убеждению.

Я застал в Добо третий период его истории. В нем жил гуманный и просвещенный контролер, полезная деятельность которого скоро сказалась. Головорезы, пираты и мошенники превратились в порядочных людей, их отрицательные качества снова спрятались куда-то глубоко, сдерживаемые в настоящее время силой влияния разумно насаждаемой культуры.

Наступившее утро открыло, наконец, Добо, и первое впечатление было для меня и первым разочарованием. На песчаной отмели стояла контора «Paketvaart'a», а рядом с ней — здание таможни. Решетка отделяла поселение от пристани, а за решеткой возвышались двухэтажные дома, выстроенные из волнистого железа. На верандах сидели европейцы в качалках за кофе, в открытые окна была видна европейская обстановка дома.

И я спрашивал себя: «Неужели же это все, что осталось от прежнего Добо, этой аруанской столицы?».

Мы сошли с парохода и направились к дому контролера, чтобы передать ему рекомендательные письма и при его посредстве устроиться в Добо.

Первая линия домов выросла лишь недавно; она построена большой англо-голландской компанией «Celebes Trading

Companу»*, содержащей здесь свой флот для ловли жемчуга и жемчужниц. Рядом с этими домами приютилась и контора г. Шмидта, швейцарского коммерсанта, имеющего главное местопребывание в Макасаре, а остальные постройки принадлежат арабам братьям Баадилла, флот которых работает в северо-восточном направлении от Ару и около Новой Гвинеи.

Пройдя эти постройки, мы вышли к двум-трем параллельным улицам, застроенным низкими китайскими домами и сплошь занятым китайскими лавками. Эти лавки имеют амбонский или отчасти макассарский тип и содержат все нужное как для обихода туземцев, так и европейцев, которых воля судьбы занесла на эти далекие острова. Улицы оканчиваются небольшой площадью, где длинный сарай изображает казармы, в которых живет несколько малайских солдат под командой голландского унтер-офицера, а подле него дом контролера, где находится и почтовая контора. Дом контролера — довольно недурное здание, вполне пригодное для жизни цивилизованного европейца; недалеко от дома — владения Баадилла, большие сравнительно дома, склады, мастерские, верфь и пристань, а на конце этой части города — чистое двухэтажное здание — «Rumah-Sakit», т. е. больница, которую ведет врач-японец и несколько сестер милосердия.

Если теперь это описание сопоставить с тем, что встретил Уоллес пятьдесят лет тому назад, и также с тем, что застал Давыдов всего за 7–8 лет до нашего приезда, то разница получится огромная. За этот короткий период Добо перестал быть поселением диких или полудиких людей и превратился в культурный центр. Но после некоторых поисков мне все же удалось найти то поселение, которое вполне совпадало с описанием Уоллеса.

За домом контролера и казармой по берегу моря тянулся бугисский квартал. Он состоял из нескольких параллельных улиц, из которых, ближайшая к морю, несомненно, самая древняя, сохраняла все черты уоллесовского Добо. Дома были малы и низки, они были построены из бамбука и пальмовых листьев; большая часть из них представляла собой лавки, где продавались разнообразные продукты, употребляемые, главным образом, простым туземным населением островов. Тут были лепешки из саго, рис, плоды и овощи, на жердочках висели неизменные попугаи — какаду и лори, а по улицам важно выступал молодой казуар еще желтого цвета, странная птица на больших толстых ногах. На самом берегу моря выстроены сараи, половина которых опирается на сваи, вбитые в дно, а между ними расположи-

* «Целебесская торговая компания».

лась целая флотилия лодок, от маленьких прибрежных лодок для одного-двух человек до больших шхун, пришедших издалека и стоявших на якорях на более глубоком месте или же вытасценных на берег для починки. Роща кокосовых пальм замыкала эту улицу, население которой состояло из малайцев-выходцев или приезжих с более западных частей архипелага — Целебеса, Бутона, Серама и других островов.

Параллельно этой улице тянулись еще две или три, где дома были лучше и больше, с просторными двориками, а посредине находилась мечеть и против нее дом капитана бугисов и другие владения, по-видимому, дома местной аристократии.

Осмотрев бегло Добо, мы сделали визит местному контролеру, господину дю-Клу, оказавшемуся очень любезным и симпатичным человеком. Извинившись перед нами, что он не может дать нам приюта у себя, как человек холостой и не ведущий своего хозяйства, г. дю-Клу направил нас к Баадилла, у которого, как он полагал, мы могли найти помещение. Действительно, представитель фирмы, младший брат бандийского Баадилла, и его племянник любезно предоставили в наше распоряжение большой сарай, где был склад ящиков с рисом и другими товарами.

Не прошло нескольких часов, как мы водворились в большой комнате, выходящей на одну из главных улиц. Наше новое жилище скоро приняло довольно комфортабельный вид. Около стены стояли наши кровати — складные ротанговые кресла, приобретенные еще в Сурабае при начале путешествия. Они были покрыты пологими — klambou, без которых пребывание на низких берегах острова около болот было бы опасно в смысле заражения лихорадкой. Посредине комнаты стоял стол, любезно доставленный Баадилла, а в углу на ящиках были устроены буфет и помещения для коллекций. Темный чулан с высоким полом хранил наши чемоданы и собрания, которые могли пострадать от сырости. Устроив такое комфортабельное жилище, мы начали вести открытый образ жизни, другими словами, наши окна и двери не затворялись совсем, но это обстоятельство не имело особого значения. С утра до вечера около нашего «отеля» толпились бугисы, китайцы и другие обитатели Добо, но все они были настолько благовоспитанны, что не переходили порога нашего помещения и держали себя чрезвычайно вежливо. Трудно было поверить, чтобы в восемь лет, прошедших между посещением Добо Давыдовым и нашим пребыванием, мошенники и пираты превратились в благовоспитанных людей. Вероятно, причина этого лежит в том чувстве ответственности, которое отличает эти полукультурные племена и которое удерживало их во времена полного отсутствия власти

на островах Ару. Словом сказать, мы не потерпели от них никакого ущерба, а за месячное пребывание в Добо у нас не исчезла никакая безделица.

Были и отрицательные стороны у нашего жилища. Днем нас атаковывали бесчисленные стада муравьев, которые сплошными колоннами направлялись в комнату, пробирались к съестным припасам и моментально проникали во все плохо закрытые банки. Стоило утром открыть банку с консервами и, не успев опорожнить ее, поставить на видное место на ящик, чтобы через несколько времени эта банка кишела муравьями. Они предельно кусали нас за босые ноги и вызывали против себя решительные меры борьбы. Самая действительная состояла в том, что мы поливали керосином земляной пол нашей комнаты около порога и под окнами, откуда появлялись неприятели. Пока керосин не выдыхался, мы были застрахованы от новых вторжений этих насекомых.

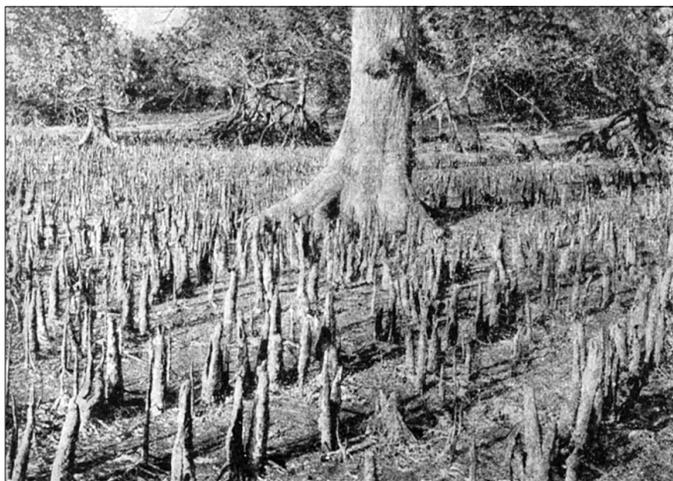
Другой враг был хуже, и против него у нас не было способов борьбы. Это была биллиардная, которая помещалась за стеной нашей комнаты. С наступлением сумерек и вплоть до 11 или 12 часов ночи там шла игра на биллиарде, смех, разговор, которые не давали нам покоя; жизнь же в Добо начиналась с первыми лучами восходящего солнца.

Нам предстояло прожить в Добо три дня; кроме того, после путешествия, о котором сейчас будет сказано, мы были невольными пленниками этого местечка еще восемь дней и хорошо познакомились как с ним, так и с островом Вамар, на котором и стоит Добо.

Что же, собственно, было причиной такого изменения Добо и такого подъема его культуры?

Уже издавна было известно, что на востоке Аруанского архипелага неглубокое море изобилует лучшими жемчужными банками, равных которым нет в целом свете. Долго это богатство моря эксплуатировалось кустарным способом. Местные обитатели, альфуры, ныряя, собирали жемчужницы; китайцы, бугисы, макассарцы и всякий другой сброд выменивали на безделушки и, главным образом, на арак и опиум у доверчивых аруанцев эти сокровища и направляли их в Макассар, на Целебес, главный складочный пункт для всех островов Малайского архипелага. Так продолжалось очень долго, с незапамятных времен, и Уоллес застал на Ару подобную еще первобытную жизнь.

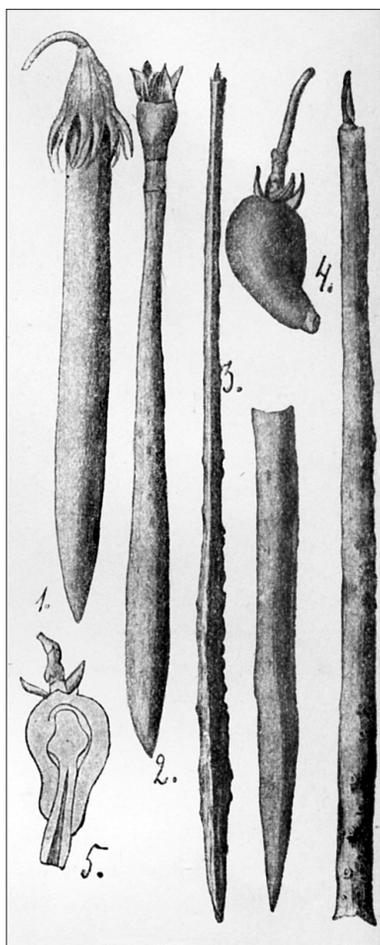
Несколько позже добыча жемчужниц стала производиться более широко, и братья Баадилла организовали уже правильную ловлю их, посылая туда с каждым годом все большее и большее количество своих кораблей. Успехи Баадилла побудили

Соннерация с дыхательными корнями; на заднем плане ризофоры

европейцев взять в свои руки этот промысел и поставить его на широких началах.

Вышеупомянутая «Celebes Trading Company» снарядила большую флотилию — 150 с чем-то кораблей, которые оборудованы согласно новейшим требованиям и имеют на борте каждый двух или более водолазов, спускающихся на большую глубину в водолазных костюмах. При этих водолазах состоят их помощники, затем на корабле находится команда из нескольких человек, несчитая различных управляющих, доставляющих провиант, служащих на верфях и т.п. Таким образом, одна эта компания ввела в Добо несколько сот дисциплинированных людей, к тому же и Баадилла расширил свое дело, выпуская в море более 80 судов, так же оборудованных, как суда Целебесской компании. И на них экипаж с водолазами также составил несколько сот душ. Естественно, что физиономия Добо изменилась: за этой массой народа пошли другие, торговые дела китайцев развернулись очень широко, а так как большинство водолазов набирается из японцев, то вслед за ними в Добо потянулась и целая рать японок, чтобы своим присутствием скрасить дни отдыха как своих соплеменников, так и людей другой расы. Не без удивления смотрел я под вечер на улицу, когда японки вышли из своих комнат и, одетые в национальные костюмы, украшали собою улицы еще недавно дикого Добо. К большому счастью, однако, для натуралиста и путешественника вся эта разодетая и нарумяненная толпа гейш не идет дальше улиц европейско-китайской части Добо: пробежав через эти интернациональные кварталы, натуралист, попав в бугисский квартал — Kampong-bougis, может

Зародыши ризофор и др. мангровых

забыть о тех отрицательных чертах цивилизации, которые являются всюду, где происходит скопление отдыхающего и зарабатывающего недурные деньги народа.

Во время нашего пребывания в Добо флот работал к северу и юго-востоку от островов Ару, и в Добо было сравнительно мало народа, особенно мало моряков. Только тогда, когда мы уже уезжали оттуда, подходили время от времени корабли, и говорили, что главная часть флота компании уже движется к Самангу, небольшому острову к северу от Вамара, чтобы там остаться на якоре в нерабочее время. Это время определяется господствующими ветрами. Большую половину года дует северо-западный муссон; он гонит волны на восток, обнажая восточ-

ные склоны Аруанских островов, и не препятствует кораблям ловить на востоке Аруанского архипелага. Другую половину года, начиная с мая месяца, дует юго-восточный муссон, поднимающая огромные волны, заливая ими острова и островки Аруанского архипелага и не допускающая ловли на восточном побережье Аруанских островов. Тогда ловят на западной стороне архипелага. Однако эта ловля далеко не так выгодна, так как на западе на небольшом расстоянии от островов уже начинаются настоящие океанские глубины — тысячи метров — и пояс ловли очень ограничен. Голландское правительство допускает ловлю жемчужных раковин в своих водах за пределами выше 7 морских футов глубины. Вся же полоса, начиная от берега и до 7 футов, находится в исключительном пользовании туземцев-аруанцев и не может быть эксплуатирована усовершенствованными способами улова.

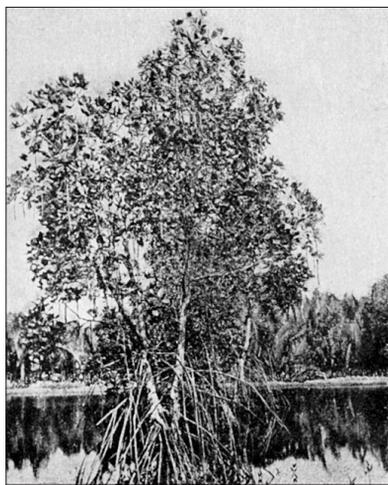
Контролер дю-Клу предложил нам отправиться вместе с ним на его яхте «Амбоина» к южным пределам Аруанского архипелага, острову Эну, около которого в то время ловил флот компании. На этом пути мы должны были сделать одну остановку, а затем могли проехать с контролером на один из больших островов, где у него было какое-то административное дело. В нашем распоряжении было два дня, на третий мы должны были уже оставить Добо.

Баадилла прислал нам слугу, который варил нам обед, состоявший из картофеля с консервированным датским или австралийским маслом, из консервированной чикагской солонины, калифорнийских компотов, семги из рек холодной Аляски, мяса из Австралии. Нас освещал американский керосин; только из одной России ничего не было, и всюду, в самых глухих местах земного шара, мы могли встретить жестянку Standard Oil Company, но ни разу не видели кавказского керосина.

Служитель Месак, родом с Амбона, заботился о нас, и мы не терпели ни в чем недостатка, получая даже по бутылке настоящего немецкого Аполлинариса в жаркий полдень. Эти два дня, а затем те восемь-девять дней, которые нам пришлось провести в Добо в ожидании обратного парохода, мы провели в ознакомлении с природой острова и в сборе разнообразного материала.

Природа Аруанского архипелага дала нам много новых впечатлений, и папуасский мир поразил нас пестротой и яркостью своих красок.

Добо лежит на узкой и низкой песчаной косе, против большого острова Вокама. Бугисский квартал Добо находится среди рощи кокосовых пальм, и непосредственно за ней идет низкий берег, сильно обнажающийся во время отлива, а на острове расположено большое болото, откуда вытекает река, впадающая

Ризофора — мангровое дерево

в море по другую сторону Добо. По берегам этой реки в болотах роскошно развита особая растительность, так называемые мангровые деревья, крайне характерные для низких берегов моря, вода которого опреснена впадающими ручьями или реками. В окрестностях Добо эти мангровые деревья развиты прекрасно, и натуралист встретит там чуть ли не всех представителей этой крайне своеобразной растительности. Далеко заходя в море, будучи залиты почти по самые листья во время прилива и открыты до корней во время отлива, стоят раскидистые ризофоры, как первые пионеры наступающей на море суши. Их блестящие кожистые листья похожи на листья магнолий, а крайне причудливо ветвящийся стебель и отходящие от него корни напоминают полуразрушенный плетень. С веток ризофоры свешиваются какие-то длинные образования, напоминающие копыта или кинжалы; время от времени такие кинжалы отрываются от веток и вонзаются своими заостренными концами в полужидкий ил и там прорастают, развиваясь в новый экземпляр дерева. Ризофоры — наполовину сухопутные, наполовину водные растения; та обстановка, среди которой они живут, налагает ясный отпечаток на все их строение, и только его особенности делают возможным их обитание в таких крайних условиях. Прежде всего бросаются в глаза многочисленные корни-подпорки, которые развиваются на растении; оно подвергается действию сильного ветра, свободно гуляющего по открытому морю и по низким берегам, покрытым мангровыми зарослями; удары волн во время прилива также пытаются опрокинуть это дерево, и оно при помощи корней-

Лесные заросли по берегам коралловых островов

подпорок поддерживает свой ствол и ветви и противостоит силе ветра и воды.

Но корни не только укрепляют растение в почве. Тот ил, где живет ризофора, содержит мало кислорода, необходимого для корня всякого дерева, и по корням-подпоркам через рыхлую ткань их по коре проходит воздух до конца корней, не выходящих совершенно из-под поверхности илистого грунта. Такие корни называются дыхательными корнями, и их присутствие чрезвычайно характерно для мангровой растительности. Другая особенность их еще больше оригинальна. Растение, растущее в воде, казалось бы, должно иметь характер такой же, как многие другие водные растения или те, что живут в очень сырых местностях. Однако изучение строения листьев у мангровых показывает, что в их листьях существует целый ряд особенностей, которые свойственны растениям сухих мест таких областей, где осадки скудны, и растение все время живет при строгой экономии своего водного расхода. Как же можно объяснить такое видимое противоречие, такую плохую приспособленность мангровых деревьев к условиям обитания? Но противоречие здесь кажущееся. Причина этого явления заключается в том, что растение, живущее в соленой воде, быстро набирает запас поваренной соли в свои клетки. Соль же действует вредным образом на работу живых клеточек, составляющих лист, и для растения ставится вполне определенная задача — пропускать через свои листья и другие органы наименьшее количество соли, т. е. наименьшее количество воды, другими словами, крайне бережно расходовать воду, что оно

блестяще выполняет, приобретая структуру, свойственную растениям сухого климата.

Третья особенность мангровых растений заключается в том, что зародыши, которые развиваются в семенах и плодах и которые у обыкновенных растений бывают очень небольшой величины, у мангровых прорастают, не покидая того плода, в котором развились семена дерева. Их тела достигают особенно большого развития на месте так называемого подсемянодольного колена, на верхней части которого находится две семянодоли — два первородных листика, а на нижней подсемянодольное колено переходит в корень. У этого (*Rhizophora mucronata*) зародыш настолько велик, что не мог поместиться целиком на всей картинке и представлен перерезанным пополам, а его плод изображен отдельно. Рисунок показывает взаимоотношения между внутренними частями плода и зародышем. Эта особенность развивать такие большие зародыши получила название живородности, или вивипарии. Она очень характерна для мангровых, обитающих в полосе прилива и отлива. И не трудно понять, почему эти растения выработали такую оригинальную особенность. Если бы семена их попадали в ил, то там они бы задохнулись, не имея достаточного количества воздуха, и гнили бы, не прорастая. Взрослый же зародыш, отрываясь от плода и имея особенно тяжелый нижний конец, вертикально падает и вонзается в полужидкий ил, где уже беспрепятственно развивается дальше. И всегда вокруг старого дерева ризофоры можно видеть целое семейство молодых ризофор разной степени развития и разного возраста. Эти ризофоры идут далеко в море всюду, где только море достаточно мелко. Между ними волны наносят песок, накопляется ил, морское дно повышается и появляются другие растения, скрывающие почву своими корнями и отвоевывающие у моря часть его поверхности. Вместе с ризофорами живет другое растение, плоды и зародыши которого очень похожи на зародыши ризофоры. Цериопс (*Ceriops*) нередко примешивается к сообществу ризофор, отличаясь своими гранистыми, сильно утолщающимися книзу зародышами. Несколько отступя от пояса ризофор или на одном уровне с ними стоят раскидистые деревья авиценнии и соннерации (*Avicennia*, *Sonneratia*). Их корневая система обнаруживает удивительные особенности, одни из характернейших приспособлений к жизни в плотном, бедном воздухом иле. На огромные пространства тянутся параллельно поверхности илистого дна длиннейшие корни этих деревьев, а с их верхней стороны отходят боковые корни, которые, вместо того, чтобы расти вниз, как это свойственно корням, поднимаются кверху и возвышаются над илом в виде целого леса, как

молодая спаржа, которая весной вырастает из парника. Эти торчащие вверх корни играют особую роль вентиляционных труб. Их ткань очень рыхла, снабжена большим количеством воздухоносных полостей, которые находятся в сообщении с дыхательными полостями длинных корней, снабжая их воздухом в достаточном количестве.

Благодаря этому приспособлению, вышеупомянутые растения роскошно развиваются среди таких условий, которые затрудняют всякую возможность жизни и развития растений вследствие недостатка воздуха. Бругиера (*Brughiera*) решает эту важную задачу подобным же образом, но на иной несколько лад: ее корни не дают спаржевидных отростков, но местами изгибаются коленообразно, и такие колена служат дыхательным аппаратом, возвышаясь над поверхностью почвы.

Небольшой кустарник эгигерас (*Aegiceras*) приютился между мангровыми деревьями. Его зародыши имеют оригинальную согнутую форму наподобие козьего рога. Люмнигера (*Lumnizera*) — небольшое деревцо с ярко-красными цветками, выбирает более сухие места и охотно поселяется на песчаных холмиках, несколько отступая от низкого берега моря, с другими мангровыми.

Среди животных подобных мангровых зарослей наибольшее внимание привлекает маленькая рыбка периофтальмус (*Periophthalmus*). Она обладает замечательной особенностью оставаться довольно долгое время вне воды, а устройство ее плавников позволяет работать ими, как органами лазания, и рыбка взбирается по корням мангровых деревьев, представляя для наблюдателя в высшей степени оригинальное зрелище: рыба, сидящая на ветке. Несмотря, однако, на то, что периофтальмус часто покидает воду, поймать его представляет очень большие затруднения. При малейшей опасности он стремительно кидается в лужицы, которые всегда остаются между корнями мангровых, зарывается в ил или песок и прячется так ловко, что я и мой товарищ употребили немало времени, прежде чем нам удалось поймать пару экземпляров.

Такова растительность около Добо, если выйти из него и, пройдя по бугисскому кварталу, мимо больницы и верфей Баадилла, минуя европейское, японское и бугисское кладбища, выйти на берег моря около устья реки. Если же направиться в другую сторону, то приходится идти некоторое время по рошце из кокосовых пальм, этого характернейшего дерева всех океанических островов тропического пояса. Кокосовая пальма в этих местах разводится ради ее плодов. Зрелые орехи очищают от одевающей их волокнистой оболочки, разбивают плотное ядро и раскалывают на куски запасный белок ореха, сушат его

и пускают в продажу под названием копра. Из копры выжимают масло, а жмыхи идут на корм скота. Раз устроенная плантация кокосовых пальм предоставляется сама себе, и нередко можно встретить маленькие необитаемые острова, засаженные кокосовыми рощами, куда время от времени приезжают их владельцы за сбором урожая.

Проходя по кокосовой роще мимо хижин и лодок бугисов и макасарцев, невольно останавливаешься перед целой пирамидой винных бутылок, которая сложена под тенью пальм. Эти бутылки скупают приезжие бутонцы и увозят к себе на родину, где они наполняют их кайяпутовым* маслом, добываемым в большом количестве на острове Бутоне.

Когда голландская администрация твердой ногой ступила на почву Аруанского архипелага, то первой ее заботой была защита доверчивых туземцев от эксплуатации их со стороны торговцев — китайцев и бугисов — и главным образом борьба с пьянством. Был издан строгий закон, карающий громадным штрафом и немедленным выселением с островов лиц, продающих туземцам опиум и водку. Торговля водкой, т.е. араком, исчезла с Аруанского архипелага, так как подобные законы неумолимы, и потребность в алкоголе стала удовлетворяться виноградным вином, которое, однако, стоит значительно дороже, чем арак, содержит меньше спирта и действует гораздо слабее его. Все же это полумеры. Голландцам следовало бы совершенно прекратить торговлю спиртными напитками среди туземцев, не защищенных еще Кораном от опасностей, соединенных с алкоголизмом. Количество пустых бутылок указывало, что виноградного вина на островах Ару выпивается немало.

Тут же под пальмами заметил я много петухов, привязанных за ноги к длинным палкам. Я думал сначала, что здесь происходит петушиный бой, запрещенный в Нидерландской Индии; но оказалось, задача петуха совершенно иная. По понятиям бугисов, много злых духов нападает на море на человека, осмеливающегося в лодках уезжать далеко от своего родного острова. Духи эти, однако, местные, и их власть не распространяется на сушу; петух, сопровождающий лодку и кричащий свое кукареку, обманывает духов, которые думают, что крик петуха раздается откуда-нибудь с суши, и не трогают лодки, где кричит петух.

Пройдя наконец кокосовую рощицу, мы вышли на открытый песчаный берег, где море образовывало большой, но неглубоко вдающийся в сушу залив. Берег зарос особым растением, чрезвы-

* От Каау Путин — дерево *Melaleuca leucadendron*, — из листьев которого добывают эвкалиптовое масло.

чайно характерным для песчаных отмелей тропических стран. По песку берега тянулись длинные плети с раздвоенными наподобие козьего копыта листьями, принадлежащие одному вьюнковому растению, *Iromoea... res sarcae*, а дальше шла заросль, состоящая из низких саговых пальм и ряда других растений. Скоро наше внимание было привлечено необычайными, дивной красоты бабочками — знаменитыми *Ornithoptera aroana* или *Ornithoptera poseidon*, область распространения которых ограничивается Аруанским архипелагом. Самец и самка этой удивительной бабочки резко отличаются друг от друга. Самец меньшей величины, размах его крыльев равен приблизительно 15 сантиметрам. Его передние крылья цвета черного бархата с бархатной зеленой каймой; его задние крылья ярко-зеленые с черными жилками и пятнышками, тонким черным бордюром и густой щеткой бурых волосков. Ярко-желтое брюшко, как отлитое из золота, блестит между темными бархатными тонами его крыльев. Самка гораздо больше; размах ее крыльев равен 20 сантимет., но окраска ее несравненно скромнее — однотонные коричневые цвета с белыми пятнышками. Удивительное впечатление производят эти насекомые, когда они или высоко кружатся в воздухе, поднимаясь над вершинами деревьев и опускаясь в чашу леса, или же перелетают морские проливы с одного острова на другой. Наше представление никак не может свыкнуться с бабочкой такой величины, и кажется, что летит птичка, а не насекомое. Уоллес, первый из культурных европейцев ступивший на нетронутую почву Ару, восторженными словами описывает свои наблюдения над этим насекомым, и его радости не было границ, когда он поймал первого их представителя. «В Добо был по крайней мере один довольный человек, — пишет Уоллес, — и этот человек был я...». Всякий натуралист вполне разделит его восхищение — так прекрасны эти бабочки. Налюбовавшись ими, мы пошли далее по берегу и скоро достигли маленькой деревушки бугисов, всего из трех — четырех жалких избушек. Здесь жили рыбаки, и вокруг их жилищ были расставлены разнообразные сети и снасти рыбной ловли. Еще немного дальше, и перед нами заброшенное китайское кладбище со своими оригинальными могилами, занимающими полукруг или род подковы, амфитеатром спускающееся по склону небольшого холмика. Пройдя его, мы почти сразу попали в лес, покрывающий весь центр острова Вамара. Одна большая дорога шла через весь остров к маяку, построенному года за два перед этим, куда мы часто ходили собирать водоросли и глядеть в открытое море, поджидая прихода парохода из Австралии, который должен был увезти нас на Яву. Эта дорога шла по лесу, почва которого, низкая и болотистая, была покрыта разнообразнейшими растениями,

образовавшими местами густые заросли. Большое поле оби* — *Calocasia*, одного из ароидных растений, было разбито у начала леса, а затем лес уже шел без перерыва до самого маяка. Многочисленные цикасы росли по опушкам леса, и их плодущие листья были покрыты крупными семенопочками, достигавшими величины хорошей сливы. Их корявые стволы увенчивались кроной прекрасных перистых листьев. Эти великолепные голосеменные принадлежали к виду *Cycas circinalis*, распространенному по берегам островов восточной части архипелага.

Из других растений особенно интересными были многочисленные мирмекодии и гиднофитумы, странные, мало похожие на другие растения организмы. Они росли на стволах и ветвях деревьев и представляли собой небольшие клубни, величиной от ореха до небольшой дыни. Тело мирмекодии было все усажено шипами, у гиднофитума кожа оставалась гладкой. Недлинные веточки, покрытые листьями, отходили от этих клубней. Стоило только дотронуться до такого клубня и взять его в руки, как из него высыпались мириады мельчайших желтых муравьев, которые нестерпимо кусали, облепляя руки взявшего мирмекодию. Каждое из этих растений представляло собой муравьиное гнездо. Муравьи живут внутри клубня, и если его вскрыть, то можно видеть целые лабиринты ходов, которые во все стороны пронизывают этот клубень. Благодаря тому, что муравьи постоянно живут в этих растениях, было высказано предположение, что жизнь этого растения тесно связана с муравьями, его населяющими, и что это растение нужно отнести к так называемым мирмекофильным растениям; однако точные исследования показали, что муравьи здесь случайные гости, они селятся здесь, как всюду, где только находят для себя место; те же полости, которые пронизывают клубень мирмекодии, служат для нее как вентиляция для обмена с наружным воздухом.

Но не растения привлекают все внимание натуралиста, когда он пересекает леса Вамара. Его поражает разнообразие животного мира, его яркий, резко выраженный характер. Великолепные орнитоптеры то и дело мелькают в воздухе, к ним присоединяются огромные белые гестии, сверкающие *Papilio Ulysses*, какие-то неизвестные пестрые бабочки. Необычайное количество муравьев разных видов попадает на каждом шагу, но все они, кажется, обладают одним общим признаком — крепчайшими челюстями, и их укусы очень болезненны. Мимо нас промелькнул большой варан — крупная ящерица, быстро скрывшаяся в чаще леса. В воздухе же стоял немолчный крик от множества птиц, число которых было особенно велико у берега моря.

* Оби или Уби (*мал.*) — батат, сладкий картофель.

Какой резкий контраст представляли эти леса с темными, молчаливыми яванскими лесами в Tjibodas, где изредка какая-то птичка насвистывала свою оригинальную мелодию, да дикие куры оживляли своим присутствием парк около лаборатории. Здесь все жило, все кричало. Раздавались пронзительные крики какаду, этих прелестных птиц, которыми мы любимся в зверинцах или в комнатах. Пестрые попугаи, ярко окрашенные лори перелетали с дерева на дерево, оглашая воздух своими криками. Басом ворковали многочисленные плодоядные голубикарпофаги, изредка пролетали какие-то большие птицы, похожие на крупную курицу, быть может, мегаподии (джангули). Ботаник забывал о своей специальности; он превращался в зоолога, бегал за бабочками, собирал в свои пробирки муравьев, но, как мирный и безоружный человек, он не причинял зла птицам и только любовался ими на свободе.

Большая дорога выводит к морю, где на довольно высоком мысу построен маяк. Его сторож, симпатичный старый малаец, очень приветливо говорил свое «*tabe toean*»* и с видом сочувствия докладывал, что «*kapal deri Australia belon datang*», т.е. корабль из Австралии еще не пришел, когда мы, тщетно ожидая в течение недели прихода парохода, ежедневно ходили к маяку глядеть на открытое море. Берег моря около маяка скалист; постоянный прибой волн выбил и выточил в твердом грунте ряд ямок и выбоин, но твердость породы настолько велика, что волны не сгладили, не округлили углов этих выдающихся гребней, которые, как зубцы щетки, торчали и резали ноги в то время, как мы собирали водоросли, живущие на этом твердом каменистом дне, или подбирали материал, выброшенный морем с больших глубин. Меня удивляло, однако, то обстоятельство, что Давыдов и Уоллес указывают на присутствие здесь древовидных папоротников, составляющих резкую, по их мнению, характерную особенность острова Вамар и окрестностей Добо. Тщетно я и мои товарищи по путешествию искали в лесах Вамара, а затем и других островов Ару, древовидных папоротников. Мне не удалось встретить ни одного экземпляра этих крайне интересных растений, очень распространенных в лесах горной Явы.

Недолго продолжалось наше первое пребывание в Добо. Уже на третий день утром мы должны были отправиться в путь вместе с контролером. В ожидании этой поездки мы приготовились к продолжительному плаванию, так как в нашу задачу входила, главным образом, работа на востоке Аруанского архипелага, где мы намеревались пробыть довольно долго.

Услужливый и любезный Баадилла предоставил в наше рас-

* Здравствуйте, господин (мал.).

поряжение одну из своих парусных лодок ргау, на которой обыкновенно развозили провиант для ловцов жемчуга. Эта небольшая лодка «Magie» имела две мачты, посредине ее был сделан род ящика — каюта, в которой можно было укрыться во время непогоды самому и спасти свои вещи и коллекции. На одном из бортов находился очаг, где можно было варить и жарить пищу, а передняя часть судна была занята трюмом, в котором сохранялся запас пресной воды в больших брезентовых мешках и бочке и было небольшое помещение для экипажа. «Magie» была привязана на буксир к яхте контролера, на ее палубу были поставлены наши походные кровати, в каюту отнесены чемоданы, микроскопы, разные инструменты, запас консервов, связка бананов и джеруков, крупных зеленых апельсинов — словом, все, что было нужно для нашего путешествия. 1-го мая 1909 года мы снялись с якоря и, находясь на борте «Амбоины», направили свой путь прямо на юг, к селению Мейкоору, или Майкоору, находящемуся на острове того же имени.

В книге Уоллеса «Малайский архипелаг» есть карта Ару, но она далеко не точна. На больших стенных картах Малайского архипелага, висевших на стене лаборатории в Бейтензорге, Аруанские острова изображены в относительно крупном масштабе. Однако и эта карта дает лишь общую конфигурацию Ару, не выясняя частностей строения. Благодаря особенной любезности заведующего топографическим отделом штаба войск, я получил еще не выпущенную в продажу карту Аруанского архипелага, а в Макасаре приобрел несколько морских карт, прекрасно передающих все подробности того огромного скопления островов, которое образует Аруанский архипелаг. Здесь воспроизведена одна из этих карт, и я постараюсь дать географический очерк этого далекого уголка земли.

Глава X

Острова Аруанского архипелага

Аруанский архипелаг лежит между 5 и 7° ю. широты и около 130° в. долготы. Он простирается с севера на юг, как сообщает Давыдов, верст на 150, а с запада на восток не более как на 60 верст. Пять больших островов занимают срединную часть архипелага. Они составляют в понятии туземцев, на что первый обратил внимание Уоллес, одно целое, один материк и носят название «Tanah besaar», большой земли; мелкие островки, лежащие на востоке Tanah besaar, получили общее название «Blakang Tanah», спина земли, т.е. задняя половина их земли, хотя там почти каждый остров носит свое название; мелкие островки, лежащие к западу от Tanah besaar, общего имени не носят и каждый зовется по-своему.

На севере Tanah besaar лежит небольшой остров Kola, который отделяется от соседнего с ним огромного Вокама довольно широким проливом, носящим название Sungit Sisirwatoe, т.е. реки Сисирвату. Вокам отделяется от лежащего от него к югу большого острова Коброора узким извитым проливом-рекой (Sungit Wanoembai); на юго-западе от Коброора лежат два острова, самостоятельность которых определена лишь в последнее время; северо-западный из них — Мейкоор, юго-восточный — Коба; между ними и Коброором проходит довольно широкий пролив, покрытый многими островками Воркай (Sungit Workai); наконец, юго-западную часть всей Tanah besaar образует большой остров Trangan, быть может, разделяющийся, в свою очередь, на два самостоятельных острова, если только обратить внимание на глубокий и узкий залив, который врежется в остров Trangan. Большинство этих островов представляют слегка холмистую местность, покрытую девственными лесами, и только на острове Транган существуют более заметные возвышенности, тянущиеся вдоль южного берега этого острова и про-

ходящие посредине, а также в северо-восточном направлении. Впрочем, необходимо оговориться, что подробная гипсометрическая и орографическая карта еще не составлена для Аруанских островов, и на помещенной карте не обозначены даже реки, протекающие по главным островам. Реки существуют, но они незначительной длины и текут только в дождливое время года, в сухое же почти совершенно пересыхают, и на островах начинается настоящий водяной голод, заставляющий туземцев даже покидать свои жилища и держаться около немногих остающихся источников.

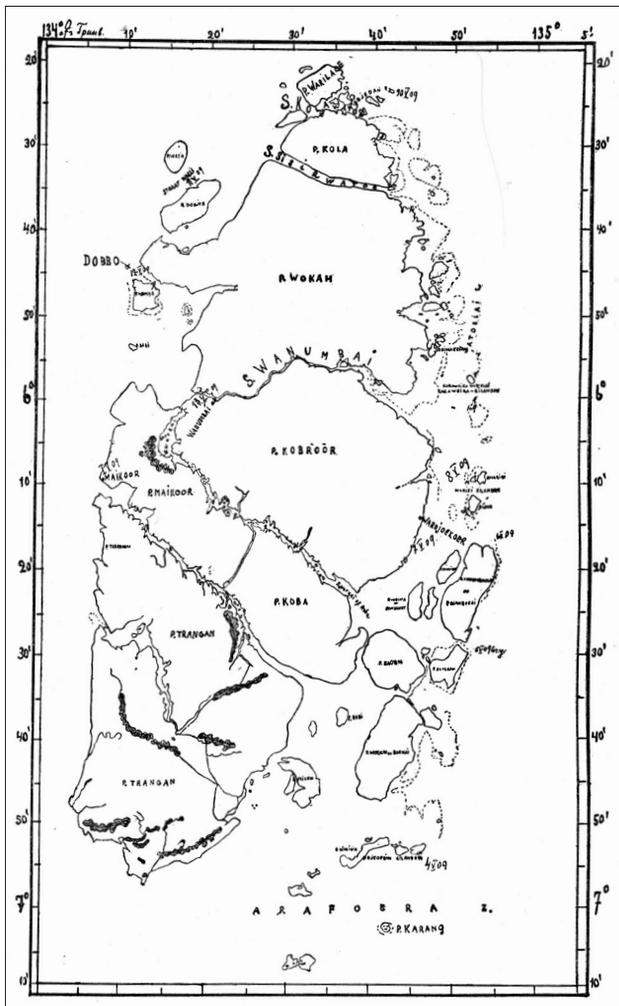
Кроме главных островов, входящих в состав Tanah besaar, ряд других островков образует Аруанский архипелаг. На западе от Вокама, отделяясь от него узким проливом, лежит остров Вамар со столицей Ару — Добо; к северу от него два острова Уджир и Вазир являются северо-западными форпостами Аруанских островов. К югу от Вамара расположен только маленький островок Pulu babi, Кабаний или Свиной остров, да группа крошечных островков теснится около самых берегов Вокама. Дальше к югу нет сколько-нибудь значительных островков, и западные берега Трангана отличаются своей малой изрезанностью и своими прямыми профилями. На самом севере, выше Pulu Kola, лежит крупный остров Варилау, окаймленный несколькими маленькими островками с северо- и юго-запада. Море, омывающее Аруанский архипелаг с запада, очень глубоко; мели расположены только у самых островов, а дальше идут глубины в тысячи метров.

Совершенно иную картину представляет собой восточная половина Ару — знаменитая Blakang Tanah, главное место ловли жемчужниц, трепангов-голотурий, составляющих любимое лакомство китайцев, и саланганьих* гнезд, из которых готовится суп, высоко ценимый китайскими гастрономами.

При беглом взгляде на карту видно, что вся восточная половина Ару как бы опущена бесчисленным множеством островков и групп островков. Одни из них довольно велики, другие же очень мелки, зато и те, и другие опоясываются кругом на очень большое расстояние огромными мелями, крайне затрудняющими судоходство на сколько-нибудь значительных судах. Глубина моря между Blakang Tanah и Новой Гвинеей нигде не достигает ста метров, около же самых островов трудно найти место глубже 10–15 метров, значительно чаще же встречаются еще меньшие глубины.

На самом юге Аруанского архипелага расположены лишь отмели и песчаные банки, но к юго-востоку, среди вод так назы-

* Ласточкиных (*мал.*).

Карта Аруанского архипелага

ваемого Альфурского моря*, южнее других лежит низкий остров Эну; к северу от него идет одинокий остров Pulu Karang, Коралловый остров, севернее которого лежит группа Djoedin, или, как их иначе называют, Pulu Клара, т.е. Кокосовые острова; за ними идет в том же северном направлении ряд сравнительно крупных островов: Воркай, Баракан, Пенамбулай, Леер, граничащий с маленьким архипелагом Марири, расположенным против большого Коброора. Против юго-восточной части Вокама

* Арафурское море.

расположилась живописная группа островков Каравейра, за которой идет цепь островов Ватулай, и около северо-восточного края Кола находится группа Джедан, место стоянки флота Баадилла.

Такова общая карта Аруанского архипелага.

На всем его протяжении живет большое количество разнообразных ветвей папуасской расы, отличающихся друг от друга как по типу, так и по религии и образу жизни. С некоторыми из этих племен мне пришлось познакомиться лично, о других я узнал по рассказам контролера и других хорошо знающих местность людей.

К северу от острова Вамар, на западной части Вокама, около местечка Саманг, на островах Уджир, Вазир и Кола распространена магометанская религия. В Саманге живет один из культурнейших аруанцев — Латетеин, который во время посещения Ару Давыдовым носил скромный титул оранг-кайи, т. е. старшего человека, теперь же возведен в титул раджи, чем гордится не он один, а целое племя аруанцев. Под влиянием этого умного и сравнительно культурного человека близкие ему племена приняли ислам и приобщились к культуре. Близость к Добо, стоянке во время юго-восточного муссона флота Целебесской компании между Уджиром и Самангом, вносит много культурных элементов в жизнь уджирцев и самангцев, приводя их к общему уровню бугисцев или других темнокожих полукультурных племен.

На западном берегу Мейкоора и особенно на Трангане довольно значительно распространено христианство, конечно, только по имени; наконец, вся остальная часть аруанцев — еще язычники, хотя в глуши, в самом сердце Блаканг Таны, встретил я учителя-христианина, обучающего детей язычников читать и писать по библии и ожидающего приезда миссионера, чтобы окрестить маленьких черных грешников.

Благосостояние и занятия жителей Ару далеко не одинаковы. Западная половина, живущая на берегу глубокого моря, не имеющая средств к организации рыболовства или морских промыслов в широких размерах, не умеющая правильно обрабатывать землю, живет плохо и представляет жалкие, заморенные типы, что особенно проявляется на женщинах, пугливых, полудиких существах, больше похожих на своих отдаленных прародителей, чем на современного человека. Наоборот, жители Blakang Tanah, имеющие прекрасный заработок на ловле жемчужниц, трепангов и других даров моря, представляют собой прекрасные образцы красивой папуасской расы, а их женщины не уступают ни своим видом, ни своим прекрасным сложением другим наиболее развитым темнокожим племенам.

Аруанский архипелаг в административном отношении подчиняется контролеру, который в своем лице совмещает и законодательную, и исполнительную власть, опираясь на отряд солдат-малайцев, которыми командует ражий голландский унтер-офицер, видом напоминающий бурского генерала.

Китайцы и бугисы управляются своими выборными — капитаном бугисов и китайцев, а туземцы Ару имеют в своей среде двух раджей, нескольких пати и ряд оранг-кайя и оранг-туа, т. е. разнообразных старост, и тому подобный служилый элемент, хорошо знакомый с местными обычаями и местным населением. Государственным языком считается малайский язык — по крайней мере я слышал разговор контролера с туземцами на этом языке, и не знаю, владеет ли он различными наречиями аруанского языка, число которых довольно велико.

Теперь перейду к описанию нашего путешествия, пользуясь своим дневником, который я вел аккуратно каждый день, отмечая как события дня, так и научную добычу.

Мы вышли из Добо и пошли, как я уже указывал, прямо к югу, направляясь к западному берегу Мейкоора, где расположено селение, носящее то же имя. У контролера были какие-то недоразумения с туземцами. Они были обложены небольшим налогом, но уклонялись от его уплаты и скрывались от контролера. Их оранг-кайи и даже сам пати показывали, что большая часть мужчин находится в отсутствии, и задачей контролера было заставить их вернуться и внести ему налог, при чем он не хотел пускаться в ход никаких строгих мер, а желал выяснить все дипломатическим путем. Часа через три пути «Амбоина», имея на буксире нашу прау «Marie», повернула и стала подходить к берегу Мейкоора, но, значительно не дойдя до селения, бросила якорь вследствие больших мелей у берега.

От селения отделилась точка, которая росла все больше и, приближаясь к нам, оказалась лодкой, наполненной гребцами и публикой. Протяжный звон гонга, сухой звук барабана и довольно монотонное пение раздавались из лодки. Гребцы-аруанцы всегда гребут под музыку и пение. На лодке навстречу начальству выехал сам пати Мейкоора, человек с изрытым оспой лицом, одетый в обыкновенный европейский тропический костюм, с интеллигентным лицом, напоминающим скорее южного еврея, чем аруанца. Зато гребцы и музыканты были настоящие аруанцы; их костюм состоял из небольшого пояса и этим ограничивался, зато руки были украшены браслетами, сделанными из искусно подобранных бисеринок; в ушах были продеты серьги, причем одна серьга была привешена к мочке уха, а две другие — к верхней половине ушной раковины. Прическа одних была довольно замысловата, и пушистые волосы

были закинуты назад, связаны в пучок и проткнуты деревянной стрелой, другие же коротко стригли свои волосы. Мы вошли в лодку, завывли гонг и барабан, запели певцы, и лодка пошла по берегу к селению Мейкоор. Несмотря на то, что лодка является безусловно необходимой для аруанца, она была построена не особенно складно и сильно текла. Два или три человека все время отливали из нее воду, пользуясь вместо ковшей большими раковинами. Минут через 20 мы достигли берега и вышли около Мейкоора.

Селение Мейкоор живописно раскинулось среди пальм и других деревьев по берегу моря; местами изгороди защищают возделанные участки земли, занятые под огороды, где посажен сахарный тростник, любимое лакомство островитян, *Calocasia* и *Caladium* — оби и клади* — корнеплоды, очень распространенные на всех восточных островах. Мейкоор населен аруанцами-христианами. Там есть церковь — род сарая с лавками и окнами без стекол; при церкви живет местный проповедник-малаец из Амбона; подле церкви — школа, где маленькие аруанцы учатся малайскому языку и усваивают начатки знания. Дома в Мейкооре носят смешанный характер туземного влияния и более требовательного вкуса цивилизованных людей. Эти дома сравнительно велики и построены на высоких сваях. Под каждой крышей из листьев саговой пальмы устроена только одна комната, вдоль стены которой идут нары, служащие собственно помещениями для нескольких семей, населяющих этот общественный дом. Жизнь таким обществом составляет характерную черту аруанцев; еще Уоллес описывает свое жилище в Ванумбае, на острове Коброоре, в котором, кроме него и его служителей, обитало большое количество народа. В обстановке дома было довольно много изящного, и мое внимание привлекли большие циновки, необыкновенно искусно сплетенные из волокон панданусов, лицевая сторона которых представляла собой очень сложный узор, составленный из тонких волокон, окрашенных в черный, красный и синий цвета, а изнанка была сделана из более грубых полосок. Просвещенные аруанцы уже понимали цену своей работе и запросили с меня что-то около 25 гульденов за такую циновку. Не без труда удалось мне достать в Мейкооре два больших лука и несколько пучков стрел. Кажется, что и эта принадлежность аруанцев скоро сохранится только в этнографических собраниях Европы. Голландское управление уничтожило войны и решение дел силой оружия; появился спрос на мирный труд со стороны пришедших европейцев, а ружья постепенно вытесняют старые луки, хотя администрация зорко

* Keladi (мал.) — таро, травянистое растение со съедобными корнями.

следит за недопущением ввоза огнестрельного оружия в пределы Нидерландской Индии. Туземцы были по большей части одеты в широкие шаровары пестрого цвета, какие голландцы носят по утрам или в качестве спального костюма, и обычные белые куртки, и только наши гребцы сохраняли вид своих предков.

Пробыв около часа в селении, мы снова сели на «Амбоину», взяв с собой двух заложников, которые должны были побудить остальных исчезнувших появиться и внести тот оброк, который с них требовался.

Позавтракав на «Амбоине», мы пересели на нашу лодку «Marie» и начали самостоятельное оригинальное путешествие, давшее так много своеобразных впечатлений. Пока «Амбоина» вела нас на буксире, но завтра, после осмотра жемчужной ловли Celebes Comranu, мы должны были быть предоставлены нашим силам и одни отправиться в плавание вокруг Аруанских островов.

Позвольте, читатель, познакомить вас с экипажем прау «Marie». Кроме нас двух, меня и моего товарища и сотрудника, на борте «Marie» находились капитан Мойтина и пять темнокожих. Капитан был родом с острова Серама, магометанин. Еще его отец был почти совсем дикарь, а ближайшие родичи с честью поддерживали древний обычай срезывания голов, сам же Мойтина был очень любезным человеком, хорошо понимающим свое дело, умевшим влиять на своих матросов. Среди последних было два амбонца-христианина — Абрам и Иеремиас, из которых Абрам представлял собой очень интересный тип юноши не без дарований, решительного, способного к энергичной работе. Его больше других отличал капитан Мойтина в трудные минуты: во время бури и грозы чаще всего раздавался голос Мойтины, призывавший Абрама для какого-нибудь трудного дела. Его брат, красавец Иеремиас, был большой балагур, очень любил песни, постоянно смотрелся в зеркало, но работник был неважный, и я однажды пережил несколько сильных ощущений, имея на веслах этого амбонца. Здоровый и мускулистый бутонец Ласани принадлежал к числу людей, менее тронутых цивилизацией, чем изящный Иеремиас, но как работник был незаменим; с ним я особенно любил ездить на лодке, так как он греб ровно и умело, несмотря ни на какую волну. Кроме этой команды, с нами был повар, имени которого я не узнал. Его все называли «кокки»* и очевидно посмеивались над ним. Это был какой-то неуклюжий парень, придурковатый на вид. Весьма вероятно, что кулинарная должность, соединенная с обязанно-

* Koki (мал. от голл.) — кок, повар.

стью мыть и чистить посуду, досталась ему ввиду его неспособности к другим занятиям. Наконец последним темнокожим на «Marie» был наш служитель Месак, амбонец родом, хитрый и ленивый, настоящий тип лакея. В общем вся компания производила самое лучшее впечатление. Кто же были эти люди? Как видите, выходцы из разных мест архипелага; пираты и мошенники, как их аттестовал очевидец Давыдов; но в течение трехнедельного плавания в их обществе мы всегда видели перед собой любезных, благовоспитанных людей. Ни разу не было между ними ни ссоры, ни ругательств. Всегда веселые, довольные, они в свободное время постоянно находили материал для беседы, и часто нам приходилось слышать их душевный и искренний смех. Они охотно пели, но, к сожалению, вместо своих родных песен или мелодий приходилось слышать пошлый мотив матчиша, усвоенный ими с граммофона. До сих пор еще у меня звенит в ушах «тарарабумбия» сомалийцев и жителей Цейлона и несносный матчиш, которым начинался и оканчивался наш день. Лишь изредка более серьезный Абрам пел какие-то, не лишённые гармонии и мелодии, песни, но лощеный Месак и красавец Иеремиас часто прерывали его, напевая свой неизменный матчиш, слова же к нему импровизировались самими певцами.

Было довольно большое волнение, когда мы пересели на «Marie». Угловое суденышко, вполне годное для озера, сильно прыгало на волнах. Ночь была облачная, и мы не могли видеть берегов Трангана, мимо которых шла «Амбоина», увлекавшая с собой нашу прау, и нам ничего не оставалось, как раскинуть наши кровати и лечь спать.

На следующее утро мы были уже далеко в море, вблизи Pulu Eное, где происходила ловля жемчужниц флотом Целебесской компании. Уже издали были видны многочисленные мачты судов с водолазами, а посредине их стоял на якоре большой парусный корабль, где помещался главный склад собранного материала и находился главный распорядитель-англичанин из Австралии.

«Амбоина» бросила якорь. Быстро подбежала к ней моторная лодка с двумя англичанами, любезно приветствовавшими нас. Усадивши нас в свою лодку, они направились к одному из небольших судов, которое доставало жемчужницы. Взобравшись на это судно, мы могли присутствовать при ловле жемчужниц. Был, однако, сильный ветер; уже начинался юго-восточный муссон, лодку качало, волны покрывали ее солеными брызгами, но работа шла своим чередом, не обращая внимания на непогоду.

Посредине судна помещался нагнетающий воздух насос, при котором бессменно дежурили два человека. Водолаз-японец,

одетый в полный водолазный костюм, в сапогах с тяжелейшими свинцовыми подошвами, ждал нас, чтобы спуститься. На его голову надели тяжелый шлем, передняя часть которого была заменена толстым стеклом, а от макушки шла трубка к нагнетательному насосу; к спине водолаза была прикреплена крепкая веревка, по которой вытаскивали его из воды; веревка вместе с тем служила в качестве сигнала. Еле-еле передвигаясь по палубе в своем странном костюме, водолаз при помощи подручных, также японцев, добрался до веревочной лестницы, опущенной в воду, и стал медленно по ней опускаться; попав в воду, он стал двигаться гораздо свободнее и скоро скрылся в морской глубине. Под водой он пробыл довольно долго — минут 10, нам же казалось, что он оставался там гораздо больше. Когда его тело показалось в воде и он был поднят на палубу, моментально помощники сняли с него шлем и вытерли полотенцем его вспотевшее лицо. Оно выражало полное утомление, и почти без сил водолаз опустился на канаты, сложенные на палубе. Лишь мало-помалу он стал приходить в чувство, но все же, пока мы оставались на корабле, вид водолаза был крайне измученный. Нам сказали, что эта работа считается еще очень легкой: водолаз спускался на каких-нибудь 20–30 метров, где давление воды не сильно.

В этих местах водолаз работает почти целый день, отдыхая только между отдельными ловами. Другое дело, когда лов происходит в Торресовом проливе около островов Thursday, где водолазу приходится спускаться на 150 или более метров; там водолаз спускается только один или два раза в день и остается в воде не более 5 минут! Добыча нашего ловца состояла из нескольких жемчужниц, поверхность которых была густо покрыта разными мшанками, горгониями и другими животными, но водорослей уже не было на этой глубине. Получив в подарок несколько живых раковин, называемых по-малайски «siput», мы возвратились на «Амбоину», откуда перешли на «Marie», поблагодарив контролера за его любезное гостеприимство. «Амбоина» развела пары. «Marie» подняла паруса, и мы расстались друг с другом. «Амбоина» ушла в Добо, посетив на пути южную часть острова Трангана, а мы пошли прямо на север.

В первый раз в жизни приходилось нам находиться в подобной обстановке. Мы были одни, среди незнакомых темнокожих людей, на дальнем море, имея в качестве оружия лишь перочинные ножи да яванский голок, которым мы пользовались для ботанических целей. Несмотря на некоторую практику, малайский язык все-таки представлял для нас большое затруднение, тем более, что пришлось иметь дело с новыми терминами, касающимися мореплавания. Но все сложилось как нельзя более

благополучно. Наша команда не обнаруживала никаких свирепых наклонностей. При помощи карты мы с капитаном Мойтиной быстро разобрались в нашем положении, а предметные уроки малайского языка и необходимость выражать свои желания делала свое дело, и вскоре мы чувствовали себя, как дома, совершенно сжившись с этой новой для нас обстановкой.

Ветер надувал паруса «Marie»; она шла хорошим ходом, направляясь к северо-востоку, к острову Karang. Команда не теряла времени даром; Мойтина очистил листья с толстого пня одного из однодольных растений — *Crinum*, надел кусок листа в виде приманки на крючок и забросил его далеко за корму нашей прау. Свободный конец он прикрепил к рее, а недалеко от него сделал петлю, которая должна была развязаться, если кто-нибудь сильно дернет веревку. Закинув такую удочку, Мойтина взялся за руль, зорко следя за петлей; вдруг веревка натянулась, как струна, петля моментально развязалась, и в то же мгновение матросы ухватили бечеву и стали осторожно подтаскивать ее к лодке. Скоро около лодки вода закипела, и на борт «Marie» была выброшена большая рыба с острой мордой, которая отчаянно билась о палубу. Матросы кинулись к ней и стали бить ее палками по голове, после чего несчастный икан* прекратил свои прыжки. Скоро он был разрублен на части; одни куски были сварены в котле, другие повешены на мачту и сохли под лучами тропического солнца. Рыба оказалась необычайно вкусной. Ее розовое сочное мясо походило вкусом на лососину и очень скрасило наш обед, состоявший из печеного картофеля, консервов и компота; охотно мы ели только картофель и компот, консервы же скоро так надоели, что мы еле могли притрагиваться к ним.

Мы быстро подходили к Коралловому острову, Pulu Karang, и скоро бросили якорь недалеко от берега. Спустив лодку, мы направились на остров, который так ослепительно сверкал своим коралловым песком, что издали казалось, будто он был покрыт снегом. Песчаные отмели Pulu Karang были покрыты растительностью из *Ipomea pes caprae*, за которой дальше от моря рос оригинальный злак — *Spinifex*, соцветия которого образовывали крупные головки, величиной с апельсин, открывающиеся целиком и являющиеся «перекати-полем» тропиков. Высокие казуарины росли по берегу, а среди них панданусы, кринумы, раскидистые *Hibiscus* образовывали сплошную зеленую стену, скрывавшую внутреннюю часть острова.

Мы сели на берегу на стволе какого-то дерева, лежавшего на песке, и с аппетитом пообедали на твердой почве, так как

* Рыба (мал.).

сильная качка мешала нам заняться этим делом на лодке. Коралловый песок был покрыт раковинами, в бесчисленном количестве разбросанными по берегу. Присматриваясь к ним, мы стали замечать, что раковины не лежат спокойно, что они шевелятся, передвигаются какими-то странными движениями по косому направлению. Весь песок оживал постепенно и приходил в движение. Но дело объяснялось просто: пустые скорлупки этих раковин были заняты мелкими раками-отшельниками, которые и понесли на себе свою хижинку. Это зрелище, имеющее такое простое объяснение, было, однако, чрезвычайно оригинально.

Мы недолго оставались праздными зрителями и, подкрепившись, вошли в воду, распорядившись, чтобы один из матросов следовал за нами в маленькой лодке, помещавшейся на борте «Marie».

Морское дно падало отлого, и недалеко от берега кипели и шумели буруны; морские волны набегали на отмели, нагоняя одна другую, и с ревом обрушивались на песчаное, а дальше каменистое дно. Шум волн, точно рев бури, раздавался непрерывно, и белая пена бурунов ослепительно сверкала на солнце.

Было время прилива, вода стояла высоко, и наша экскурсия могла ограничиться только ближайшей прибрежной полосой. Уже заканчивался тропический день; мы поспешили на нашу прау, где и провели ночь.

В Альфурском и других морях, омывающих острова Малайского архипелага, один раз в сутки чередуется отлив с приливом — полсуток вода уходит от земли, другую половину она набегает на землю, и мы ждали отлива, чтобы получить возможность проникнуть как можно дальше по морскому дну. Рано утром, еще не было 6-ти часов, мы встали, напились чаю и направились к берегам Кораллового острова. Отлив был грандиозный, море ушло далеко, обнажив часть морского дна или покрывая его неглубокой водой, бродя в которой по пояс или по колени, мы могли собирать водоросли и животных. Там, где пенились буруны, оказались два этажа большого барьерного рифа, дно местами было каменистое, покрытое коралловыми камнями, местами песчаное, но неглубоко под песком находился твердый коралловый остов. Прекрасные водоросли саргасумы и их родичи турбинрии росли на камнях; новая перистая каулерпа, две валонии, целый ворох Halimeda, какие-то неизвестные сифонники, похожие на Codium, составляли нашу добычу. Нагруженные ею, мы вернулись на «Marie» и, подняв паруса, двинулись к лежащему вблизи Pulu Клара, Кокосовому острову, называемому также Djeodin. Ветер упал; мы с большим трудом подвигались вперед и только к вечеру бросили якорь недалеко от острова.

Кокосовый остров, Pulu Клара, обитаем. Там построена хижина Celebes Comrau и живет старый малаец. На острове есть источник пресной воды; нам необходимо было возобновить запас ее, и капитан отправил за водой лодку с брезентовыми мешками; мы же, ознакомившись с флорой острова, собирали, как и всюду, водоросли. Но добыча на этот раз была невелика. Pulu Клара окружен на большом пространстве чистыми песчаными отмелями, а там, где нет камней, водоросли не могут селиться в изобилии. Гораздо интереснее оказалась сухопутная флора. Знакомые уже по Вамару мангровые образывали хорошие заросли по берегам острова; крупные казуарины росли по другой стороне, с их характерными спутниками панданусами, к которым присоединились великолепные саговники, причем удалось видеть не только женские, но и мужские деревья и добыть великолепную шишку при помощи Месака, взлезшего, как обезьяна, на стройный и довольно высокий ствол саговника. Это растение принадлежало к виду *Sucas circinalis*, которая вместе с другими видами так характерна для островов востока Малайского архипелага. Огромные кринумы поднимали свои широкие листья в виде проросших лилий, а в воздухе кричали на все голоса различные птицы, среди которых резко выделялся крик белого какаду. Однако природа показывала здесь и свои темные стороны. В воздухе носилось множество комаров, предельно жаливших наши руки и лица. Они заставили нас покинуть берег и искать убежища на море, на лодке. Рано утром мы снялись с якоря, но на этот раз природа была к нам немилостива. Ветра почти совершенно не было, паруса висели, как тряпки, солнце невыносимо пекло, и мы не имели возможности спрятаться в тень, так как паруса уже не защищали нас от вертикальных лучей солнца. В каюте было нестерпимо душно, и мы избражали индеек, которые в палящий июльский день ходят с открытыми ртами, нигде не находя себе убежища. Долго ползла лодка, ловя редкие порывы ветра; наконец уже во второй половине дня он задул сильнее, и «Marie», высоко подняв паруса, быстро рассекала волны Альфурского моря, проходя мимо больших островов Баркая и Баракана. Мои мореходцы не хотели называть их собственными именами, а говорили просто, что это Tanah besaag, очевидно, соединяя их в своем представлении в одно целое с близлежащим Коба и Коброором. Мойтина, воспользовавшись быстрым бегом лодки, снова кинул свою удочку и опять вытащил большого икана, такого же, как и в прошлый раз, которого они называли ikan tangiri*. Этот тангири был нами съеден в вареном виде и отчасти высушен.

* Макрель (мал.).

К ночи ветер утих, и мы тихо шли мимо большого острова Баркая. Море успокоилось, взошла полная луна, и наступила дивная, не передаваемая словами тропическая ночь. Лишь высокий художник слова или лучше музыкант мог бы передать те чудные картины природы, которые явились перед нами в совершенно ином освещении под мягким лунным фосфорическим светом. Все очертания ближайших островов сливались в неясные таинственные контуры, лунный свет дрожал и отражался в воде длинной серебряной полосой, мелких звезд не было видно, и на небе сияли лишь наиболее яркие светила. Высоко раскинул свои руки Орион, но он скоро скрылся за горизонтом; его спутник, Большой Пес, со своим Сириусом еще долго сверкал на небе, медленно подвигаясь к западу, а в центре ярко блистал Юпитер, которого не могли затмить даже лучи луны. Легким силуэтом светил Южный Крест, а под ним медленно выползали на небе α и β корабля Арго.

Под влиянием этой чудной картины никто не спал; но на корабле было тихо; мы лежали на своих креслах, устремив свой взор в небо; наш экипаж в непринужденных позах расселся по разным углам палубы, люди мало говорили друг с другом, тихо напевая или насвистывая свои родные песни, забыв на этот раз пошлые звуки матчиша. «Marie» неслышно скользила, гонимая едва заметным дуновением ветра, по гладкой поверхности моря, и мимо нас, как волшебные декорации, медленно проходили темные силуэты лесистого острова Баркая, скалистого Баракана. Усыпленные этой чарующей музыкой природы, мы заснули, а когда утром проснулись, то перед нами лежал уже остров Пенамбулай, или Джамбулай, один из самых крупных островов Блаканг Таны.

Я велел бросить якорь и спустить маленькую лодку, на которой вместе с Абрамом и другим матросом поехал на берег. До берега было далеко — осторожный Мойтина останавливался всегда на таком расстоянии, чтобы успеть сняться с якоря и уйти от опасных рифов, если внезапно набежит шквал. Около 40 минут ехали мы до берега, где ревели буруны и волны, прыгая на скалистые утесы, рассыпались по ним, отбегали обратно, обнажая часть дна, и опять бросались с новой силой на берег. Мои матросы выскочили из лодки, ухватились руками за ее борт и вместе с волной вынесли ее на берег, где я выпрыгнул на твердое скалистое дно.

Оригинальную картину представляли берега Пенамбулая. Сложенные из чрезвычайно твердых пород, они были совершенно изгрызены волнами моря, но жесткость горной породы не давала возможности сгладить те шрамы, которые оставались от упорной работы волн; берег весь представлял собой ряд греб-

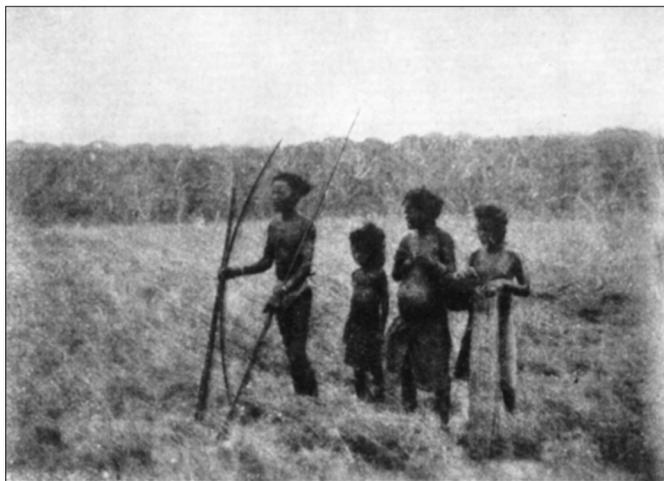
ней или гвоздей, вбитых в доску и торчащих своими остриями вверх. Было больно ходить по этим острым ребрам в башмаках на кожаной подошве, мой же босоногий туземцы передвигались с особой осторожностью. На такой твердой почве не росли водоросли, лишь сине-зеленые дробянки ютились на серых орошаемых морем утесах, да морские слизни из рода хитон крепко-накрепко прилипли к скалам в выбоинах между гребнями. Пришлось пустить в ход уключину от лодки, чтобы отбить животное от берега, — так крепко присасывается оно своей ногой. Пройдя несколько шагов по скалистому берегу, мы вышли на песчаную отмель с плотно убитым волнами песком; там были ясно заметны следы каких-то крупных четвероногих из породы свиней, и Абрам, показывая на них, сказал мне: «Liat, toean, babi besaag» — посмотри, господин, большая свинья.

С дерева на дерево перелетали попугаи, одни ярко-красные, другие ярко-зеленые. Абрам назвал их *sacatua*, пояснив тут же, что *sacatua* бывают и белыми. Слово *sacatua* употребляется малайцами для понятия попугай, наше же «какаду» подразумевает только определенную породу этих попугаев. Слово *sacatua* значит клещи или щипцы — верное обозначение для птиц с таким мощным клювом.

Твердейшие породы, из которых сложена эта часть острова Пенамбулай, отсутствие в них ясных ископаемых кораллов, как это, например, хорошо видно на западной стороне острова около местечка Ванумбай, где известняки берега целиком сложены из остатков кораллов, — все это зародило во мне мысль о том, что не вся масса Аруанского архипелага сложена из кораллового известняка и кораллового происхождения. Эти наблюдения были подкреплены другими на островках Марири и Леере; о них я скажу ниже.

Между Бараканом и Пенамбулаем в проливе виднелись оригинальные острова. Несомненно, что Баракан и Пенамбулай составляли одно целое, но море разрушило соединяющую их сушу, и маленькие островки, имеющие форму стогов сена, с совершенно отвесными стенами, увенчанные зеленым покровом из леса и кустарника, служат остатками этого соединения, указывая и на силу волн, разрушающих такие твердые горные породы, и на прежнюю связь между двумя соседними островами.

Сесть в лодку было нелегкой задачей, но ловкие матросы снова стали по обеим сторонам лодки и вместе с волной вынесли ее на берег. Я вскочил туда, и волна отбросила меня в море, а матросы оттащили ее на более глубокое место, где уже сами влезли в нее. Когда мы шли к нашей «Marie», видневшейся в виде небольшой точки на горизонте, мы увидели, как из моря

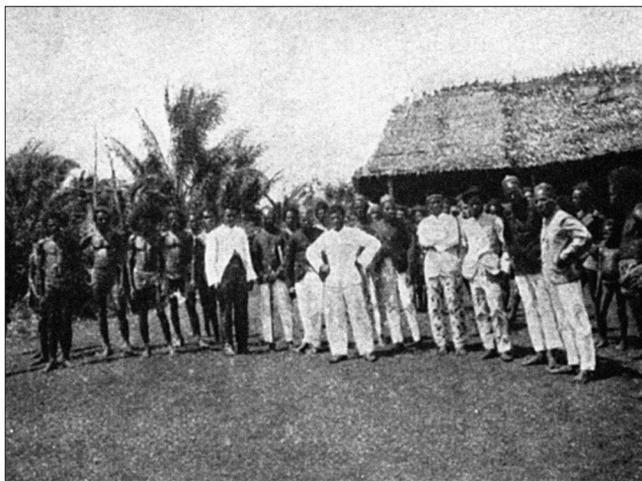
Семья аруанцев на охоте на острове Транган

высунулась круглая голова, потом показалась спина, но животное, увидав нашу лодку, быстро юркнуло в воду. Оно выплыло через несколько времени снова, и я мог определить его как дюгоня — тюленеобразное животное, обитающее в морях далекого востока.

Мы благополучно добрались до «Marie», подняли якорь и поплыли дальше, но наше движение вперед не отличалось быстротой. Утром бывал еще ветер, но к 11 часам он прекращался, тогда солнце нестерпимо пекло наши головы и спины, и нам оставалось только одно: устроить себе из парусов, накидок какую-нибудь защиту и лежать под ее прикрытием, спасаясь от солнечных лучей. Между двумя и тремя часами начинался легкий ветерок, паруса слегка надувались, прау медленно передвигалась вперед, но ветер усиливался, и мы шли хорошим ходом вперед; однако за целый день прошли только один Пенамбулай и утром очутились около его северной стороны.

Эта ночь надолго останется памятной нам. Днем был очень слабый ветер, который, как я сказал, лишь к вечеру усилился. Мы стояли на якорь и мирно спали. На небе было очень облачно; луна хотя и взошла и стояла высоко, но ее свет слабо проникал сквозь темную завесу туч, и только где-то далеко светилось и искрилось море под лучом луны, прорвавшимся из-за темных туч.

Около полуночи я проснулся от сильного ветра. Море было очень беспокойно, изредка блистали молнии, ветер свистел вокруг прау, и вся окрестность приняла зловещий оттенок. Я разбудил Мойтину и указал ему на волнующееся море; но капи-

Аруанские старшины — орган-кайя и оранг-туа — и др. туземцы

тан сказал мне, что это *angin barat*, западный ветер, что пока еще не страшно, и снова улегся спать. Я не мог уснуть, так как ветер крепчал с минуты на минуту, и волны подкидывали и раскачивали наше уютное суденышко. Мойтина проснулся, разбудил команду и велел поднимать якорь. Он сел около руля вместе с Абрамом и возле себя поставил коробку с компасом, сохранявшимся в нашей каюте и до тех пор еще ни разу не употреблявшимся в дело. Был поднят кливер и средний парус, а большой задний парус оставался крепко привязанным к реям. Освобожденная от якоря прау как птица понеслась по волнам. Мне казалось, что положение становится серьезным. Над нами висела тяжелая свинцовая туча, почти не пропускавшая бледного и неверного света луны, темное море волновалось, ветер свистел, было холодно, термометр упал до 15° Р. вместо обычных $20-22^{\circ}$.

Как изваяния сидели наши матросы, скорчившись и закрывшись своими саронгами. Никто не говорил ни слова, только в полумраке блестели огоньки их папирос. Изредка раздавалась команда капитана; тогда оживали неподвижные фигуры, в одно мгновение кидались к парусам, исполняя команду, и снова садились на свои места, укрываясь от непривычного холода. «*Magie*» кидало как мячик по волнам; мачты скрипели, и паруса надувались так, что того и гляди могли разорваться, и я уж вспомнил старую морскую поговорку: кто в море не бывал, тот горя не видал. Но буря продолжалась не долго. К рассвету ветер начал стихать, и волны хотя и вздымались еще высоко, но ярость их постепенно прекратилась.

Мы бросили якорь у северной оконечности Пенамбулая, в виду далекого Коброора на западе и островов Лола и Леер на севере.

Наступало рабочее время — отлив. Нужно было ехать к берегу, но поездка эта доставляла мало удовольствия, так как волны были еще слишком сильны для маленькой лодочки, и «Marie» не могла подойти близко к берегу. Я взял Ласани и Иеремиаса, и пока греб сильный бутонец, лодка исправно резала волны, и хотя ее кидало из стороны в сторону, все же она двигалась вперед вполне благополучно. Но Ласани скоро утомился, и на весла пересел слабый Иеремиас; у него не хватало ни сил, ни умения бороться с волнами, лодка переворачивалась бортом к волнам, они захлестывали ее, и, наполовину наполненная водой, она едва могла бороться с сердитым морем. Снова сел на весла бутонец, а мы в две раковины стали отливать воду из лодки и с большим трудом, но все же благополучно добрались до берега Пенамбулая. Характер этой северной части острова мало отличался от ее южной части: такая же безнадежно твердая горная порода без водорослей, те же песчаные отмели, а флора острова носила характер, близкий к другим островам, и великолепные цикасы росли в большом изобилии среди казуарин, панданусов и толстых кринумов. С такими же затруднениями доехали мы до «Marie», где после короткого отдыха и закуски нельзя было оставаться продолжительное время. Необходимо было спешить, пока еще не кончился отлив, к острову Лола, крайне интересному уже потому, что там были видны хижины аруанской деревни, дикой, мало подверженной влиянию европейской цивилизации.

Островок Лола состоит из таких же твердых горных пород, что и Пенамбулай, и в его отвесных стенах море выбило глубокие пещеры. Эти пещеры или заливаются водой, или брызги ее постоянно орошают каменные своды, и на них я нашел большое количество своеобразной растительности, целую формацию водоросли *Dictyota Valonia*, изящные *Anadyomene* и другие водоросли, обладающие способностью половину дня оставаться вне воды, довольствуясь лишь ее брызгами.

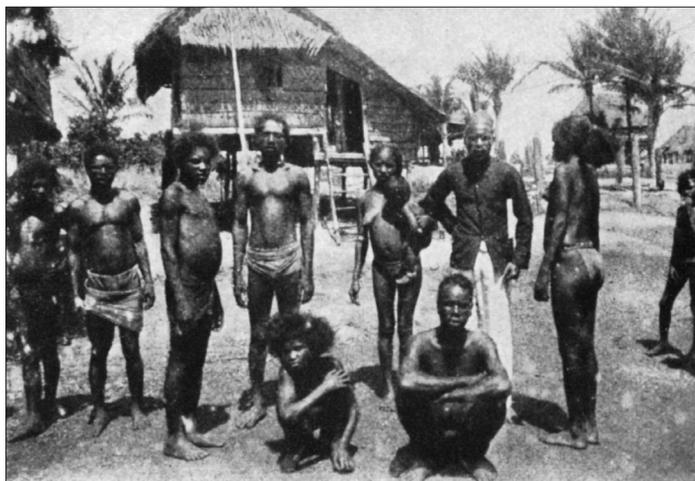
Оставив лодку около берега, я вместе с одним из матросов поднялся на высокий скалистый остров, где хижины туземцев стояли среди кокосовых пальм. Эта деревушка состояла из ряда хижин, построенных на высоких сваях; стены же их были сделаны из циновок, сплетенных из листьев саговой пальмы. Увидав такое редкое зрелище, как прибытие белого человека, аруанцы вышли из своих хижин, появился заспанный с ленивой походкой оранг-кайя и пришли улыбающиеся и вежливые китайцы. Они немедленно вступили со мной в беседу и взяли на себя

посредничество между мною и аруанцами. Я хотел достать различных вещей домашнего обихода аруанцев, а также луков и стрел, но лишь с трудом я получил за горсть табака и несколько кусков гамбира* небольшой лук и пучок стрел, сделанных из листьев саговой пальмы. Большого лука и стрел я так и не добился, хотя предлагал за него и табак, и деньги. Обращался я к ним также с просьбой понырять и достать мне растения со дна моря, но опять-таки без результата. Женщины сначала от меня прятались, но через несколько минут обошлись и стали боязливо выходить и останавливаться около своих жилищ. Я бы назвал их скорее малайками — одеты они были так же, как малайки, в саронги и длинные кофты; мужчины же были хорошего папуасского типа с роскошной шевелюрой, зачесанной назад и скрепленной кольцом; на их руках были надеты браслеты, а вокруг бедер обычный аруанский пояс из грязной красной тряпки. Мужчины были высоки ростом и хорошо сложены, женщины также не отличались безобразием, и вообще вся деревня производила впечатление известного благосостояния и сытости: не даром же там жили китайцы — значит, было что покупать и кому продавать.

Уже стемнело, когда я вернулся на «Marie», где, поужинав, мы отдыхали; но ночь снова была грозной — начинался дождь, который загонял нас в ящик-каюту, но и туда проникали потоки воды, не давая нам покоя почти всю ночь.

На следующее утро мы решили сделать экскурсию на берега Коброора, приблизительно в те места, где работал несколько лет тому назад Давыдов. Его описание богатства морской фауны побуждало меня ближе ознакомиться с прибрежными водами. Видневшиеся вдаль кокосовые пальмы указывали на присутствие кампонга, и я с одним из матросов, Иеремиасом, направился к нему. Немного не доезжая берега, я встретил лодку, в которой стоял человек малайского типа, одетый в куртку и брюки, а гребцами у него было несколько почти совсем голых мальчишек. Человек окликнул нас, и скоро между нами завязался оживленный разговор. Он отрекомендовался школьным учителем, при чем я не мог не выразить своего удивления. Как! В этой глуши, среди дикарей на Blakang Tanah уже есть учителя и школа!.. Учитель пригласил меня к себе в деревушку, называемую Варджукур (Wardjoe-koeg), и скоро мы пристали к скалисто-му берегу Коброора. Поднявшись по высеченным в скале ступеням, мы очутились в деревушке, в которой большинство домов на высоких сваях походило скорее на скворечники, чем на дома. Там жили аруанцы, а впереди всех стоял низкий дом без свай,

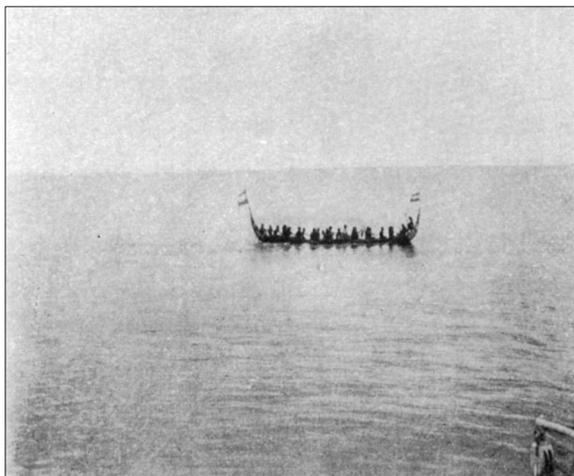
* Жевательная смесь.

Аруанцы с Блаканг-Таны

где помещалась школа и жил сам учитель — goeroh djamaat P. Metekohij, как он сам расписался в моей книжке, т. е. учитель-христианин П. Метекохий. Он был не один, вместе с ним жила и его жена, очень миловидное, еще совсем молодое существо, Nona Elisaeeth Metekohij.

Оба они были родом с острова Сапаруа, ближайшего соседа Амбона, где устроена учительская семинария, выпускающая учителей, разносящих цивилизацию по всем отдаленным уголкам Малайского архипелага. Бедный гуру получал всего 12 гульденов в месяц за свою работу и мечтал, как о большом удовольствии, совершить поездку в Добо. Хозяйка приготовила чай и, как знак особого внимания, подала консервированное молоко, привезенное из Швейцарии. Я подробно расспрашивал гуру о его учениках и ученицах, и он с большой похвалой отзывался о них, о их любви к занятиям, способностях и прилежании. Маленькие дикари уже читали и писали по-малайски, умели немного считать и, оставаясь язычниками, в качестве книги для чтения пользовались Библией. Дети не высказывали ни малейшей робости и доверчиво теснились около гуру и его жены, исполняя различные маленькие поручения. Я захотел сфотографировать их; моментально вся детвора исчезла и скоро вернулась, одетая в малайские костюмы — белую куртку и штаны; сняв их в таком параде, я попросил их предстать в обычном виде, и ребяташки опять из культурных мальчиков превратились в полудиких островитян. Взрослые не хотели сниматься: они говорили, что должны умереть, если их снимут; но, очевидно, страх смерти был не особенно велик, так как

Лодка аруанцев в открытом море

за пригоршню табака и гамбира они охотно позировали, и я снял с них три снимка. Варджукурцы произвели на меня самое приятное впечатление своей внешностью: как мужчины, так и женщины имели темно-шоколадный цвет кожи; великолепные пушистые волосы были тщательно убраны и причесаны; в них были воткнуты гребни; руки и ноги, особенно у женщин, были украшены браслетами, сделанными очень искусно из разных бисеринок; в ушах продеты серебряные серьги, причём у одного мальчика я насчитал до девяти серег в каждом ухе, отчего его ушная раковина почти пригибалась к щеке. Костюмы были очень примитивны — красный набедренный пояс и больше ничего, а у женщин вместо пояса целая система цепочек, поддерживающих небольшой кусок материи.

Молодые девушки и женщины носили на груди ожерелья, сделанные из таких же бисеринок, как и браслеты, а также из мелких раковин; эти ожерелья перекрещиваются на груди и переходят на спину. Женская половина поселения отличалась большой грацией и была весьма недурна собой, резко отличаясь от тех жалких полуобезьяньих существ, которых я после видел в Ванумбае. В сопровождении почтенного гуру я мог посмотреть дом, который стоял на высоких сваях; в стенах из пальмовых листьев и в крутой крыше были прорезаны окошки; крутая лестница без перил вела в дом, а сверху с крыш спускался ротанг, за который нужно было держаться, чтобы входить по лестнице. Этот дом принадлежал трем семьям. Пол для всех был общий, а по трем стенам шли загородки — род закровов, из которых каждый имел свой очаг и принадлежал одной семье.

Пол из пальмовых черешков скрипел и гнулся под моими обувными ногами, и хижина имела вид лишь временного убежища ночью и во время непогоды, так как вся жизнь проходила вне ее.

Я пригласил гуру и его жену на лодку пообедать. Они охотно согласились, и пока нона Елизавета пошла переодеться, я с гуру ходил по берегу собирать водоросли и гулял по кампонгу.

Немецкий зоолог Рихард Земон, посетивший в девяностых годах южный берег Новой Гвинеи, нашел там туземцев очень красивыми, а детей он даже называет папуасскими ангельчиками, ожидающими своего Рафаэля, чтобы изобразить их за их красоту. Он также указывает на сравнительно светлый цвет кожи и волос, которые никак нельзя назвать черными. Очевидно, что масса различных рас обитает на папуасских островах. Типы Уджира, Ванумбая, Мейкоора, Варджукура, Лола носят много своеобразного и имеют ряд резких отличий между собой.

В сопровождении тех же мальчиков, которых звали Malai, Alakwai, Magar и Lazagan (последнее имя не есть ли христианский Лазарь), мы доплыли до «Marie», где нашим гостям был предложен весь запас наших консервов и последние остатки вина. Ребятишки очень смиренно вели себя и были крайне довольны, получив от нас по сухарю. К сожалению, разговору мешало наше недостаточное знакомство с малайской речью; слова обихода уже вполне были усвоены нами, и я мог отдавать приказания на суше и на море, но вести длинные повествования еще не хватало знаний.

Посещение Варджукура было для меня крайне интересно. Я встретился с полудикими туземцами и с начатками их цивилизации. Первым пионером ее был учитель, близкий им по крови человек, к которому они чувствовали доверие. Этот учитель не был ни администратором, ни завоевателем, он был только другом населения, оказывавшим ему помощь. Конечно, подобный путь насаждения культуры заслуживает полного внимания, обнаруживая высокий колонизаторский талант голландского правительства.

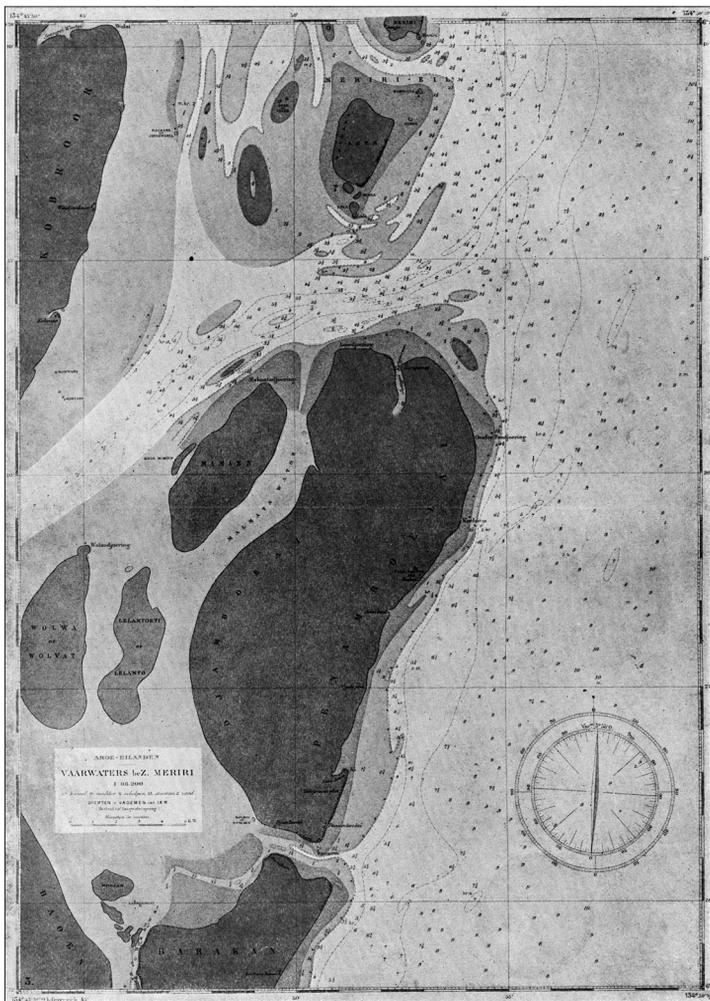
К большому сожалению, мой сбор растений и животных был очень незначителен. Я совершенно не мог видеть тех обнажений рифов, той массы раковин, о которой писал Давыдов, и думаю, что это несогласие в наших наблюдениях можно объяснить временем года: я был уже во время юго-восточного муссона, когда волны моря устремляются на восточный берег, заливая его на большое пространство, он же посетил в октябре Blakang Tanah, когда дует северо-западный муссон, сгоняющий воды с восточного берега и обнажающий дно на большое пространство.

Следующий день мы вертелись в заколдованном кругу — между островами Леер, Лола, Коброор и Мимин (см. карту), так

как ветер то надувал наши паруса, то снова падал, и мы оставались почти на одном месте; но наконец доползли в буквальном смысле этого слова до архипелага Магиги, где удалось сделать довольно много интересных наблюдений над разрушающей силой воды.

Архипелаг Магиги состоит из одного большого острова и целого ряда мелких, расположенных по круговой линии, напоминая собою кратер огромного вулкана; лучше сохранился его внешний край, в состав которого входят о-ва Леер, Марири и маленькие островки; хуже развитой и менее полной является его западная половина, от которой сохранились нередко крохотные островки в виде стогов сена.

Большие острова Магиги и Леер оканчиваются мысами, сильно вдающимися в море. Эти мысы разбиты продольными коридорами или узкими и высокими ущельями, тянущимися параллельными друг другу рядами с востока на запад. Стены этих коридоров сложены из ясного кораллового известняка, который показывает обломки кораллов, сцементированных известью и так же хорошо отличимых, как и современные живые кораллы; строение же основных частей островов Лола, Леер, Пенамбулай совершенно иное. Порода, их образующая, резко отличается от кораллового известняка. К сожалению, невероятная твердость породы лишила меня возможности взять с собой материал для исследования, а сама, как не геолог, не могу определить природу этой породы. Поэтому я очень осторожно все же позволю себе выразить предположение, что не весь Аруанский архипелаг кораллового происхождения. Несомненно, что некоторые части, мною замеченные, островов Пенамбулая, Марири иного — быть может, вулканического — происхождения или, быть может, такие же породы слагают и западные берега Новой Гвинеи, которая, согласно взгляду Уоллеса, была когда-то соединена с Аруанским архипелагом; это соединение было сравнительно недавно, быть может, на памяти первобытного человека, — недаром же аруанцы принимают морские проливы, отделяющие острова Tanah besaag, за реки, упорно называя их словом «sungei» или «sungit» и не признавая свою Tanah besaag за острова, а рассматривая ее как один материк. Уоллес предполагает, что эти реки — Ванумбай и Воркай, по его обозначению — являются лишь продолжением новогвинейских рек Утанамы и Вамук, хотя карта в книге Уоллеса «Малайский архипелаг» не вполне точна; направление рек и их обозначение несколько иное в действительности. Во всяком случае мнение об исключительно коралловом происхождении Аруанского архипелага мне кажется не вполне обоснованным.

Морская карта Блаканг-Таны около острова Марири

Но вернемся к тем удивительным траншеям, которые мы видели на острове Marigi. Наблюдения над работой моря развертывают перед нами одну из наиболее великолепных картин природы, когда она одной рукой разрушает мощные острова, превращая их в мелкие песчаные отмели, другой рукой создает новые острова, вносящие новую жизнь, новое разнообразие в общий ландшафт местности. Морские течения и волны, гонимые силой муссонов, непрестанно бьют в твердые известковые утесы, растворяют и разбивают цемент извести, соединяющий коралловый остов острова, разбивают и этот остов и измельча-

ют его в белоснежный песок, отлагающийся возле утесов, понижая глубину моря; наиболее твердые части пород держатся дольше под напором волн, мягкие уступают раньше; неравномерное разрушение берега образует систему коридоров и траншей, а если эта работа моря продолжается долгое время, то среди моря остаются те стогоподобные острова, которые я впервые видел между Баркаем и Пенамбулаем. Такова разрушающая сила моря; если волны и течения сильны, то они продолжают свою работу дальше, и на месте прежних островов распространяются песчаные отмели или песчаные банки. Но если море не слишком свирепо продолжает свою разрушительную работу, на развалинах старой жизни возникает новая. Под водой начинается работа коралловых полипов, строящих свои оригинальные леса и образующих огромные рифы; морские течения приносят с собой всегда много живого материала, готового пустить корни, если только ему удастся ощутить под собой какую-нибудь почву. Проростки мангровых, зерна цикасов, оригинальные плоды-поплавки баррингтоний, легкие шары, одетые волокнистой оболочкой, караппы, семена пальмы *Nira*, плоды панданусов и целый ряд других семян разносятся экваториальными течениями и прибываются в разнообразнейшие места, где только они могут оставаться в тихой заводи. Пионеры прибрежной растительности мангровые деревья, раньше описанные ризофоры, бругиеры и другие — первые получают возможность прорасти и своими корнями скрепить дно моря; между ними появляются другие растения, а растения привлекают с собой животный мир, и снова образуется остров, возникает новая жизнь.

И никогда этот процесс разрушения и созидания не бросался мне так в глаза, как на Малайском архипелаге *Magiri*, восточном форпосте Аруанского архипелага.

Острова *Magiri* обитаемы; мы видели далекий кампонг, но не располагали временем добраться до него. Мимо нас прошла нагруженная китайская прау, направлявшаяся в свой объезд к дикарям Новой Гвинеи. Часть островов *Magiri* покрыта кокосовыми насаждениями, принадлежащими богатому китайцу — капитану китайцев в Добо, другая же часть — еще первобытный лес, чрезвычайно богатый цикасами; здесь мне пришлось видеть наиболее развитые и высокие экземпляры этого интереснейшего дерева. Наши матросы сделали вновь запас воды, но вода была крайне подозрительного свойства. Даже кипяченая в чаю она имела настолько неприятный вкус, что было невозможно пить сладкий чай, и пришлось сократить питье этого лучшего из всех напитков до возможного минимума.

Добыча водорослей была не особенно обильна — слишком много песка и мало камней. Ветер стал благоприятен нам, и мы

пошли к северу, направляясь от островов Magiri прямо к архипелагу Jedan, или Djedan*, месту стоянки флота Баадилла, где, по словам Мойтины, было много кораллов, т. е. наиболее благоприятные условия для сбора водорослей. Вдали виднелись зеленые острова Каравейра, которые, однако, наши моряки упорно называли Карайрай и не хотели признавать за ними официального названия голландской морской карты.

Погода устанавливалась; днем между 11 и 3 мы изнывали от жары, почти не двигаясь с места, а утром и после трех часов шли средним ходом, оставляя позади себя островки за островками. Однообразие путешествия было нарушено сильным шумом в море, и мы увидели огромную морскую черепаху — катеругу, как ее называли малайцы, которая, как подводная лодка, плыла почти у самой поверхности воды, иногда поднимая свою голову и обнажая темно-желтую покрытую пятнами и полосами спину. Нам впоследствии неоднократно приходилось встречаться с такими катеругами, и всякий раз они вносили много оживления своими сильными и шумливыми движениями. Катеруга сильно преследуется охотниками в водах Аруанского моря, хотя не она, а другой вид черепахи более темного цвета доставляет драгоценные пластинки, идущие на черепаховые изделия.

Дюгонь снова выплыл где-то недалеко от нашей лодки и быстро нырнул, увидав такого неприятного соседа. Наступила ночь. Небо покрылось облаками, ветер крепчал, и мы шли хорошим ходом, повинуясь указаниям компаса, на который внимательно смотрел Мойтина и сменявший его Абрам. На небе было темно; ни звезд, ни луны, поздно всходящей в то время, не было видно, зато море горело и светилось миллионами огней: то микроскопические существа — ноктилюки, перидинеи и другие обитатели моря — зажгли свои фосфорические фонарики. Планктонная сетка, закинутая в море, быстро набрала целую массу светящихся организмов, которые продолжали издавать свет и в пробирке с водой, пока не были убиты спиртом.

Поверхность моря то погасала и оставалась совершенно темной, то вдруг загоралась или отдельными звездочками, или целыми сплошными полосами.

Незаметно добрались мы до Djedan'a, и когда рассвело, мы увидели целый лес мачт, колыхавшихся около одного небольшого острова. Здесь мы сделали остановку: я с одним из матросов направился в море искать водорослей, а другие матросы поехали к кораблям Баадилла, соскучившись, очевидно, долгим путешествием и отсутствием новостей.

* Джедан.

Действительно, морское дно возле Djedan'a было полно кораллов; среди них мне пришлось собрать много водорослей, но гораздо интереснее был животный мир. Огромнейшие голотурии, чуть ли не в аршин величиной, кораллового цвета, серые с красными кольцами, копошились на песке между кораллами; синие морские звезды обыкновенной шестилучевой формы во множестве встречались среди кораллового леса; кроме них, попадались еще другие звезды в виде кубышки с пятью короткими руками, толстые и массивные, как какие-нибудь пироги; морские ежи разнообразнейшей формы, среди которых черный еж диадема с длиннейшими иглами, уколы которых причиняют очень болезненное ощущение, шевелил своим страшным оружием, сидя где-нибудь среди веток кораллов; масса раковин выглядывала из песка, среди которых знакомые по Яванскому морю тридакны выделялись своей величиной, а молотки маллеусы — оригинальной формой. С большой животной добычей вернулся я на лодку, и мы скоро подняли паруса, направляясь к самому северу архипелага и огибая его конечный остров Варилау.

Эту часть пути пришлось сделать ночью при сильном ветре, почти буре, и темном, мрачном небе; на рассвете подходили мы уже к острову Уджир, или Удбир, одному из наиболее крупных островов западной части Аруанского архипелага.

Днем накануне, когда еще мы шли к группе островов Djedan, на востоке были ясно видны очертания высокого берега Новой Гвинеи. Наши матросы говорили, что это Роруа, Земля Буру-Буру, где живут злые, нехорошие люди, где «orang makan orang», человек ест человека, т. е. живут людоеды. Они говорили, что туда всего один день пути, и мы могли бы пристать к этим таинственным берегам. В сильный бинокль ясно были видны очертания берега и какой-то высокий горный хребет, терявшийся в туманной дали. Трудно передать то волнение, которое охватило нас при виде этой далекой земли, где, говорят, есть горы высотой до 5 верст или более, покрытые вечными снегами, — той земли, которая не видала ни одного европейца внутри своих глухих лесов. Но мы боялись опоздать к пароходу и не могли даже подъехать ближе к этим заманчивым берегам. Я думаю, что слова матросов относились к жителям глухих дебрей Новой Гвинеи. Береговая линия ее уже хорошо обследована; на крайнем западе голландская колония Факфак пользуется хорошей репутацией в климатическом отношении и быстро растет и заселяется; на юго-западе Мерауке является центром голландского влияния, и в настоящее время совершенно невозможны такие трагические случаи, которые имели место в 1900 году, когда два офицера и несколько матросов с парохода

«General Pel», высадившиеся на берегу приблизительно около Мерауке, были убиты и съедены туземцами. В Мерауке даже имеет быть открыто, если не открыто теперь, отделение Ботанического сада Бейтензорга, но голландцам приходится бороться с одним страшным врагом — убийственным климатом и свирепыми лихорадками, поражающими непривычных европейцев на этом низменном болотистом берегу.

Очень больших усилий стоило нам воздержаться от поездки к берегам Новой Гвинеи, и мы прошли дальше, унося в своей памяти те очертания гор, которые так привлекали нас к себе.

Возвращаюсь к острову Уджир. На Уджире есть большое селение, где живут аруанцы-магометане. Лес кокосовых пальм растет на берегу острова. Я съехал туда на лодке, чтобы ознакомиться с природой этого острова и половить водорослей среди коралловых садов, просвечивающих сквозь прозрачную, чистую воду.

На берегу я встретил оживление. Несколько человек возились с саговой пальмой, составляющей главную пищу аруанцев. Они срубили ствол и выскребли из него сердцевину, которую завертывали в пальмовые листья, отправляя в деревню, где эта сырая сердцевина должна была подвергнуться дальнейшей очистке. Масса бабочек летала кругом. К знакомым уже с Вамара формам прибавилось много новых. На деревьях сидели красные и зеленые попугаи, и красавцы белые какаду поодиночке и небольшими стайками перелетали с поляны на поляну. На берегу какие-то типы тащили большую черепаху — катеругу, которую я приобрел за гульден; ее удалось счастливо довести живой до Бейтензорга. На море было также большое изобилие водорослей. Мойтина, поехавший со мной в лодке, оказался великолепным ныряльщиком. Без усталости кидался он в море и с большой глубины доставал мне коралловые камни, живо интересуясь моими сборами. Я достал там немало интересного материала, среди которого попалась оригинальная каулерпа в виде длинной нити — очевидно, одна из простейших форм этого рода; немало было найдено изящной известковой *Neomeris*, *Bornetella* на молодых стадиях развития и ряд других водорослей, составивших предмет моего научного исследования. Как и в прежние разы, коралловые камни и ветви кораллов были полны животных, среди которых блистали своими необыкновенно яркими красками морские черви — гефпреи и были добыты морские лилии, оригинальные иглокожие, вымирающая группа, предки которых массами встречались в прежних геологических отложениях земли.

К нашей лодке подъехало несколько местных жителей, тип которых резко отличался от блакангтанцев и носил несколько

малайские черты, что объясняется легко тем, что острова Уджир и Вамар служили первым пунктом остановки бугисов, макассарцев и других западных малайцев, с незапамятных времен посещавших эти острова. Приехал старый неопрятный человек, малаец или араб, который называл себя учителем-мусульманином — имамом. Он променял нам черепашки яйца и прелестные раковины одного из видов сургаеа на чай, табак и сахар, а у аруанцев был приобретен небольшой лук и стрелы за те же товары.

Уджир был последней нашей остановкой перед Добо. Нужно было спешить туда, так как, согласно официальному расписанию, пароход из Австралии должен был прийти в Добо на следующий день, и нам приходилось очень торопиться, чтобы уложиться и устроить все свои дела.

Поздно вечером прибыли мы в Добо и остались ночевать на нашей «Marie», бросив якорь на добоанском рейде. Первое, что бросилось нам в глаза, были флаги и фонарики, украшавшие мачты судов. Нидерландцы дождались наконец рождения наследницы престола и радовались этому событию даже в таком отдаленном от метрополии уголке.

На берегу нас утешили известием, что наши опасения относительно отхода парохода напрасны. Если пароход опаздывает прибытием на неделю, то это считается нормальным, и все говорят, что он пришел вовремя, а опоздание считается уже спустя недельный срок сравнительно с расписанием.

Эту неделю мы решили использовать на дальнейшее ознакомление с островами, на поездку в деревню Ванумбай, где 50 лет тому назад жил знаменитый Уоллес, где производил свои исследования и Давыдов.

Глава XI

Ванумбай, снова Добо

Ванумбай лежит на острове Коброоре, недалеко от устья реки Ванумбая. Впрочем, трудно сказать, где собственно находится этот Ванумбай, так как Ванумбаем называется целый ряд поселений на коброорском берегу реки Ванумбая. Уоллес на своей карте изображает реку Вателай, отделяющую Вокан (Вокам) от Мейкоора. В сунгит Вателай впадает какая-то речка, в верховьях которой расположено селение Ванумбай. Однако современная карта этой местности дает иное взаимное расположение островов архипелага. То, что Уоллес называл Мейкоором, на самом деле есть Коброор, пролив Вателай есть пролив Ванумбай, а уоллесовский Коброор состоит из Мейкоора, Кобы и Трангана. Ванумбай Уоллеса, согласно его описанию, находился на расстоянии двух часов ходьбы от берега; Ванумбай на карте лежит на самом берегу пролива. Так же описывает его положение Давыдов, определенно говоря, что деревушка Ванумбай — то самое селение, в котором жил Уоллес во время путешествия по Аруанским островам.

На следующий же день, не выгружая наших вещей с «Marie», мы пустились снова в плавание по той же дороге, по которой проходили эту часть моря на яхте контролера. На этот раз плавание было не особенно удачно: дул противный ветер, и нам приходилось долго плавать взад и вперед, чтобы боковым противным ветром подвигаться к цели нашего путешествия.

Прошло уже много часов после нашего выезда в Добо, а все мы никак не могли пересечь линию острова Pulu Vabi и добраться до Ванумбайского пролива.

Наконец, ветер слегка переменялся, и мы пошли на юго-восток, где виднелся низкий зеленый берег, поросший лесом.

Большая черепаха проплыла около самой лодки, а недалеко от берега выскочило из моря чудовище — огромный скат, кото-

рого называют то морским чертом, то морским ангелом за его широкие крыловидные поправки. Скат был очень большой величины, каких мне не приходилось видеть в зоологических музеях различных городов Европейской России. Его широкое тело оканчивалось длиннейшим тонким хвостом, который так странно было видеть у этой широкой рыбы. С большим шумом шлепнулось чудовище в море и исчезло из глаз.

Было почти совсем темно, когда мы вошли в пролив Ванумбай, минуя несколько крошечных островков, расположенных в устье пролива. Пройдя некоторое время дальше, мы спустили паруса и бросили якорь в виду деревушки, расположенной на берегу пролива в неглубокой бухте. На наши крики скоро услышали мы ответ, и к «Marie» подошла лодка оранг-кайи Ванумбая, приехавшего к нам в сопровождении нескольких туземцев. Мне было крайне интересно собрать сведения относительно европейских путешественников, посещавших раньше Ванумбай, но сам оранг-кайя не мог рассказать о них подробно. Он сообщил, что недавно на весь Ванумбай напала страшная болезнь, по всем описаниям оспа, от которой вымерло почти все население Ванумбая. Из нескольких сот человек осталось в живых только 15–20 семей, которые перенесли свои хижины на другое место. Во время этой болезни умерли и два старика-караа (голова, старшины), Камис и Мелоко, которые хорошо помнили белого человека, давным-давно бывшего в Ванумбае.

Память об Уоллесе до сих пор еще свежа у ванумбайцев, и все последующие посещения европейцев не изгладили того впечатления, которое произвел на них этот первый белый гость, которого они считали скорее за божество, чем за обыкновенного человека. Оранг-кайя сказал нам, что недалеко от их селения живет белый человек, который покупает у них всяких птиц и животных и держит их в клетках. Мне матросы объяснили, что этот оранг* из Англии, а после я узнал, что в Ванумбае живет коллектор Британского музея, с которым я и познакомился на другой день. Мы наградили как могли — табаком, гамбиром и другими предметами нашего гостя и просили его завтра утром снова посетить нас, чтобы идти в глубь острова осмотреть гнезда джангуля — птицы, строящей огромные земляные пирамиды, куда откладывают яйца целые поколения этих птиц.

Было совершенно темно, когда оранг-кайя уехал в деревню, и мы легли спать, приготовляясь к завтрашнему дню. Но заснуть было невозможно: над нами раскинулось шатром звездное небо, усеянное мириадами звезд, которые искрились и сверкали

* Человек (*мал.*).

среди темного, почти черного небесного свода. Никогда, кажется, я не видел большего блеска звезд, никогда нельзя было разобрать больших подробностей на небесном своде, чем в эту темную тропическую ночь. Все огни кругом были погашены. Вблизи не было никакого поселения, огни которого бросали бы свое зарево на небесный свод, понижая яркость его звезд.

Ярко светились перлы небесного свода — Сириус, звезды Центавра горели, и переливался нежным блеском Южный Крест; Млечный путь, как светлая река, растекался по небу; Большая Медведица опрокинулась и показывала на далекий север; загадочные Магеллановы облака представляли мало знакомую интересную картину, а над самой головой ярче всех блистал Юпитер. Еле-еле колыхалась наша прау от слабого ветерка, и весь звездный свод отражался в воде то в виде светлых точек, то в виде дрожащих линий.

Очарованный всей этой неизъяснимо-прекрасной картиной, я заснул, но часто просыпался ночью, чтобы проследить изменения в положении светил и еще раз полюбоваться красотой звезд.

Настало утро, и около «Magie» уже очутился оранг-кайя. Мы поехали вместе с ним на берег и вышли около деревни Ванумбай. Эта деревня представляла собой кучу жалких хижин, каких-то черных и особенно грязных, значительно меньших и более низких, чем хижины в Варджукуре или на Лола. Их обитатели, альфуры, почти совершенно черные, невысокого роста, с великолепной шевелюрой, боязливо озирались на пришедших; женщины прятались по углам хижины, и те, которых мы видели, ходили больше на обезьян, чем на прекрасную половину человеческого рода. Маленькие, тощие, лишенные женственной прелести и грации, они чрезвычайно сильно отличались от стройных красавиц Варджукура прежде всего цветом своей кожи, несравненно более темным, чем у блакангтанцев.

Жители Ванумбая, Блаканг Таны, Уджира — все это, несомненно, особые племена, происхождение которых остается далеко не ясным, но отличия между ними слишком велики и вряд ли могут объясняться географическими условиями. Скорее, примесь другой крови должна была играть тут главную роль.

Собрав около себя порядочную толпу народа, мы двинулись сначала вдоль берега пролива, а потом пошли вверх по течению реки, порожистой и мелкой, которая текла по каменистому дну в берегах из кораллового известняка. Растительность по берегу этой реки была не особенно мощно развита. Масса высоких травянистых растений — эллетарий, тапейнохиллусов и других имбирных — образовывала целые заросли; большое количество

эпифитных папоротников из рода *Platyserium* свешивалось с деревьев. Мы шли то по болотистому берегу реки, то по каменистому ложу ее около часа, наконец свернули в сторону и стали пробираться по чаще среди деревьев и зарослей трав. Наконец дошли до какого-то изрядного холма, уже ползаросшего лесом, вроде тех курганов, которые находятся в степи и лесах. Этот курган и был гнездо камура, той птицы, о которой я выше говорил. Камур (*Talegallus*) — довольно большая птица черного цвета с желтыми ногами. Ее гнезда являются социальными сооружениями, куда откладывают свои яйца много поколений этих птиц. Положив их туда и засыпав землей, камур не заботится о своем потомстве, предоставляя лучам солнца согреть их и вылуплять птенцов, которые, лишь только выйдут на свет Божий из своей земной колыбели, должны сами заботиться о себе и добывать себе пропитание. Туземцы очень любят лакомиться яйцами камуров и родственных им джангулей и нещадно истребляют этих птиц, постройки которых переживут, несомненно, их строителей. Ознакомившись с этими удивительными птичьими сооружениями, мы пошли другой дорогой, мимо каких-то отдельных хижин и садов, или лучше огородов, туземцев. Эти сады-кебоны* обнесены заборами и в них культивируется сахарный тростник, доставляющий любимое лакомство туземцам, и корнеплоды, уже известные нам оби и клади. (*Calocasia* и *Caladium*) Плодовых деревьев я не видал в культуре у аруанцев; их пищу составляет по преимуществу саго, к которому присоединяется все то, что найдет аруанец в лесу, на берегу моря и в самом море.

Не имея такого заработка, как жители Блаканг Таны, ванумбайцы часто голодают и вообще влачат более жалкий и примитивный образ жизни, чем их восточные родичи.

Вернувшись с экскурсии, мы взошли на прау и пошли по проливу, чтобы ознакомиться с ним ближе. Действительно, пролив настолько похож на реку, что совершенно забываешь и соленость его воды, и его открытое сообщение с морем. Высокие берега островов Вокама и Коброора покрыты густыми лесами; на низких отмелях растут обильные заросли мангровых деревьев, придавая очень живописный характер берегам пролива. Пройдя около часа вверх по проливу, мы бросили якорь около высокого крутого берега, где виднелось несколько домиков аруанцев. Там и приезжий англичанин выстроил свою хижину — рума** — и разбил около нее палатку.

Взобравшись по крутому берегу наверх, мы пошли к англича-

* Слово кебон по-малайски означает сад.

** Дом (*мал.*)

нину, у которого могли познакомиться чуть ли не со всей фауной птиц и млекопитающих Ару.

Среди его собраний особенного внимания заслуживали райские птицы. Их было несколько видов; но в то время самцы не носили брачного оперения и все птицы были еще молодыми, поэтому не поражали роскошью своего наряда.

Зато чрезвычайно интересен был черный какаду, *Microglossum atterimum* — алькай, как его зовут туземцы. Это — довольно большая птица черного цвета с непропорционально развитой головой, ярко-красными щеками и мощным, загнутым крючком клювом. Уоллес подробно рассказывает о том, как этот алькай питается орехами канариевого дерева, которые настолько тверды, что могут быть разбиты только ударами молотка. Алькай своим клювом разрезывает скорлупу ореха, обламывает ее кусок за куском и согнутым отрезком клюва добывает вкусное ядрышко.

Разнообразнейшие попугаи, голуби, сороки, мелкие птички сидели в клетках у англичанина, задачу которого составляло приучать их к неволе и к питанию той пищей, которую можно достать в Европе. Особенно много затруднений было с райскими птицами, отказывавшимися получать иную пищу, кроме личинок насекомых.

Тут же были и молодые казуары, древесные кенгуру и кускусы. Налюбовавшись всеми этими животными, мы пошли дальше в лес и скоро пришли к небольшому ручью, каскадами спадавшему сверху. Матросы начали купаться, мы же увлеклись охотой за бабочками, летавшими в большом изобилии между деревьями.

На обратном пути к лодке я приобрел за гульден двух кускусов, оригинальных сумчатых животных, характерных для Молуккских островов и папуасской области. Один, которого матросы звали *cuscus tua*, т. е. старый кускус, был величиной с большую кошку. Это был сердитый, нелюдимый зверь; он все время сидел, прижавшись в угол своей клетки, и выражал крайнее раздражение, когда я к нему приближался. Он очень охотно ел рис и плоды, но живым ни его, ни другой экземпляр, *cuscus muda*, молодого кускуса, мне не удалось довести до Бейтензорга. Маленький кускус был в противоположность большому очень кротким и ласковым зверьком: он беспрестанно лез на руки, стараясь залезть в рукав, ел из рук, ласкался и обнаруживал все задатки будущего ручного животного; но и он погиб около Сурабайи, должно быть, от недосмотра служителя, ухаживающего за ним.

В Ванумбае мне удалось достать лук и стрелы. Лук был средней величины, ему соответствовали и стрелы; как и на *Blakang Tanah*, так и здесь получить это оружие стоило больших хлопот,

и я, если не ошибаюсь, заплатил за него больше гульдена.

Возвращение в Добо произошло без особых затруднений, хотя ветер не хотел баловать нас и на небольшой переход ушел почти весь день.

Наша экскурсия была окончена и оставалось только дожидаться парохода из Австралии, чтобы вернуться с ним домой, т. е. в Бейтензорг.

Сравнивая свои впечатления, полученные из этой поездки, с воспоминаниями других путешественников — Уоллеса и Давыдова, приходится признать, что за последние шесть лет в жизни архипелага произошли несравненно более значительные изменения, чем за то пятидесятилетие, которое отделяло поездки Уоллеса и Давыдова.

Мы ничего не слыхали о морских разбойниках; население кампонгов с трудом могло продать луки и стрелы, которых Давыдов привез с собой целые вороха; в самых глухих дебрях Блаканг Таны вместо дикой междоусобной войны, которую застал Давыдов, мы встретили мирную проповедь учителя; торговля опиумом и спиртом, губившая население, стала достоянием истории, и мошенники и пираты Добо превратились в мирных граждан, вежливо стоявших у дверей открытой комнаты, не решаясь войти туда без приглашения хозяев.

Успехи цивилизации, конечно, проявили себя и с другой стороны. Райские птицы и казуары Ару, его лучшее украшение, стали истребляться в большом количестве. В Добо появились не только, как раньше, китайские, но и европейские скупщики, платящие очень большую сумму — 25 гульденов — за экземпляр.

Так же деятельно истребляются черепахи, а жемчужницы вылавливаются с такой поразительной энергией, что лет через десять богатейшие ловли Блаканг Таны перестанут окупать расходы по содержанию флотов и водолазов. Тогда закончится цветущий период аруанской истории, флоты уйдут, а вместе с ними уйдет и пришлый элемент, создающий новую жизнь на островах; останутся лишь одни туземцы и их постоянные спутники — китайцы и бугисы. Но отношения между ними будут иные, и аруанцы, достигнув сами известной высоты развития, быть может, превратятся в такой же культурный народ, как и их западные соседи — малайские племена.

В настоящее время Добо растет не по дням, а по часам; уже негде строить новые хижины, так как Добо подходит к болоту, делающему его климат не вполне здоровым. Контролер дю-Клу очень озабочен судьбой Добо. Он представил высшей администрации проект о перенесении столицы Ару с острова Вамара на Мейкоор, недалеко от берега Ванумбая, где твердый грунт позволяет поселению разрастаться дальше в глубь, сколь-

ко будет нужно. Кажется, проект контролера встретил одобрение у амбонского резидента, и, быть может, Добо на Вамаре доживает свои последние дни и останется по-прежнему бугисско-китайской деревушкой, а на Мейкооре вырастет большой новый центр Аруанского архипелага.

По возвращении в Добо мы разобрали и привели в порядок наши коллекции и были готовы каждую минуту покинуть столицу Папуасии, но судьба над нами смеялась. *Karal deri Australia**, которым мы бредили наяву, все не приходил и не приходил. Наше положение было очень неприятно. Пароход мог прийти каждый час, поэтому мы не могли никуда отлучиться в дальнюю экскурсию, оставаться же дома было невыносимо скучно — наш сосед миллиард не давал покоя с вечера, а японско-китайское население Добо не было достаточно разнообразно, чтобы давать пищу для продолжительных наблюдений. Контролер уехал, но мы не остались без знакомых: господин Шмидт из Макасара и его компаньон молодой француз, англичане *Celebes Company*, наконец молодой Баадилла навещали нас, а у Шмидта имелась даже небольшая библиотека французских и немецких романов, чтением которых мы сокращали вечерние часы. От англичанина я получил в подарок великолепную коллекцию горгоний, близких к кораллам полипов, собранную на большой глубине 200–300 метров. Эта прекрасная коллекция украшает теперь зоологический музей Харьковского университета.

В Добо царило оживление — постоянно приходили суда с Блаканг Таны, нагруженные жемчужными раковинами; заходили и аруанцы на своих прау, и как-то странно бывало видеть этих почти совсем раздетых людей, боязливой походкой, гуськом переходящих из лавки в лавку. Раз я видел, как аруанцы грузили на свою прау самые большие драгоценности — огромные медные гонги и пожелтевшие от времени слоновьи клыки. Как странно, что именно слоновья кость служит мерилем благосостояния аруанцев.

Они привезли с собой большое количество трепангов, которые затем были выставлены в течение нескольких дней на улице, где сушились под лучами солнца.

Ловкие китайцы крепко держали аруанцев в своих руках. Они давали доверчивым дикарям товар в кредит, записывали, сколько катти** жемчужниц должен был доставить аруанец за взятую красную материю, безделушки и, главным образом, за опиум и водку. И, конечно, аруанец всегда оставался в долгу у китайца до самой смерти своей. Долг отца переходил на сына

* Корабль из Австралии (*мал.*).

** Катти — мера веса, около 2 ф. (*прим. автора*).

и внука, и когда контролер дю-Клу взял в свои руки управление островами Ару, он застал почти все население сплошь закабаленным китайцами на много лет без надежды когда-либо выплатить свой долг. Энергичный администратор стал на сторону диких и наивных аруанцев и провел два постановления, в корень изменившие отношения между китайцами и аруанцами: были уничтожены обязательства уплаты долгов за родителей и запрещена под угрозой непомерного штрафа торговля опиумом и водкой. Аруанцы получили в свое пользование море до глубины 7 морских футов, т.е. почти 13 метров, глубже чего вряд ли они могли нырять без особых водолазных приспособлений. Школы стали проникать во все уголки Аруанского архипелага; междоусобные войны были прекращены, и всякие попытки пиратства были уничтожены присутствием паровой яхты, на борте которой находилось всегда несколько человек вооруженной команды. Теперь для аруанцев открыто поле постепенного развития, и, надо полагать, что папуасская раса, создавшая смелых мореходов и кораблестроителей, какими славится остров Кай, имевшая свою первобытную культуру, сказавшуюся в приготовлении оружия, украшений и т.п., не остановится на точке замерзания, не вымрет от соприкосновения с высшей культурой, а пойдет по пути прогресса под управлением гуманной и дальновидной политики голландцев.

Глава XII

*Возвращение домой.
От Добо до Нагасаки*

На девятый день нашего сидения в Добо, рано утром, еще до рассвета, мой товарищ вошел в нашу комнату с радостным возгласом: «Корабль из Австралии!». Я моментально вскочил со своего кресла и побежал на песчаную отмель. Действительно, из-за мыса с маяком выходил мощный контур парохода, сияющий огнями. Скоро он уже стоял на якоре около Добо, и мы грузили на него свои вещи. Пароход был переполнен пассажирами и багажом, и нам с билетами первого класса пришлось поместиться на палубе и спать на тех же креслах, которые служили нам во время аруанского путешествия. Пароход вез на Яву продукты Австралии: консервы, плоды — груши, яблоки, виноград, массу прекраснейших молочных коров, лес и другие материалы.

На борте этого парохода, который носил имя «Le Maïge», мы встретили нашего третьего товарища, уехавшего от нас в Австралию еще из Бейтензорга.

Правильные рейсы между Австралией и Явой начались всего с января 1909 года и сразу сопровождались таким успехом, что администрация Raketvaart'a заказала четыре новых больших парохода в придачу к двум курсирующим между Батавией и Мельбурном.

«Le Maïge» простоял в Добо недолго. Погрузив бесчисленное количество ящиков с перламутром, он поднял якорь, и мы простились с Добо и Аруанскими островами, унося неизгладимое впечатление о полном своеобразной прелести путешествии на маленькой прау «Marie» в обществе простых темнокожих людей. Казалось, если бы была возможность, никогда бы не окончили мы этого путешествия, стремясь все дальше, в новые страны, почерпая в общении с природой силу и высшее наслаждение, которое только может ощущать разумное существо.

Пароходы австралийской линии не останавливаются нигде, кроме Макасара, на всем пути между Добо и Сурабаей. Морское путешествие продолжалось без особых приключений. Капитан, еще молодой человек, очень любезно встретил нас и разрешил держать наш зверинец — двух кускусов и катеругу — на палубе. Он подарил мне палицу с берегов Новой Гвинеи, от племени какаяя. Эта палица состояла из деревянного древка, сделанного из какого-то твердейшего дерева, на которое насажен правильно обточенный камень. На окружности камня сделаны были зубцы, выкрашенные попеременно в белый и красный цвет. Удар этим оружием должен быть ужасен по своей силе, и, конечно, голова противника должна была разлететься вдребезги, если бы удар был направлен сильной рукой.

Через несколько дней пути мы пришли в Макаassar, где провели дня полтора, стараясь пополнить по возможности наше знакомство с этим интересным островом.

Оставался последний переход Макасар — Сурабая, и мы — на Яве, которую уже привыкли считать за родную страну. Переход сошел благополучно, если не считать небольшого огорчения, которое причинили мне мои зверьки. «*Toean, cuscus toea mati*», — сказал мне однажды служитель, которому был поручен уход за животными, а через день я услышал: «*Toean, cuscus ketjil mati*», т. е. господин, кускус старый умер, кускус маленький умер. Бедные зверьки не доехали до Бейтензорга и были выброшены в море. Наш пароход, однако, не пошел на Сурабаю, а должен был пройти сначала дальше на юг, в местечко Пасуруан, лежащее на южном берегу Мадурского пролива. Рейд Пасуруана очень мелок, поэтому пароход останавливается в нескольких верстах от города. С парохода была спущена моторная лодка, куда сели пассажиры; около нее, как галки около хищной птицы, кружились легкие лодки с большими парусами местных жителей, малайцев, очевидно, они были уверены, что без их участия дело не обойдется. Сначала моторная лодка, гордо отказавшись от их услуг, быстро пошла к берегу, но вдруг ее бег остановился на всем ходу — испортилась машина. Моментально нас окружили парусники, предлагая пассажирам довести их до берега; многие нетерпеливые англичане действительно пересели на лодки и в одно мгновение умчались к берегу, другие же стали ждать починки катера. Простояв некоторое время, мы кое-как исправили машину и двинулись вперед. Наступало время отлива, загруженная лодка не могла идти по мелкому морю и скоро села на мель. Потребовалась вторичная помощь лодочников, снявших большую часть багажа и почти всех остальных пассажиров, и только тогда шлюпка дошла до пристани.

Пасуруан – обычный маленький городок Явы, отчасти напоминающий небольшие уездные городки средней России, с торговыми рядами около вокзала и обычными туземными кварталами, еле видными среди густой зелени деревьев, и грязными мловонными китайскими улицами, лишенными какой-либо растительности. Нам не пришлось долго оставаться в Пасуруане – скоро пришел поезд с востока Явы, и мы заняли места, направляясь в Сурабаю, откуда уже должны были пересечь вторично Яву, на этот раз с востока на запад, чтобы возвратиться в Бейтензорг. Усталые от далекого путешествия, мы нигде между Сурабаей и Бейтензоргом не останавливались, и после двухдневного пути были наконец дома, в отеле «Belle Vue».

Нам оставалось немного времени пробыть в Бейтензорге, так как пароход «Rumphius» отходил через несколько дней в Сингапур, где мы должны были сесть на пароход Северо-Германского Ллойда, чтобы добраться до Японии. Из моих сборов я отдал живую черепаху в зоологический музей Бейтензорга, а хранитель музея, любезный майор Овен, дал мне взамен большую коллекцию пресмыкающихся Явы, которую я передал харьковскому зоологическому музею. В Бейтензорге я узнал грустную новость: директор сада, проф. Трейб, сказал мне, что он должен оставить свое место из-за принципиальных разногласий с генерал-губернатором. Его отставка уже принята, и с 1-го октября он покинет Яву, где прожил около 30 лет. Бейтензорг и его научные учреждения лишаются своей души. Найдется ли другой человек, который бы мог вложить в дело столько энергии и таланта, как этот выдающийся ученый и администратор. Не долго прожил Трейб без любимого дела, и в половине октября прошлого года скоростижно скончался в своей вилле на юге Франции.

Закончив все дела в Бейтензорге, мы направились в Батавию, чтобы сесть на пароход «Rumphius». Этот пароход изготовлен специально для перевозки туристов из Батавии в Сингапур и обратно и отделан с поразительным вкусом и изяществом. На стенах его столовой изображены картины из сочинения знаменитого исследователя Малайского архипелага XVII века Румфиуса. Быстроходный, «Rumphius» пробегает все расстояние от Батавии до Сингапура всего в 42 часа. Он вышел из Танджунг-Приока уже далеко после двенадцати часов дня. Быстро рассекал пароход зеленые волны Яванского моря, берега Явы удалялись от нас все больше и больше; выросли во всей красе мощные контуры Салака и Геде, уже не как таинственные незнакомцы, а как дорогие друзья, с которыми так трудно было расстаться. Вот «Тысяча островов», где море впервые рассказало нам о своей жизни, показало, что скрывает оно в своих коралловых лесах

и на белом коралловом песке. Все дальше уходил «Rumphius», вулканы и другие горы Явы стали покрываться дымкой, контуры их все более сливались с небом и нависшими облаками, и скоро изумрудный остров Ява исчез из наших глаз.

Вряд ли когда-либо придется еще раз увидеть эти места и снова пережить те ощущения, которые навеивает эта чарующая и вместе с тем мощная тропическая природа. Незгладимое впечатление от нее останется, конечно, на всю жизнь, как одно из лучших воспоминаний.

Пароход шел вблизи Суматры, останавливался он только на короткое время около небольшой группы островов Банка, лежащих у восточного берега Суматры. Острова отделяются от Суматры узким проливом, а против селения Мутока на Банка впадает в пролив река Муси, служащая одним из важных путей внутрь Суматры к городу Палембангу и дальше в западную часть острова к городу Бенкулену. Низкий берег Суматры, покрытый мангровыми зарослями и непроходимыми джунглями, останется из-за своего вредного климата еще долгое время незаселенным и избежит культурного влияния.

Миновав острова, пароход скоро достигает архипелага Линга, находящегося на самом экваторе, и идет все время между целой массой островков Риоу*. Такими шхерами доходим мы до Сингапура, этого ключа к восточным морям. Велика была проницательность английского губернатора Стэмфорда Раффлза (Raffles), купившего остров у дикого султана Джохора** за небольшую единовременную сумму денег и пожизненную пенсию, чем то, которое занимает Сингапур, мимо которого лежит путь с запада на дальний восток. Он является истинным ключом дальнего востока, и рост его вполне соответствует его значению. Вскоре после присоединения острова к английским владениям число его жителей было уже 13 тысяч, в шестидесятых годах уже около 90 тыс., а теперь значительно более 200 тыс. Ряд лесистых островков лежит перед Сингапуром, и на одном из них приютилась малайская деревенька, построенная на сваях, населенная рыбаками. Эта деревенька говорит о прошлом Сингапура, настоящее же его мало гармонирует с окружающей обстановкой.

Сингапур населен главным образом китайцами; в 1900 г. из 200 тысяч всего населения на долю китайцев приходилось около 160 тыс., 40 тыс. было малайцев, тамилы и др. восточных племен, а 3 тысячи составляли европейцы. Китайцы в Сингапуре — все; в их руках торговля, промыслы, ремесла; они служат

* Риоу.

** Джохор — султанат на юге п-ова Малакка.

в гостиницах, они же в качестве рикшей развозят по улицам города пассажиров. Роль малайцев, как всюду в городах, ограничивается несением обязанностей чернорабочих и прислуги, европейцы же являются господами положения, занимая высшие должности в разнообразнейших конторах, банках, управлениях и т.п. В центре Сингапура — площадь, куда сходятся трамваи и где сосредоточены важнейшие конторы и банки города; отсюда идет широкая улица, на которой помещается почта, прекрасное двухэтажное здание. Улица оканчивается мостом через реку Сингапур, которая сплошь покрыта разнообразными лодками малайцев и джонками китайцев; за мостом начинается лучшая часть города, где помещаются великолепные отели, большая зеленая лужайка, где собираются любители игры в футбол, собор в готическом стиле и целый ряд других великолепных построек. После одноэтажных домов-вилл Батавии Сингапур в центре производит впечатление большого европейского города. В этой части города находится и одна из главных достопримечательностей его — музей Раффлза, где собраны великолепные экземпляры местной фауны, также и этнографические собрания. Огромные экземпляры оранг-утангов и несколько видов гиббонов и другие обезьяны дают понятие об обезьяньем населении индийской области. Кошки представлены также подробно. Чучела тигров, леопардов, пантер, цибетовых кошек мастерски сделаны, глядят своими стеклянными глазами на осматривающую публику, как живые. Прекрасно представлены толстокожие животные — много носорогов, слонов, тапиров. Колоссальные крокодилы, как огромные бревна, лежат посредине комнаты. Здесь есть великолепные собрания птиц, насекомых, а также большая коллекция рыб, среди которых особенного внимания заслуживают огромные акулы и скаты, — словом сказать, этот музей дает очень много для знакомства с местной фауной. Его обширные прохладные залы все время наполнены народом, среди которого шоколадные малайцы и черные тамилы составляют преобладающий элемент.

На берегу моря, неподалеку от собора, находится рынок, другой такой же расположен недалеко от центральной площади. Посещение этих рынков крайне поучительно, так как туда доставляются разнообразные дары моря, и, не говоря уже о рыбных богатствах, на мраморных полках лавок лежат целыми грудями каракатицы, другие головоногие моллюски, целый ряд раковин и большие запасы трепангов — любимого кушанья китайцев.

Как было уже упомянуто, китайцы преобладают в Сингапуре, и на улицах китайских кварталов происходит та же жизнь, что и в Батавии, и Бейтензورге. Грязь и вонь стоит одна и та же,

с тою только разницей, что в Сингапуре китайский элемент выражен еще более сильно, чем в других городах из раньше мною виденных. По улицам Сингапура можно найти различные храмы тех национальностей, которые там обитают, но в их архитектуре нет ничего выдающегося, так как они не имеют за собой продолжительной исторической давности, являясь вполне современными зданиями. Еще очень недавно Сингапур был покрыт чудными густыми лесами, и туристы, которые желали проникнуть к северному его берегу, чтобы, перебравшись через Джохорский пролив, стать на азиатском берегу, рисковали встретиться с хозяином этих лесов — королевским тигром.

В настоящее время от Сингапура до пролива проведена железная дорога, и переезд через остров совершается в каких-нибудь 40 минут в комфортабельном, хорошо вентилируемом вагоне. Вместо девственных лесов по обе стороны полотна — веселые станционные здания и нескончаемые плантации ананасов. Сингапур является одним из главных мест культуры этих сочных плодов, откуда в виде консервов они развозятся по всему свету. На сингапурском низком берегу, заросшем мангровыми, устроены станция железной дороги и пароходная пристань, другая такая же видна на противоположном джохорском берегу. Переезд через узкий пролив совершается на пароходе, и через несколько минут езды вы попадаете в столицу султанства Джохор, могущественного, независимого государства. К сожалению, его владыка султан более занят прогулками на автомобиле, и из газет мы узнали, что его величество обладает несколькими первоклассными машинами, на которых он недавно совершал прогулки по своим владениям. Все правление находится в руках англичан, выдающих ежегодно султану немалую субсидию за право кататься на автомобиле и не беспокоить себя государственными делами. Два дворца и прекрасная мечеть стоят на берегу моря; один из дворцов, старый, доступен для осмотра публики, в другом, новом, живет сам султан, и он недоступен. Когда мы хотели пройти к новому дворцу, какой-то воин закричал на нас и преградил нам путь. В старом дворце есть интересные залы, где происходили заседания совета султана; отдельные комнаты отделаны с большим вкусом. Мечеть же полна изящества и гармонии как снаружи, так и внутри. Большое центральное здание по четырем углам украшено башенками с полукруглыми куполами индийского типа. Особенно красива эта мечеть издали, когда она возвышается среди зеленого ковра деревьев, растущих по склону высокого берега, на возвышенной части которого она расположена.

Самое поселение Джохор — обычный туземный город, в котором только нет европейского квартала, а соединены туземный и китайский со своими специфическими признаками. Но наибольшего внимания со стороны ботаника заслуживает в Сингапуре Ботанический сад. Обыкновенно европейцы попадают сюда на пути с родины, прежде чем они успеют познакомиться с Бейтензоргским садом, и Сингапурский сад необычайно привлекает их интерес и чарует разнообразием своих собраний. Но мы увидели этот сад уже после того, как близко познакомились с Бейтензоргским садом, который далеко превосходит по богатству своих коллекций все тропические сады, которые только существуют. Несмотря на это, сад в Сингапуре производит очень большое впечатление. Он расположен на склонах холма, и в его распланировке сказался природный вкус англичан, их любовь к большим зеленым лужайкам и изящным группам деревьев, придающим паркам вид натурального леса. В этом саду собраны интересные представители хвойных, пальм, а в центре его находится участок леса, сохранный в неприкосновенности и показывающий массу интересных диких растений, эпифитов, орхидей и других, которые прежде были широко распространены по острову. Четыре дня жили мы в Сингапуре, ожидая прихода парохода из Коломбо. Много пришлось нам походить и поездить, пользуясь услугами двуногих центавров*-рикшей, знакомясь с жизнью этого крупного центра Востока.

На четвертый день в Сингапурский порт пришел пароход Северо-Германского Ллойда «Йорк», на котором нам предстояло совершить большой переход по Китайскому морю до берегов Японии. «Йорк» — родной брат «Лютцова». Все отличие между ними заключается в расположении столов в столовой да в несколько упрощенном убранстве гостиной комнаты. Пассажиров было немного, и мы втроем получили две каюты с отдельным ходом, помещавшиеся на так называемом верхнем деке. К сожалению, эти каюты выходили на юго-восток, и солнце до такой степени накаляло эту сторону, что первые две-три ночи мы должны были проводить на палубе. Среди пассажиров особое внимание капитана и других путешественников обращал на себя китайский мандарин синего шарика**, генерал-губернатор Манчжурии, ехавший до Шанхая. Очень образованный, говоривший прекрасно по-английски, китаец был столь же

* Центавр, то же что кентавр — в древнегреческой мифологии получеловек-полулошадь.

** Цвет шарика, носившегося на головном уборе, соответствовал рангу чиновника в императорском Китае.

любезным, как и щедрым господином. Он кидал деньги, не считая их, направо и налево, зато прислуга парохода неслась к нему изо всех углов, лишь только Excellenz* выражал какое-нибудь желание. Он был большим поклонником прекрасного пола, и когда на наш пароход села в Гонконге действительно очень интересная особа, жена одного из видных немецких деятелей в Китае, маньчжурский губернатор ни на минуту не оставлял эту даму одну, лишь только она появлялась из своей каюты. Среди остальных пассажиров можно отметить двух немецких докторов и одну английскую леди, большую любительницу путешествий, объехавшую всю Яву и направляющуюся теперь в Японию. Снова потекла та же самая жизнь, какую мы вели три недели на борту «Лютцова». Пожалуй, кухня на «Йорке» была еще лучше, чем на «Лютцове». Четыре дня шел наш пароход от Сингапура до Гонконга, поднимаясь на северо-восток.

Гонконг лежит почти под самым тропиком Рака, и этот путь почти от экватора к тропику был одним из наиболее тяжелых вследствие сильной жары, мучившей нас днем и ночью.

«Йорк» подошел к Гонконгу поздно вечером, когда окрестности совершенно тонули в окружающей темноте, и только бесчисленные огни показывали близость большого города. Прошла душная томительная ночь, в течение которой без остановки стучали лебедки паровых кранов, разгружавших пароход, шумел уголь, падающий в угольные камеры, и угольная пыль проникала во все углы парохода, несмотря на занавесы из парусины. Лишь утром мы получили возможность ознакомиться с Гонконгом. Остров Гонконг, находящийся во владении англичан с 1842 г., расположен при устье Сикианга**, или Жемчужной реки, главной водной артерии южного Китая. Неподдалеку от ее устья расположен один из важнейших китайских городов — Кантон, столица южного Китая, провинции Квантунг***. Невдалеке от Гонконга приютилась маленькая португальская колония Макао — один из последних остатков когда-то обширных колониальных земель этого смелого и предприимчивого народа, положившего начало европейской колонизации на Востоке еще на заре новой истории. Скалистый остров Гонконг окружен целым рядом других островов, и между ними и материком Азии открывается великолепная бухта, всегда оживленная массой пароходов, парусных судов и бесчисленным количеством характерных китайских джонок с большими парусами из циновки, на которых начертаны какие-то китайские знаки — быть может,

* Его превосходительство (нем.).

** Сицзян.

*** Кантон (Гуанчжоу), центр провинции Гуандун.

имя судна. По количеству прибывающих и отходящих судов порт Гонконга занимает первое место на земном шаре, превосходя в этом отношении даже столицу торговли всего мира — Лондон. У берега моря и далее в гору раскинулся английский город Гонконга — Виктория, многочисленные великолепные здания которого, общественный сад, электрические трамваи, канатная дорога на вершину горы (так наз. peak-tramway) — все это говорит о европейском характере этого города. Рядом с английской частью лежит китайский квартал; однако и его постройки так же многоэтажны и тесны, как и европейские, хотя китайцы, конечно, не замедлили превратить свою часть в грязную клоаку и уничтожить все признаки растительности.

Если подняться по peak-tramway на вершину острова, отсюда открывается чудный вид на окружающее остров море, многочисленные острова и островки, на город, живописно раскинувшийся по склону горы, и на бесчисленные суда, разбросанные по рейду. Наверху уже не жарко: постоянный ветер парализует действие горячих лучей солнца, а чистый морской воздух оживляет и возбуждает. К сожалению, вершина горы острова лишена древесной растительности, и только в садах английских вилл, расположенных здесь на высоте и по склонам, растут небольшие кустарники, среди которых особенно бросаются в глаза великолепные гортензии со своими голубыми букетами цветов. Около суток простоял «Йорк» в Гонконге и затем продолжал свой путь далее. Теперь окончилось продолжительное путешествие по открытому морю: от Гонконга до конечного пункта нашего путешествия — Иокогамы* — уже не будет морских переходов больше двух дней, и большую часть этого пути пароход идет в виду берега.

Между Гонконгом и Шанхаем, первой остановкой после Гонконга, пароход шел вдоль восточного берега Китая, между ним и японской Формозой**. Высокий берег Небесной Империи очень живописен: он обрывается крутыми склонами к морю, а по берегу расположен целый ряд городов и местечек, из которых наиболее важными являются Амой и Фугу, или Фуонтау***. К концу вторых суток пароход пришел в Шанхай, но не вошел в устье великой реки Янтсе-Кианга****, а бросил якорь близ берега у самого устья, где голубые волны моря уже смешивались с серыми, богатыми илом и органическими остатками волнами Янтсе. К «Йорку» подошла целая флотилия разнообразных судов,

* Современное написание Йокохама.

** Тайвань.

*** Современное написание — Сямьнь и Фучжоу.

**** Янцзыцзян (Янцзы).

среди которых выделялся один катер с огромным желтым шелковым флагом, на котором был изображен черный дракон, пытающийся проглотить солнце. Это был правительственный катер, который был выслан за маньчжурским губернатором, покидавшим наш пароход. Услужливое общество Ллойда уже заранее готовилось к этому «печальному событию». Накануне был устроен грандиозный обед, во время которого мороженое подавалось в полутемной столовой, освещенной двумя маленькими маяками, а процессия стюардов, разносившая мороженое, выступала под звуки особенного марша и несла китайские фонарики. Вся команда парохода, с капитаном во главе, вышла на палубу проводить знатного пассажира. Когда подъехал катер с китайцами, они вошли на палубу парохода, начались бесконечные приветствия, приседания и т.п. китайские церемонии. Все приехавшие мандарины были одеты в какие-то балахоны из разного шелка, поверх которых были надеты широкие черные кофты. Небольшие шапочки с шариками разных цветов украшали их головы, а из-под шапок спускались длинные косы, в которых вплетены красные или другого цвета шелковинки. На носу почти у всех были большие круглые очки. Не знаю, действительно ли все китайцы страдают глазами или же очки имеют какое-либо символическое значение, только я не видал, кажется, ни одного почтенного китайца, нос которого не был бы украшен очками. Наша музыка выстроилась на борту. Раздались оглушительные звуки марша, сочиненного каким-нибудь услужливым немецким капельмейстером по аналогичному поводу, и под звуки тарелок, литавров, толстого барабана и неистово ревущих медных труб катер с губернатором отчалил от «Йорка», после чего остальная публика села на другой катер и направилась в устье Янтсе к Шанхаю. Представляло большой интерес ознакомиться с этим городом, первым портом Китая, столицей провинции Каятсу*. Шанхай расположен в нескольких километрах от впадения Янтсе в океан. Колоссальная река доступна для океанских пароходов на целых 200 километров, и обыкновенно пароходы идут до города Ханькоу, центра чайных плантаций Среднего Китая. Широкая река течет в низких берегах. Она вся покрыта бесчисленными судами всех наций, и среди них выделяются желтые флаги с драконами, поднятые на новых судах зарождающегося китайского военного флота. Огромные здания верфей, мастерских вытянулись вдоль берега; отсюда раздается несносный гул, и клубы дыма и пара выходят из высоких труб. Шанхай — крупный промышленный город. Общие условия современной техники наложили

* Цзянсу.

на него интернациональный отпечаток, закрывая его характерные национальные черты.

Пробираясь в узком коридоре из судов, катер подошел к пристани, и мы очутились на улицах Шанхая. По внешнему виду этих улиц никто не признал бы Шанхай за китайский город. Огромные многоэтажные дома, трамваи, бульвары, электрическое освещение, магазины с вывесками на английском языке — все говорило о Европе. Лишь характерные джинришки, заменяющие извозчиков, указывающие на азиатский способ передвижения, да масса китайцев кладут свой отпечаток на жизнь улицы.

Шанхай состоит из трех частей. Одна часть — общеевропейская, где имеют свои дома, магазины и конторы все европейские нации, кроме французов. Эта часть наилучше обставлена и, как я уже указал, производит впечатление нового западноевропейского города. Рядом с этой общеевропейской частью находится французский квартал, самое старое европейское поселение в Шанхае. Здесь улицы носят французские имена, на вагонах трамвая французские надписи, и самый квартал имеет вид опрятного французского городка. Иезуиты давно уже осели на китайской земле в Шанхае. Около него они содержат знаменитую на всем востоке метеорологическую обсерваторию, изучающую изменения погоды и строго следящую за движением грозных тайфунов, предупреждая суда о грозящей опасности. Но стоит только пройти несколько шагов из французского квартала, как сразу исчезает все впечатление европеизма. Путешественник попадает в настоящий китайский город. Бесконечные улочки и переулочки тянутся, то прямо, то прихотливо извиваясь, на огромные пространства. Они застроены небольшими деревянными домами, в один-два этажа, с деревянными крытыми тротуарами. Узкая улица, по которой едва-едва может проехать телега, становится еще уже от бесчисленных китайских вывесок, спускающихся с высоких палок в виде флагов.

По этим улицам, выходящим на неправильной формы площади, заставленные столиками торгующих, дешевыми рестораничками, медленно течет масса человеческих существ — толпа, столь отличная от европейской. Вот идет, ковыляя на своих ногах, изуродованных ужасным обычаем шнуровки ног, старая китаянка, одетая в шаровары и род русской рубахи, подпоясанная узким красным поясом. Рядом с ней высокие мужчины в балахонах в виде юбок и женских кофтах спешат куда-то; бегут полуодетые кули, обнаженные бюсты которых как бы изваяны из бронзы; важно шествуют почтенные китайцы под большими зонтиками, одетые в характерные безрукавки, с большими круглыми очками на носу. Изредка проходят модернизированные китайцы с остриженными головами, одетые в европейское пла-

тье, с круглыми шляпами на голове. Огромная масса народа движется как у нас во время крестного хода — и, видя этот китайский город с его своеобразной жизнью, с его громадным народонаселением, зная китайскую умеренность, бесконечное трудолюбие, презрение к смерти, невольно задумываешься о судьбе этого грандиозного государства. Что будет, когда оно, как Япония, сохранив весь свой уклад жизни, приобщится к европейской технике и культуре? Эти мысли занимали наши головы особенно тогда, когда мы посетили германскую оккупационную область Киао-Чао.

В Шанхае с нами случился курьез. Долго бегали мы по улицам этого города в поисках... чая и не могли ничего найти. Оказалось, что существует особый чайный квартал, где сосредоточена чайная торговля, но мы не добрались до него, а купили в одной лавке, предназначенной, очевидно, для иностранцев, где нам продали чай, обманув нас при этом в должной мере. К сожалению, пароход стоял в Шанхае мало, и мы должны были спешить туда, чтобы идти в Киао-Чао, в город Дзинтау*. Через полтора дня пути мы входили в бухту Киао-Чао, где вырос в короткое время немецкий чистенький городок. У пристани стояли немецкие военные суда, красовался огромный док; мастерские, железная дорога — все указывало на полную жизнь пустой и еще недавно незаселенной бухты. От пристани идет прекрасное шоссе в город; там уже распланированы улицы, часть их застроена домами, другая хотя и не застроена, но уже имеет прекрасные мостовые, газовое освещение — одним словом, переносишься в уголок Германии; Дзинтау поддерживает добрую немецкую славу даже лучшим пивным заводом в Китае. От Дзинтау строится железная дорога в Тянцизи**, которая, когда она будет готова, соединится с сибирским путем и откроет этот порт для выхода товаров из Манчжурии. Немцы очень высоко оценивали значение Дзинтау, и на пароходе раздавалось много высоких слов и восклицаний относительно будущности этого местечка***. Недалеко от Дзинтау есть другой оплот — Вей-хай-вей****, на который англичане также возлагают большие надежды. Был еще один оплот, на который возлагали надежды и русские — Порт-Артур, теперь японская крепость, называемая Люшун*****. Но всякому, кто только мог видеть Китай лицом к лицу, кто ознакомился с необычайными дарованиями этой расы, тот хорошо поймет,

* Циндао.

** Тяньцзинь.

*** После войны 1914–1919 гг. эта область отошла к Японии (*прим. автора*).

**** Современное написание Вэйхай или Вэйхайвэй.

***** Ныне Люйшунь.

что все эти оплоты лишь очень кратковременны, что они являются постоянным напоминанием китайскому народу о том, что *Carthago delenda est* — Карфаген должен быть разрушен, как говорил римский патриот Катон. И китайский народ пробуждается, его развитие идет вперед большими шагами. Манчжурия и Заамурская территория, еще недавно находившиеся всецело в руках русских, теперь заселены китайцами, уже полки китайской армии вооружены по-европейски, на море появляется военный флот, и мне думается, что эти иностранные оплоты будут теми пунктами, куда будут направлены первые удары разгневанного долгим гнетом иноземцев народа*.

Одно из больших зол китайских городов — это массовое обращение фальшивой монеты. В Дзинтау мы зашли в один магазин, где было необходимо купить платье и разные вещи. Дав для размена английскую золотую монету в 1 фунт стерлингов, мы получили сдачи ряд мексиканских серебряных долларов, которые очень распространены в Китае, как монетная единица. Оказалось, однако, что из 10 или 11 долларов только один был настоящий, и немецкий коммерсант всучил проезжим людям 9 или 10 фальшивых. Когда мы вернулись к нему и выразили свое неудовольствие по этому поводу, он безропотно обменял доллары на другие, и, как оказалось потом, все же спустил нам две-три фальшивых монеты. Курьезно видеть, как китайцы получают деньги: они кидают монеты на мостовую, поднимают на пальцы и долго слушают их звон, прежде чем решиться взять их от покупателя.

Из Дзинтау небольшой переход в 36 часов — и мы уже доходим до Нагасаки, первого японского порта. Япония — последняя из иноземных стран, которую нам пришлось увидеть. Возвращение на родину было уже близко.

* Эти строки, писанные тотчас по приезде в 1909 г., вполне подтверждаются современными событиями на Дальнем Востоке. Китай не пробуждается, он уже пробудился (*прим. автора*).

Глава XIII

*Неделя в Японии
Нагасаки, Кобе, Киото, Токио, Цуруга*

Рано утром пароход пришел в живописную нагасакскую бухту. Окруженная со всех сторон скалистыми островками, покрытыми зеленым хвойным лесом, бухта Нагасаки производит чарующее впечатление. Не доходя до города, пароход бросил якорь, так как комиссия японских врачей, боясь занесения заразы, должна была осмотреть пассажиров. На пароход явились одетые в форму врачи, которые довольно поверхностно осмотрели пароходную прислугу и пассажиров III класса и скользнули глазами по классным пассажирам, собравшимся в обеденном зале. Этим закончился осмотр. Пароход прошел немного дальше и бросил якорь против раскинувшегося на склоне горы города. В один момент он был окружен разными судами. Подошли тяжелые баржи с углем, приплыли легкие лодочки торговцев всевозможными предметами, особенно черепаховыми изделиями, отличающимися изяществом выделки и сравнительно недорогой ценой; тут же продавали открытки с видами Японии, вещи, сделанные из какого-то сплава, и многое другое. Но интереснее всего было наблюдать за нагрузкой угля. Между угольными люками парохода и баржами с углем была установлена наскоро приделанная лестница, на которой разместилась целая цепь мужчин и женщин, передававших в маленьких соломенных корзинках уголь с баржи. Эта передача, выбрасывание угля в пароходные люки, кидание пустых корзин обратно и снова передача их — все это производилось с изумительной быстротой, и в течение короткого пребывания в Нагасаки наш пароход поглотил огромные массы топлива.

Небольшой катер доставляет пассажиров с парохода в Нагасаки. Первое, что бросается в городе, это — обилие русских вывесок магазинов. Часто рядом с русской вывеской помещается и английская, но обыкновенно рядом с японской имеется

только русская надпись. Рикши, обступившие нас и услышавшие русский говор, немедленно затараторили по-русски; во всех магазинах, куда только мы ни заходили, мы слышали довольно правильную русскую речь. Точно мы попали в русскую колонию на Дальнем Востоке. Такое массовое знание русского языка нельзя объяснить влиянием недавней войны; его причины лежат глубже. С того самого момента, когда порт Нагасаки был открыт для иностранных судов, как военных, так и торговых, русские матросы жилали в Нагасаки подолгу, для них и их увеселения был отведен даже целый участок в городе, где все трактиры, чайные и иные заведения были предназначены для русских. Таким образом, знакомство русских и японцев уже очень давнее, и действительно, нигде в другом городе русский язык не имеет такого распространения, как в Нагасаки. В Киото, Токио по-русски совершенно не понимали. Нагасаки — один из городов, который уже давно входил в сношения с иноземцами. Здесь начинали свою деятельность португальские и испанские миссионеры, а по изгнании их в начале XVII века единственные из всех европейцев голландцы получили право жительства на маленьком островке Дешима против Нагасаки, где они одни и поддерживали торговлю с Японией до тех пор, пока под давлением пушек соединенных европейских и американских эскадр гавань Нагасаки и некоторые другие были открыты для всемирной торговли. В настоящее время значение Нагасаки как порта сильно упало, его торговлю поглотили Кобе, Иокогама и другие гавани. Он имеет теперь значение одного из крупнейших рыбных рынков. В Нагасаки есть, кроме того, верфи для постройки морских судов.

Из Нагасаки пароход идет к северу по Корейскому проливу, мимо знаменитого острова Цусимы, около которого разыгрался последний акт трагедии русско-японской войны. Насколько тяжелы для нас воспоминания о Цусиме и о злоключениях нашего флота, настолько Япония до сих пор живет гордыми воспоминаниями о своих победах. Одна из наиболее обширных компаний, пароходы которых поддерживают сношения между Японией и другими странами, во время войны предоставила свои суда в распоряжение флота в качестве транспортов и вспомогательных судов. Изданный в текущем году путеводитель этого общества наполнен описанием исторических заслуг, оказанных родине флотом общества. Масса мелких островов, покрывающих пролив Крузенштерна, облегчали действия японского флота, который легко скрывался в знакомых ему углах и затруднял движение русских судов, находившихся в мало знакомом и враждебном море.

Дойдя до узкого пролива, отделяющего два города — Симоно-

секи, лежащего на Ниппоне*, и Моджи, находящегося на Киу-Сиу**, пароход берет восточный курс и входит во «Внутреннее море». Пролив, ведущий в него, очень узок, всего в одну морскую милю (1,8 килом.) шириной, и сильно укреплен, защищая вход во Внутреннее море. В Симоносеки, как известно, был заключен мир между Китаем и Японией после войны 1894 года. Внутреннее море, берега которого составляют с севера и востока о-в Ниппон, с юго-запада и юга о-ва Киу-Сиу и Сикоку, замкнутое со всех сторон, усеянное, кроме того, маленькими островками, производит впечатление огромного озера чудной красоты. Гористые берега островов покрыты темным хвойным лесом; долины их и пологие склоны ярко зеленеют от рисовых полей, террасами расположенных одно над другим. Чистенькие деревеньки, небольшие города покрывают берега моря, а по берегу Ниппона вьется железная дорога, непрерывной лентой тянущаяся от северной оконечности о-ва, от пролива Цугару до Симоносеки, самого юго-западного его пункта. В восточном углу Внутреннего моря лежат два больших города Японии — Кобе и Осака.

Кобе — новый город, основанный лишь в 1868 году; в настоящее время он является одной из главнейших гаваней Японии, оспаривающей первенство у Иокогамы. Мы оставили пароход в Кобе после такого же врачебного осмотра, как в Нагасаки; нас пугали строгостями таможенного осмотра; и действительно, японский чиновник уже открыл сборник тарифов, чтобы обложить пошлиной мою коллекцию кораллов, приобретенную в Сингапуре, но выданное мне удостоверение нашей Академии Наук на английском языке произвело магическое действие: суровое, официальное лицо японца изобразило улыбку, он сейчас же поставил мелом белый крест не только на кораллах, но не захотел смотреть ни одной моей вещи, ни чемоданов моих товарищей. В Кобе пришлось пробыть недолгое время, только до поезда, который должен был отвезти нас в древнюю столицу Японии — Киото. Как и все приморские и торговые города, Кобе состоит из двух неодинаковых частей — европейского делового квартала, где в больших европейских домах помещаются банки, конторы, консульства и другие учреждения, отели и пр., и большого японского города, состоящего из маленьких одно- и двухэтажных деревянных домиков. Несколько дней спустя мне пришлось быть в качестве гостя в одном частном доме в Токио, где я познакомился с характером японских построек.

* Современное название — о. Хонсю.

** Современное написание — Кюсю.

Дорога от Кобе до Киото идет мимо большого промышленного старого города Осака, известного уже в XV веке и насчитывающего чуть ли не миллион жителей. Осака лежит на низменном болотистом берегу моря, куда впадает несколько рек; его окружают рисовые поля, а высокие трубы фабрик свидетельствуют о его значении как центра хлопчатобумажной промышленности.

От Осака поезд идет до Киото по плодородной великолепно разработанной местности, где между рисовыми полями, среди рощ из криптомерий и других хвойных расположены японские деревушки, имеющие аккуратный и чистый вид. На полях вдоль линии железной дороги стоят огромные фигуры страшного вида — рекламы различных фирм.

Железные дороги в Японии оборудованы хорошо. Цены на билеты дешевы: за большое расстояние от Кобе до Токио в 377¼ миль, т.е. около 690 километров, во втором классе я заплатил около 6 иен, или 6 руб. на наши деньги, причем билет давал право прерывать путешествие в любом месте и был годен в течение пяти дней. Вагоны скорого поезда имеют проход посередине и скамейки, идущие вдоль стен вагона; когда мало народа, то каждый пассажир получает удобное место для лежания; когда много, приходится сидеть и часто не на что облокотиться. В вагоне чисто — вам немедленно подают соломенные туфли, унося обувь, и служитель постоянно выметает сор; ярко горит электрическое освещение. В поезде имеется спальный вагон I класса и вагон-ресторан, где за недорогую цену можно получить европейский стол. На станциях продаются бенто — корочки с рисом и приправами, состоящими из рыбок, грибов, морских водорослей и разных овощей, а также чайники с чаем. Все очень чисто и дешево. Скорость поезда около 50 или 60 километров в час.

Киото, старинный японский город, наша Москва, является наиболее интересным для путешественника: там сохранилось много храмов и дворцов, там лучше всего наблюдать старую японскую жизнь и обычаи; там — главный центр японской ручной промышленности, тех предметов, в изготовлении которых Япония не знает себе соперников даже среди наиболее культурных стран Западной Европы.

Киото — древняя столица микадо*, где они жили в своем дворце или храмах, устранившиеся от управления делами, которые решал истинный повелитель Японии — шогун**. Только

* Император Японии.

** Сёгуны — военно-феодалы правители Китая с начала XVII в. по 1868 г.

с конца 60-х годов, когда, по уничтожении шогуната, нынешний император взял в свои руки власть, Киото был оставлен микадо, перенесшим свою резиденцию в Токио. В Киото же доживает свой век последний из шогунов — князь Токугава, одна из популярнейших и наиболее уважаемых личностей в Японии.

Киото расположен у подножия холмов, покрытых лесами и парками; его узкие улицы — чисто японского типа, они застроены небольшими домиками в один, 1–2 этажа, перед которыми висят бумажные фонари с японскими знаками. Лошадей почти не видно в Киото. На нескольких наиболее широких улицах проходит электрический трамвай, но движение поддерживается главным образом посредством рикшей, симпатичных и крепких «центавров», везущих необыкновенно бодро свои маленькие колясочки с пассажирами. На крутых подъемах, особенно около гостиницы, где мы остановились (отель Миако, могу смело рекомендовать его всякому, кто приедет в Киото), на подмогу рикшам прибегают другие, поджидающие на перекрестке пассажира.

Киото — старая столица и вместе с тем священный город японцев. Около 1000 буддийских и шинтоиских храмов разбросаны по его улицам. Некоторые из них достигают огромных размеров и очень почтенной древности, другие отличаются богатством своей отделки. Небольшое количество времени, которым я располагал, дало мне возможность ознакомиться с одним шинтоиским храмом и несколькими наиболее известными буддийскими, но одной из главных достопримечательностей Киото — старого дворца микадо — я не мог осмотреть, так как для этого нужна рекомендация из посольства, а я ехал от Кобе, а не из Токио, где живет русский посол.

Одним из наиболее оригинальных буддийских храмов Киото является храм San-ju-san-gen-do, где находится 33.333 изображения Кваннон, одиннадцатиликой и тысячерукой богини милосердия. Огромное здание, имеющее вид громадного сарая, в центре содержит колоссальное изображение богини Кваннон, а по обе стороны в одиннадцать рядов расположены бесчисленные позолоченные ее статуи, число которых достигает тысячи; несмотря на общее сходство этих статуй, как изображающих одну и ту же богиню, они отличаются друг от друга различными частностями строения. Их руки держат небольшие изображения той же богини.

Подобные же изображения находятся на разных частях статуй — на их одежде, венчиках вокруг голов — все это вместе и дало основание определить число изображений, как 33.333. Храм Сан-ю-сан-ген-до принадлежит к очень древним храмам Киото; основанный в начале XII века, он несколько раз подвер-

гался реставрации и в современном виде сохраняется со второй половины XIII века. Другой храм, Higashi-Hongwanji, основанный в XVII веке, реставрирован в последнее время, и настоящее здание закончено в 90-х годах прошлого века. Этот самый большой храм во всей Японии состоит из двух зданий, соединенных между собой закрытым коридором. Внутри храм поражает своими размерами, его потолок поддерживается массой колонн, составленных из целых стволов деревьев. Япония — страна дерева; лишь современные постройки возводятся из камня; всюду, где только возможно, употребляется дерево; старинные здания и все храмы — все это деревянное, что сообщает им оригинальный вид как снаружи, так и внутри.

В Киото можно познакомиться с различными японскими произведениями — фарфором, шелковыми вышитыми материями, вышивками, лаковыми изделиями, так наз. cloisonn* и другими характерными японскими художественными работами. Остановлюсь на двух наиболее характерных для японской художественной промышленности предметах.

Всякого, кто видел японские картины, вышитые шелком, невольно поражает то мастерство, с которым исполнены эти произведения. Любимым сюжетом является лев — один или со львицей. Их фигуры, вышитые различными шелками, идеально передают мощную фигуру и горделивое выражение царя зверей, не говоря о безукоризненно подобранных тонах и красках. Стоимость такой картины колеблется между 60 и 300 иен (рублей), смотря по величине фигуры и совершенству изображения. Другая картина, которая поразила меня, представляла бушующее море, голубое небо и орла, сидящего на скале, с распростертыми крыльями. Подбор тонов, световые эффекты этой картины делают ее совершенно неотличимой от картины, писанной масляными красками, сообщая ей вместе с тем особый мягкий блеск, свойственный шелку. Кроме этих вышитых картин, прекрасных по исполнению, но и не дешевых, мое внимание привлекли картины из так называемого стриженного бархата. Бархат выстригается особыми ножницами на разную глубину, таким образом получается рельефный рисунок, который передает перспективу и самые разнообразные световые эффекты.

Картины, сделанные таким образом, могут служить украшением любой комнаты — настолько они художественны, цена же их сравнительно дешева: в лучшем магазине Киото можно приобрести такую картину за 4–6 иен. В этом случае промышленность стала на ту ступень развития, к которой она стремится

* Изделия из перегородчатой эмали (*фр.*).

в Западной Европе. Мюнхенские Kunstgewerbeschulen* стремятся внести художественный вкус в предметы обихода, чего уже давно достигли дальневосточные соседи, у которых различные вещи домашнего обихода отличаются художественным вкусом и изяществом.

Необходимо остановиться на изделиях так называемых cloisonn. Это поистине восточная работа! Различные предметы изготавливаются из какого-то металла, по большей части из меди, которая серебрится или золотится изнутри.

Снаружи вещи покрываются слоем какого-то лака, по которому тонким пинцетом размещаются крошечные проволочные колечки, изображающие различные фигуры. Это требует большого внимания и может быть приравнено к бисерным работам, процветавшим когда-то в среде крепостной прислуги и в подобной же крепостной жизни женских монастырей. Пустоты этих колечек заполняются особым эмалевым составом и сверху наносятся лаком. Получается чрезвычайно нежный и тонкий узор, сделанный от руки. Трудно превзойти эти вещи по красоте и тонкости рисунка, но цена им довольно высока: небольшие вещи стоят десятки, а крупные — сотни иен; однако для тех, кто видел производство этих вещей, цена не покажется чрезмерной. Говоря о японских оригинальных производствах, необходимо упомянуть о лаковых изделиях, добавив, что большая часть посуды в домах сделана из дерева, покрытого японским лаком, не боящимся ни горячей, ни холодной воды. Это лаковое производство, перенесенное в Японию из Китая, доведено в Японии до высшей степени совершенства. Шелковые и фарфоровые изделия также изумляют своим изяществом. Все эти произведения имеют свою историческую основу, и лишь как историческое достояние высококультурного народа они могли стать на столь высокую ступень развития. Современная техника внесла значительное усовершенствование, удешевила производства, но не отняла у него национальных особенностей, которые сообщают ему особую привлекательность и интерес.

Токио. Дорога от Киото до современной столицы Японии, Токио, идет по плодороднейшей местности, покрытой рисовыми полями, чайными плантациями, лесами по вершинам гор и холмов. Всюду виднеются чистые деревеньки и города. Поезд огибает Фузи-яму**, самую высокую гору Японии, вулкан, покрытый вечным снегом, и идет мимо Иокогамы, вдоль Токийского залива. Токио раскинулся на громадное протяжение, напоминающая по площади Москва или даже превосходящая ее своими разме-

* Школы прикладного искусства (нем.).

** Фудзияма.

рами. Общий тип японских городов, состоящих из низеньких деревянных домиков, перемешивается в Токио с европейскими постройками и различными проявлениями европейской культуры. Узкие улицы, предназначенные лишь для пешеходов или маленьких колясочек рикшей, сплошь ломаются и расширяются, и по ним уже пробегают электрические трамваи, постепенно завоевывающие этот огромный город. Всюду видны леса, окружающие новые каменные грандиозные постройки музеев, парламента и других общественных зданий.

Центр Токио занят императорским дворцом, окруженным широким наполненным водою рвом и толстыми стенами. Вокруг него разбиты прекрасные широкие улицы, обсаженные деревьями, расположены парки и лучшие здания в городе — посольства, банки и т. д. От этой центральной части во все стороны раскинулся Токио, и над городом возвышаются, доминируя над всеми зданиями, красивые очертания русского собора. Ближе к вокзалу и морю протянулась длиннейшая улица Ginza, главная торговая артерия японской столицы.

Эта улица носит на себе все следы перестройки, она почти вся состоит из каменных домов, среди которых сохранились лишь единичные домики старого Токио; центральная часть улицы, где идет трамвай, хорошо утрамбована, а края еще не замощены, так как недавно на месте улицы стояли дома, отодвинутые теперь назад. Несколько прекрасных парков составляют украшение Токио: один — Ишба, с многочисленными шинтоискими храмами, другой — Уено, с музеями и картинной галереей. Вблизи парка Уено расположены университет, ботанический сад, клиники и другие университетские учреждения.

В Японии существует религиозная свобода, однако большинство народа исповедует религиозные учения Востока — шинтоизм* и буддизм. Религия шинто более древнего происхождения; она является исконной религией японцев, в то время как буддизм введен из Кореи лишь во второй половине VI века нашей эры. Религия шинто очень проста в своих основаниях: она состоит в обоготворении сил природы и культа предков. Ветер, океан, огонь, горы, реки — все имеет своих богов, число которых простирается до 800 мириад. Главными из них являются: богиня солнца Ата-Терасу**, рожденная из левого глаза Изанаги, который создал Японию; из его правого глаза возник бог месяца. Богиня солнца была также родоначальницей современного дома микадо, который управляет Японией с самого ее сотворе-

* Синтоизм.

** Аматаэрасу.

ния, и микадо, таким образом, по самому своему происхождению являются богами.

Таковы основы религии; ее догмы не пытаются проникнуть в нравственные основы человеческой природы, и ее культ отличается простотой, а священнослужители вне исполнения своих обязанностей не отличаются ничем, даже одеждой, от мирян. Богослужение состоит из жертвоприношения риса, рыбы, плодов, овощей и из молитв, частью восхвалений божеств, частью же молений, обращенных к ним. Молитвы читаются на древне-японском языке и потому непонятны для народа. Вся мораль религии заключается в одной короткой формуле: следуйте природным наклонностям и повинуйтесь повелениям микадо.

Вполне естественно, что столь простая религия не могла удовлетворять духовно одаренный японский народ, который встретил поэтому сочувственно введенный из Кореи и Китая буддизм и в большинстве обратился к этой религии. Тем не менее старая религия шинто не была оставлена и буддистами, и в жизни современного японца обе религии тесно сплетаются вместе. Каждый японец с момента своего рождения отдается родителями под покровительство какого-нибудь шинтоиского божества; наоборот, к месту вечного покоя японцы отходят по буддийскому обряду. Введенный в конце VI века буддизм широко распространился в Японии, распавшись на массу сект и подсект, считающихся десятками, и эти секты, как большинство сект других религиозных учений, забыли идеальную основу первоучения и превратились в узкие, полные суеверий догмы, ставящие обрядовую сторону выше основных догм религии.

В Токио, в парке Ишба, находятся храмы, где погребены шогуны из династии Токугава, правившие Японией в начале XVII века до 1868 года, когда был низложен последний из шогунов Кейки. В настоящее время лишь незначительная часть этих храмов уцелела от пожара; но и оставшиеся интересны по богатству украшений, позолоты, по старинной стенной живописи, изображающей львов.

Я отправился прежде всего в ботанический сад, лежащий в часе езды на рикше от моей гостиницы. В ботаническом институте меня встретил профессор Миоши, известный японский ботаник, труды которого в области явлений раздражимости у растений создали ему большое имя среди специалистов. Проф. Миоши показал мне ботанический институт — довольно поместительное здание, просто, но рационально устроенное, с хорошей библиотекой и всеми необходимыми учебными пособиями. В ботаническом институте Токио я видел интересный инструмент для резанья камня — мягкая алюминиевая пла-

стинка приводится в быстрое вращательное движение и режет как хлеб твердую горную породу, с заключенными в ней частями растений, на ровные пластинки, которые затем шлифуются и становятся доступными для изучения при помощи микроскопа.

Начались уже каникулы, и тихая каникулярная жизнь сменила обычное оживление в институте. Вечером проф. Миоши пришел ко мне и повел меня и моих товарищей ужинать в японский ресторан, один из наиболее стильных ресторанов, с чисто японской обстановкой. Мы пришли к небольшому двухэтажному деревянному домику и в узких сенях сняли свою обувь, оставшись в одних чулках. Поднявшись по крутой деревянной лестнице, мы прошли узким коридорчиком и попали в небольшую комнату, пол которой был накрыт чистыми циновками, а вместо мебели лежали подушки да стоял низкий черный деревянный лакированный столик. Все стены были покрыты изображениями бамбука, и, как сказал мне мой ученый чичероне, эта комната носит название «бамбуковой». Особое внимание обращала на себя картина, изображавшая бамбук, нарисованный на большом куске шелка черными матовыми тонами.

Эта картина, так называемое какемоно, принадлежит кисти известного художника и стоила больших денег. Действительно, рисунок сделан необыкновенно изящно и близко к природе. Электрический фонарь, повешенный под потолком, освещал приятным светом эту оригинальную комнату. Мы — всех нас было четверо — удобно расположились на подушках, и скоро прислужница внесла по чашке чая, за которым последовала вкуснейшая, поданная в деревянных лакированных черных чашках, уха, которую приходилось пить, как чай из блюдца, через край. За ухой были принесены черные закрытые лакированные ящики, в которых помещались куски жареной на вертеле рыбы, а из круглой лакированной коробки был извлечен рис. Мы вооружились палочками, перемешали рис с рыбой и отдали должную честь этому вкусному японскому ужину, запивая его «саке», хорошим крепким рисовым пивом, и превосходным чаем. Спустившись вниз, мы снова завладели нашими башмаками. На следующее утро меня навестил другой японский профессор, Фуджи, и мы направились на берег моря, чтобы осмотреть школу рыболовства.

Встреченные заведующим, доктором Окамура, мы могли подробно осмотреть эту школу. Школы Японии разделены на четыре типа — низшую, среднюю, высшую и специальную, куда относятся университеты и другие высшие в нашем смысле учебные заведения. Средняя школа соответствует приблизительно нашим VI классам гимназии, а высшая школа, двухлетняя, пред-

ставляет переход от средней школы к университету, соответствуя лицам. В школу рыболовства вступают ученики из средних школ. Они там обучаются не только основам зоологии, ботаники и других естественных наук, но и практически изучают все отрасли рыболовства. Так, например, там имеется лаборатория для добывания рыбьего жира и его очистки, лаборатория для приготовления рыбьего клея, для добывания йода из морских водорослей, мастерские для изготовления сетей, верфь для постройки небольших судов, фабрика консервов, музей научной и прикладной ихтиологии, библиотека и пр. Принимая во внимание, что рыба является одним из важнейших торговых продуктов Японии, нечего удивляться такой постановке дела обучения рыболовству. И невольно спрашиваешь себя: что сделано у нас для рациональной постановки рыбных промыслов, которыми живет наш север? Есть ли у нас подобные школы? Охраняются ли у нас законами и фактически промыслы и жизнь рыбы? Обучается ли население обращению с дарами природы, где человек не сеет, а только собирает в житницы? Громадная Сибирь дает ясный ответ на поставленные вопросы.

Рыбное богатство Сибири, еще недавно бывшее неисчислимым, тает с каждым годом; наступает уже оскудение. Несколько лет тому назад мне случилось быть на русском севере, на Мурмане, и убедиться, что и там, несмотря на близкое соседство культурнейшего норвежского народа, наше рыболовство ведется так, как вели его отцы, деды и более отдаленные предки современных русских рыболовов. Рыба кормит 50-миллионное население Японии, она могла бы оказывать существенную услугу и русскому народу, если бы у нас до недавнего времени не боялись распространять знания, основу всякого благополучия*.

Следующий день в Токио я провел в кругу ботаников, профессоров и доцентов Токийского университета, собравшихся на квартире проф. Фуджи**, чтобы посмотреть на русского собрата. Этот визит дал мне возможность видеть домашнюю обстановку японского интеллигентного человека, пользующегося почетным именем среди сотоварищей по специальности, и провести несколько часов среди японских коллег. Да, действительно, японцы взяли от Европы все, что им нужно для культуры и прогресса, и сохранили свои самобытные черты характе-

* Только в 1921 г. Россия вступила в этой области на путь просвещенного хозяйства. В этом году был открыт Институт Рыбоведения, цель которого — подвести научный фундамент под организацию рыбного промысла в России (*примечание автора*).

** Имена японских ученых приводятся с сохранением авторской транскрипции.

В. М. Арнольди с японскими профессорами-ботаниками. (1909 г.).
Фото В. М. Арнольди.

ра, свою исторически сложившуюся обстановку. Я подъехал на рикше к маленькому домику профессора. Войдя в миниатюрную переднюю, я должен был снять обувь и в сюртуке, перчатках (так как японцы любят этикет), но в одних чулках вошел в пустую комнату, усталую циновками. В следующей комнате я уже застал большое общество ботаников: известного своим открытием оплодотворения у цикасовых профессора Икено, работы которого взволновали в 1894 г. весь ботанический мир, проф. Мийаке, д-ра Тахара и нескольких других. Одни из гостей были одеты по-европейски, но тоже без обуви, другие оставались в национальных японских костюмах. Все общество уселось на полу, подложив под себя тонкие бамбуковые подушки. Подали чай, затем ряд закусок — наших бутербродов, но съедобное лежало не на хлебе, а на комках риса, особнным образом приготовленного. Происходил живой разговор, так как у нас, кроме общей специальности — ботаники, была общая деятельность — работа в университете. И в этом отношении наши восточные соседи ушли далеко вперед, и в жизнь университетов Японии не вносятся соображения постороннего характера, она идет лишь в сфере чисто научных интересов. Из разговоров за чашкой чая выяснилось, какой тяжелый путь прошла японская молодежь, учебные годы которой совпали с ломкой японской жизни на европейский лад. «Мы начали свое воспитание,—

говорили мои собеседники, — еще по старому японскому порядку; уже в средней школе нам пришлось обучаться и наукам, и западноевропейским языкам, и перенимать новую культуру. В университете нас встретили иноземные профессора, читавшие нам науки на разных языках, из которых ни один не был нам сколько-нибудь хорошо знаком. Учебники все были на мало понятных иностранных языках, и нам приходилось одновременно учиться и наукам, и языкам. Мы не помним того времени, когда бы мы отдыхали... Теперь же все поставлено значительно лучше. Профессора почти все японцы, преподавание идет на родном языке, учебники напечатаны по-японски; для наших учеников настали более благоприятные времена». Радужный хозяин пожелал снять с нас фотографию. В одну минуту были раздвинуты стены дома, сидящие получили равномерное освещение, и снимки удалась хорошо. Я удивлялся и простоте конструкции японского дома, и выносливости его обитателей, остающихся без печей иногда при небольшом морозе, и умеренности японской жизни, дающей возможность малыми средствами удовлетворять все главные потребности.

В тот же день вечером приходилось уезжать из Токио в Цуругу, гавань на востоке Ниппона, откуда поддерживается правильное сообщение с Владивостоком пароходами Добровольного флота и одной японской компании. Лишь семь дней пробыл я в Японии, получив возможность взглянуть, как говорится, только одним глазом на эту интересную страну; большая ее часть осталась мне совершенно неизвестной, но и то, что пришлось видеть и узнать, дает некоторое представление о наших дальневосточных соседях. Нечего и говорить, что Япония является вполне культурной страной, умеющей использовать свои природные богатства настолько, насколько позволяют современные условия, но вполне очевидно и то, что Япония является бедной страной, которая лишь с трудом может прокормить свое все возрастающее народонаселение. Японии безусловно необходимо расширять свою территорию и приобретать рынки для сбыта своих фабrikатов. Лишь 1/5–1/6 всей площади Японии является годной для культуры, все остальное — горы, где может расти только лес. Земля, годная для обработки, возделана до высокой степени совершенства; урожаи риса, чая и других сельскохозяйственных растений вряд ли могут быть подняты; рыболовство и рыбоводство также дают большое подспорье для пропитания народа, но все же ближайшее будущее ставит перед японцами ряд насущных вопросов. Продолжительные беседы с проф. сельскохозяйственной экономики Токийского университета, бывшим моим спутником от Цуругу до Тулы, дали мне возможность узнать, как смотрят японцы на эти вопросы.

Согласно мнению моего спутника, Япония и ее владения — Формоза и Корея — способны удовлетворить приросту населения по крайней мере в течение 25 лет или даже более, принимая во внимание улучшение способов культуры и развитие промышленности, которая должна привлечь к себе многие силы; но и теперь не мешает уже подумать о будущих местах, годных для заселения. Австралия, Сев. Америка не принимают переселенцев желтой расы; остаются необозримые равнины Ю. Америки, главным образом Аргентины, которая гостеприимно открывает свои двери для всех пришельцев. Более 100 миллионов акров прекрасной земли остаются в Аргентине еще незаселенными, и туда направляют свои взоры японцы. Делаются уже первые попытки японской колонизации Аргентины и устанавливается правильное сообщение между Японией и Ю. Америкой. И близкая к японцам Сибирь кажется им, наверное, лакомым куском, тем более, что они по недавнему опыту знают, что Сибирь сама по себе вряд ли может оказать им какое-либо энергичное сопротивление. Таким образом, завоевательные наклонности Японии не лежат в каком-то рыцарском духе ее населения, а диктуются роковой необходимостью, вопросами, связанными с возможностью существования все увеличивающегося населения. Это требование голода способно уничтожить все препятствия и будет неуклонно управлять всей политикой нации до тех пор, пока не будет утолен земельный голод страны. И нам, ближайшим соседям Японии, остается противопоставить ее стремлениям не только силу штыков, но прежде всего силу культуры, знания, развития.

Увы! Сибирь и вся тактика нашего управления показывают, что скорее нас можно завоевать, чем мы сделаемся культурной страной.

Глава XIV

*Возвращение домой.
Цуруга – Харьков*

ВЦуруге нас ожидал «великолепный быстроходный», как его аттестовали рекламы в путеводителях, пароход Добровольного флота.

К большому нашему изумлению мы увидели маленький грязный и старый пароход «Gouverneur Jeschke», на котором, кроме одного представителя Добровольного флота, все остальные люди, начиная с капитана и кончая боцманом, говорили по-русски только «ничего», «карошо», да и то потому, что князь Бисмарк в бытность свою посланником в Петербурге вывез из России слово «ничего», которым он охарактеризовал всю русскую жизнь. Пароход оказался немецким Hamburg – Amerikalinié*, арендованным Добровольным флотом, чтобы не лишиться субсидии, так как Добровольный флот должен поддерживать правильные рейсы между Владивостоком и Японией. Говорят, что собственные пароходы флота еще строятся. Сам по себе пароход был мал, грязен, его кухня была только посредственной, и вышеприведенные эпитеты могли быть отнесены к какому угодно другому пароходу, но во всяком случае не к этому. Выйдя из Цуругской бухты, пароход идет некоторое время вдоль берега Ниппона, а затем берет курс на северо-запад и выходит в открытое море. Японское море волновалось, утлая посудина прыгала на волнах, и в первый раз во время восьмидесятидневного плавания, которое мне пришлось перенести, я почувствовал приступы морской болезни. Ранним утром, на второй день после выхода из Цуруги, показались очертания о-ва Аскольда, и вскоре пароход вошел в живописную бухту Владивостока. День был ясный, и высоты, окружающие Владивосток, были видны очень хорошо. По склону гористого берега расположен

* Линии Гамбург – Америка.

Владивосток, производящий с моря впечатление большого города.

Многочисленные суда стояли на рейде, в числе их пятирубный «Аскольд» выделялся своим массивным темным телом. «Аскольд» — единственное из больших судов, уцелевшее от недавнего разгрома, но и он, как говорили моряки, ехавшие со мной в поезде, сейчас не многого стоит: он устарел, а его вооружение совершенно недостаточно. Владивосток производит впечатление нового города, недавно призванного к жизни. Есть прекрасные дома, даже целые недурно обставленные улицы, как, например, главная улица Светланская и Алеутская, но главный оригинальный признак русского города — отвратительные мостовые — свойственен и Владивостоку. Тучи пыли, поднимающиеся с грязных, мало подметаемых и поливаемых улиц, впервые встретили нас здесь после восьмимесячного отсутствия из пределов Российского государства. В гостинице мы, по русскому обычаю, были ободраны, как липки. Несмотря на дешевую сравнительно жизнь в городе и невысокую цену пищевых продуктов, более низкую, чем в средней России, с нас взяли за маленькую комнату с тремя постелями 7 р. 50 коп. за одну ночь; за суточный пансион самого среднего качества, без вина, нам втроем пришлось заплатить 23 рубля! Первый признак некультурности города и страны — таких цен не было в самых лучших отелях Явы, Сингапура, Японии! Побродив вечер и утро по Владивостоку, мы сели в вагон скорого поезда Китайско-Восточной дороги, который должен был довезти нас до Иркутска. Нужно отдать справедливость чистоте и удобности этого поезда, где чувствуешь себя, как дома, и легко переносишь долгое путешествие по Манчжурии и Сибири; но и тут встретилось одно обстоятельство, заставившее меня выразить недоумение: в поезде едет особый начальник поезда, занимающий целое отделение, т. е. не меньше двух мест. Если принять во внимание, что цена билета II класса от Владивостока до Москвы равна 210 р., то уже своим присутствием в два конца начальник поезда приносит более 400 р. убытку. Для чего же он находится в поезде, осталось для нас невыясненным. Обыкновенно билеты на скором поезде разбираются за несколько дней до отхода его, и по самой постановке дела присутствие «зайцев» в этих нумерованных вагонах невозможно. Я думал, что начальник поезда существует для того, чтобы оказывать услуги иностранцам, проезжающим через Сибирь и составляющим в период летнего движения более всех пассажиров. Но оказалось, что начальник поезда, который сопровождал поезд до Москвы, не изъяснялся ни на каком другом языке, кроме русского, прибегая к помощи пассажиров в случае необходимости объяснить-

ся с иностранцами. Прислуга в вагоне-ресторане, которая также понимала только по-русски, пользовалась беспомощным положением иностранцев, приписывала лишние деньги к счетам (чему я сам был свидетелем). Казалось бы, задача начальника поезда, раз хотят Сибирской дороге придать значение мирового транспортного пути, и должна заключаться в оказывании услуг иностранцам, но, очевидно, она понималась иначе. Чтобы покончить с поездом, остается сказать еще одно слово. Насколько хорош, чист и удобен поезд Китайско-Восточной дороги, настолько поражает своей грязью и потертостью сибирский поезд, идущий от Иркутска до Москвы. Он был, очевидно, когда-то очень хорош, но сейчас в него противно входит из эlegantного поезда Китайской дороги. Лучше всех работает поезд международного общества, где иностранцы пользуются услугами говорящих на французском языке проводников и лакеев. И этот поезд, хотя он и дороже рублей на восемнадцать, бывает, как говорят, переполнен.

Из Владивостока поезд идет долгое время берегом моря, среди леса, по прекрасной, но почти необитаемой стране. Только и видишь солдат, которые охраняют линию и размещены в разных ее местах. За станцией Пограничной поезд входит в пределы Китайской империи, в Манчжурию, и идет сначала лесистой и холмистой местностью, а затем долгое время — степью. И здесь также поражает пустынность мест, изрезанных полотном жел. дороги. Целыми часами не видно поселений, и роскошная, покрытая цветами степь не оживлена даже стадами скота.

Манчжурская степь необыкновенно красива. Бесчисленное количество розовых и красных лилий, синие ирисы, оранжево-желтые купальницы, лютики и масса других ярких цветов покрывают ее и напоминают своим видом альпийский луг.

Около Харбина местность несколько населеннее, а сам Харбин представляет собой уже большой город, лежащий на многоводной Сунгари, покрытой пароходами. От Харбина идет дорога к югу до Порт-Артура и Дальнего*, Инкоу, Тяньцзина и Пекина, но в наших руках находился только небольшой ее участок до Куаньченцзы, остальная часть отошла к японцам и находится в руках китайцев. Невольно начинаешь расспрашивать у местных жителей-офицеров, ехавших с нами в поезде, и других лиц о настоящем положении этого края, покупаешь местные карты — и в результате всего этого получается тяжелое, негладкое впечатление. Дорога, на которую были затрачены

* Ныне Далянь.

В. М. Арнольди по возвращении в Москву (1923 г.).

На обороте рукой Арнольди К. В. «Папа в Московском ботаническом саду восхищен первым теплым днём».

многие миллионы народных денег, работает с большим убытком; не говоря о слабом пассажирском движении, которое лишь изредка дает прибыль, товарное движение почти отсутствует на ней, и в день проходит всего лишь по два товарных поезда. Но и этого мало. Китай проснулся, со всех сторон приходится слышать о пробуждении китайского народа. В китайской местности видишь хорошо одетых, сильных и крепких китайских солдат, китайцы ввели всюду таможи и сколько могут стесняют ими русскую торговлю и русский ввоз; правый берег Амура заселяется китайскими семьями с лихорадочной поспешностью, китайцы все более и более сжимают русскую дорогу, идущую по их земле, и близко время, когда в силу обстоятельств придется отдать ее китайцам, борьба с которыми с каждым годом становится все труднее и труднее. Неудержимая волна пробудившейся массы этого в высокой степени трудолюбивого и одаренного народа смывает все посторонние наносы, и нужно

только опасаться, чтобы этот разлив не зашел слишком далеко и не перешел бы границы чужой земли. После продолжительного наблюдения над китайцами на Яве и других островах Малайского архипелага, после знакомства с ними в Китае я вынес мнение, что скоро Китай станет на тот путь, на котором Япония так блестяще сделала свою международную карьеру, и плохо будет тем, кто урывал клочки от Китая, когда он еще не мог защитить себя. Мне думается, что судьба немецких, английских и других иноземных колоний на китайской территории уже предрешена, предрешена и судьба Манчжурии, которая скоро превратится в цветущую и заселенную китайскую провинцию.

После станции Манчжурия, где проезжающих путешественников нестерпимо мучает русская таможня, в то время как караваны товаров проходят, минуя таможи, начинается Забайкалье, открываются чудные виды, тянущиеся до самого «моря» — Байкала. Поезд приходит туда ночью, становится холодно, несмотря на ясный и жаркий день, который был перед этим.

В Танхое — снова таможня; снова заставляют едущих развязывать свои чемоданы — это приходится путникам проделать в четвертый раз на пути из Цуруги: во Владивостоке, на ст. Пограничной, в Манчжурии и Танхое. Вскоре после Танхоя, обходя Байкал с юга, поезд подходит к Иркутску, где стоит довольно долго и происходит пересадка. К сожалению, не было времени ознакомиться с этим главным центром Восточной Сибири. От Иркутска дорога идет по тайге и по границе таежной области.

Дорога очень живописна, местность заселена значительно гуще, чем Забайкалье. У станции Черемхово находятся каменноугольные копи, лежащие около самого полотна жел. дор. Паровозы запасаются здесь углем (около 700 пуд.), который нагружают при помощи остроумных приспособлений в течение 5–8 минут. Между Иркутском и Челябинском всюду идут работы по прокладке второго пути, и дорога производит впечатление порядка. Очень красива местность под Красноярском, где поезд идет по высокому мосту через могучий Енисей, текущий в высоких гористых берегах, заросших мрачной тайгой. Сибирская дорога сильно изменила жизнь территории, по которой она проходит; прежние цветущие центры, обойденные дорогой, постепенно падают; наоборот, разрастаются другие новые города, лежащие близ линии. Омск, бывший лишь административным центром, является в настоящее время одним из важнейших торговых городов Сибири; на Оби вырос Ново-Николаевск*,

* Ныне Новосибирск.

насчитывающий теперь около 50 тысяч жителей, из небольшого поселка, бывшего на его месте до проведения дороги. Еще не доезжая до Омска, поезд переходит в степную область и идет по Барабинской степи. В Челябинске, куда приходит поезд поздно вечером, кончается Великий Сибирский путь. Вскоре после него поезд подымается на Уральский хребет и спускается по живописным склонам Урала в степи восточной России. Начинаются знакомые, уже виденные в прежние годы места, родные картины. Путешествие оканчивается. После восьмимесячного отсутствия снова находишься в центре русской жизни.

Основные даты жизни и деятельности В. М. Арнольди

1871. 21 июня — Родился в г. Козлове Тамбовской губернии в семье врача.
- 1889 — Окончил курс в 1-й Московской гимназии.
- 1889–1893 — Студент Московского университета (сначала у профессора К. А. Тимирязева, потом занятия у профессора И. Н. Горожанкина).
- 1893–1990 — Ассистент (хранитель гербария) при Университетском ботаническом саду.
- Ведет бесплатные занятия по ботанике на «Коллективных уроках воспитательниц и учительниц».
- 1895 — Экскурсия с профессором И. Н. Горожанкиным в Балкарию.
- 1898 — Женитьба на старшей дочери И. Н. Горожанкина Ольге Ивановне. Свадебное путешествие в Италию.
- 1899 — Рождение первого сына — Льва и его смерть (1900).
- 1899–1900 — Командировка в Германию к профессору К. Гебелю в Мюнхен и к профессору Е. Вармингу в Копенгаген. Дания.
- 1900 — Защита магистерской диссертации «Очерк явлений истории индивидуального развития у некоторых представителей группы *Sequoiaceae*».
- 1901 — Выход книги «Введение в изучение низших организмов».
- 1901–1903 — Адъюнкт-профессор в Сельскохозяйственном и лесном институте в Новой Александрии (ныне Пулавы, Польша).
- 1903–1919 — Профессор кафедры ботаники Естественного отделения Физико-математического факультета Императорского харьковского университета и директор Ботанического сада этого университета. Председатель педагогического совета гимназии общества трудящихся женщин в Харькове. Организатор Высших женских курсов в Харькове.

1902 – Рождение сына Льва.

1905 – Рождение дочери Анны.

1906 – Защита докторской диссертации: «Морфологические исследования над процессом оплодотворения у некоторых голосеменных растений». Поездка в Мурманск, на Кольский перешеек и в Кандалакшу.

1908–1909 – Работа на Яве, посещение Японии.

1911 – Поездка в Швейцарию, Францию, Англию (осмотр ботанических садов).

1912 – Создание Гидробиологической станции в Змиеве под Харьковом.

1914 – Поездка на Белое море и Соловецкие острова.

1919–1921 – Переезд в Краснодар, профессор ботаники Кубанского политехнического института, председатель биологической секции Совета обследования и изучения Кубанского края, профессор Института водного хозяйства.

1912 – Принимает участие в научно-промысловой экспедиции «Главрыба».

1920–1921 – Организует экскурсии на озеро Абрау для изучения Суджукской грязевой лагуны и лимана.

1922 – Переезд в Москву, профессор Московского университета, профессор рыбохозяйственной лаборатории Петровской сельскохозяйственной академии, профессор ботаники Ярославского университета.

1923 – Экспедиция на научном судне «Бесстрашном», где участвуют и его сыновья.

1923 – Избран членом-корреспондентом АН СССР.

1924, 22 марта – Скончался от кровоизлияния в мозг. Похоронен на Пятницком кладбище в Москве.

Указатель имён

Абрам	193, 194, 199, 200, 202, 211	Детмер	104
Алексеев Л. В.	5	Джеири	44, 80, 83
Арнольди В. М.	<i>по всей книге</i>	Диво-Кезумо	118, 119
Арнольди О. И.	6	Дипонегоро	120
Баадилла, братья	162, 172–175, 190, 211, 212, 221	Дрон	18
Баадилла, Сех Саид бин		Дубровин	49
Абдулла	162–164, 177, 185	Зееман Р.	207
Бакунин М. М.	5, 121	Иванов	49
Бедекер К.	17	Иеремиас	193, 194, 203, 204
Белякова Г. А.	5	Икено, профессор	247
Бисмарк О.	23	Йехири (Jehigi)	
Бичер_Стоу	121	Каменский Каменский	
Боссе, Вебер Ван	144, 152	Камис	216
Вигман	46, 68	Кампен, Фан	112, 115
Гаршин В. М.	63	Катон	235
Геккель	135	Клу, дю	173, 177, 220, 222
Гёте И. В.	109	Коротнев А. А.	49
Гневушева Е. И.	8	Краснов А. Н.	49
Голенко	49	Ласани	193, 203
Давыдов К. Н.	49, 111, 145, 147, 152, 158, 164, 165, 170–173, 185, 187, 190, 194, 204, 207, 214, 215, 220	Латетеин	190
Дандельс Х. В.	42	Лассепс Ф.	22, 24
Дарий	24	Магнус	50
Дева Кусума	<i>см. Диво-Кезумо</i>	Мелоко	216
Декер Доувер	<i>см. Декер Э. Д.</i>	Мертон	12
Декер Э. Д.	121	Месак	177, 193, 194, 198
		Метекохий П. и Е.	204, 205
		Мийаке, профессор	247
		Миоши, профессор	244, 245
		Мойтина, капитан	193, 195,
		196, 198–202, 211, 213	

Мугни	50	Сайдель (Seidel)	
Мультагули см. Декер Э.Д.		Сапин (Sapihin)	44, 99
Навашин С.Г.	49	Саразины, бр.	143
Наполеон	120	Сариман	44
Нонг-Нонг	43, 44, 50, 112	Стрелины, бр.	49
Окамура	245	Сурабая (Сурабайя)	
Па-Идан	43, 44, 49, 68, 84, 85, 88, 90, 91	Тахара	247
Панджи Ино-Карта-Патти	119	Тейсман (Teijsmann) Т.	45, 46, 50, 55, 98, 106, 108, 123
Педашенко	49	Токугава	240, 244
Поддубная-Арнольди В.А.	5	Трейб М.	39, 40, 46, 48, 68, 96, 110, 112, 163, 225
Пушкин А.С.	66	Уоллес А.Р.	13, 140–144, 147, 149, 152, 165, 166, 168–170, 172, 174, 183, 185–187, 192, 208, 214–216, 219, 220
Р. (Ротарт)	43, 50, 80	Фуджи, профессор	245
Раффлз Т.С.	226, 227	Шмидт	151, 172, 221
Рей	157, 158	Щербатова О.А.	5
Робинзон	23	Яа	43, 99, 102, 106
Розенберг	144		
Ротарт (Ротерт) В.А.	49		
Рамзес II	24		
Румфиус	66, 225		

Указатель географических названий

- Австралия 54, 67, 140–143, 177, 183, 194, 214, 220, 223, 249
Аден, город 26–28, 31
Азия 13, 16, 140, 141, 143
Альпы 17
Альфурское море 189, 197, 198, 211
Аляска 117
Амбоина (Амбон) 139, 140, 146, 154–159, 162, 165, 166, 168, 177, 192, 205
Америка 48, 51, 89, 141, 249
Амой, город
Амур, река 253
Англия 25
Анды, Андские горы 123
Апеннинские горы 17
Аппенберг, гора 164
Аравия 28, 63
Арафурское море *см.*
Альфурское море,
Аргентина 249
Ару (Аруанский) архипелаг 12, 14, 111, 114, 142, 143, 145–147, 153, 157, 158, 163, 164, 166, 168–170, 172, 174, 177, 183, 185–191, 193, 200, 208, 210, 212, 215, 221, 222
Аскольд, остров 250
Африка 23, 63
Баб-эль-Мандебский пролив 26
Байкал, озеро 254
Бали, остров 117, 118, 140–144, 147, 148, 166
Балийский пролив 116
Балкария
Банда (Бандийское) море 144, 149, 154
Банда, острова 43, 140, 142, 146, 160, 166
Банда Апи, остров *см.* Гунонг Апи
Банданайра, Банда Нейра (Banda Neira), остров 160–162, 164
Бандан Элат (Банда-Элат), город 164
Банда Лонтор (Banda Lonthor), остров 43, 161, 164
Бандунг, город 123, 124
Банка, остров 226
Бантен (Бантам) 117, 119, 120
Барабинская степь 254
Баракан, остров 189, 198–200
Баркай, остров 198, 199, 210
Батавия, город 5, 14, 34, 36, 40, 47, 72, 108, 111, 112, 117, 120, 123, 146, 158, 223, 225, 227

- Батугулис, населенный пункт 92, 93
 Бейтензорг, город 14, 16, 36–43, 45–50, 52, 54, 59, 65, 67–70, 72, 73, 75–78, 80, 83–85, 89, 92–94, 99, 104, 110, 112, 113, 115, 117, 122, 123, 131, 132, 137, 138, 186, 213, 219, 220, 223–225, 227
 Белое море
 Бельгика, форт 162
 Бенкулен, город 226
 Берлин, город 16, 17
 Бирма 58
 Блаканг Танах (Blakang Tanah) 188, 190, 199, 207, 217, 218, 220, 221
 Богор *см.* Бейтензорг
 Большие Зондские острова 14, 140
 Большое Горькое озеро 23, 24
 Большой Кай (Кай Бесар)
 Борнео, остров 14, 67, 116, 140–144
 Бразилия 96
 Бромо, вулкан 116
 Бубафис, селение 24
 Булеленг, город 147
 Бурю, остров 154, 155, 212
 Бутон (Бутунг), остров 140, 152–154, 166, 173, 181

 Вазир, остров 188
 Вамар, остров 170, 173, 176, 183–185, 188, 190, 198, 213, 214, 220, 221
 Вамук, река 208
 Ванумбай, деревня 200, 207, 214, 215
 Ванумбай, река-пролив (Wanoembai) 187, 192, 206, 208, 215, 216, 219, 220
 Варджукур, деревня 204, 207, 217
 Варилау, остров 188
 Вателай, река 215
 Ватулай, острова 189
 Вахей (Вайгео), остров 140
 Везувий, вулкан 18, 35, 39
 Вей-хай-вей, город 234
 Виктория, город
 Владивосток, город 248, 250, 252, 254
 Вокам, остров 170, 177, 187–190, 215, 219
 Воркай, остров 187, 189, 208
 Воркай, пролив 187
 Вулькано, остров 19
 Вэйхайвэй *см.* Вей-хай-вей

 Гарут, область 124
 Гвинея 63, 156
 Геде, вулкан 35, 36, 40, 45, 62, 65, 84, 93–95, 98, 99, 105–108, 110, 113, 116, 123, 225
 Генуя, город 16
 Геркуланум, город 18
 Германия 25, 234
 Гилинг 118
 Гоа (султанат на о. Целебес)
 Голландия *см.* Нидерланды
 Гонконг 230, 231
 Гренландия 48, 140
 Греция 74
 Гуандун пров. *См.* Квантунг
 Гуонг Апи (Gunong Api), остров 160, 164

 Дальний (ныне Далянь), город 252
 Дальний Восток 237
 Дания
 Депок, город 92
 Джакарта *см.* Батавия
 Джамбулай *см.* Пенамбулай
 Джедан, острова 190
 Джокьякарта (Джокья), город 119, 120, 125, 129, 130, 132, 134, 136
 Джохор, султанат и город 226, 228, 229

Джохорский пролив	228	Кавказ	155
Джудин, острова <i>см.</i>		Кай, острова	140, 142, 144, 156, 164, 165, 168, 222
Кокосовые острова		Калимантан <i>см.</i> Борнео	
Дзинтау, город	234, 235	Кандалакша, город и залив	
Диенг, плато	118	Кантон (Гуанчжоу), город	230
Добо, город	157, 164, 168, 170, 171, 174, 175, 177, 178, 181, 183, 185, 190, 191, 205, 210, 214, 215, 220, 221, 223, 224	Капри, остров	18
Европа	34, 46, 48, 56, 67, 74, 90, 104, 120, 138, 141, 162, 163, 192, 219, 233, 239, 242, 246	Каравейра (Карайрай), острова	190, 211
Египет	20	Каятсу, город	232
Екатеринодар	10	Квантунг, провинция	230
Енисей, река	254	Кедири	
Забайкалье	254	Киао-Чао	234
Зондские острова	13, 14, 63, 141, 142	Киото, город	236–241
Зондский пролив	116, 118	Китай	10, 85, 230, 234, 238, 242, 244, 253, 254
Измаили, город	23	Киу-Сиу, остров	238
Индийский океан	13, 34, 108, 116	Клатген (Кляттен)	136, 137
Индия	8, 17, 29, 64, 120, 121	Коба, остров	187, 198, 215
Индонезия <i>см.</i> Нидерландская Индия		Кобе, город	236, 238, 239
Индостан		Коброор, остров	187, 189, 192, 198, 202, 204, 207, 215, 218
Инкоу, город		Козлов, город	5
Инсулинда <i>см.</i> Нидерландская Индия		Кокосовые острова	197, 198
Иокогама, город	231, 238	Кола (Kola), остров	187, 190
Ионийское (Ионическое) море	20	Коломбо, город	28, 29, 229
Иркутск, город	251, 252, 254	Кольский полуостров	
Иския, остров	18	Коралловый остров (Pulu Karang)	189, 196, 197
Исмаилия, город <i>см.</i> Измаили		Корейский пролив	
Италия	18	Корея	243, 244, 249
Йена, город	104	Краснодар <i>см.</i> Екатеринодар	
Йокохама, город <i>см.</i> Иокогама		Красное море	24, 25
Кабаний (Свиной) остров (Pulu Babi)	88	Красноярск	254
		Кракатау, вулкан	29, 118
		Крокодилово озеро <i>см.</i> Типсах	
		Крузенштерна пролив	237
		Кубанский край	
		Кур, остров	164
		Курская губерния	112
		Кюсю, остров <i>см.</i> Киу-Сиу	
		Ледовитый океан	28
		Леер, остров	189, 200, 202, 207, 208
		Лейтимиора, остров	155

- Липарские острова 19
 Лола, остров 202, 203, 207, 217
 Ломбок, остров 140, 141–144, 147, 148, 152
 Лондон 231
 Люшун (Портр-Артур), город

 Мадагаскар, остров 64
 Мадуро, остров 116, 118, 119, 142
 Мадурский (Мадуранский) пролив 116, 118, 146, 224
 Майкоор *см.* Мейкоор
 Макао 230
 Макасар, город 148, 149, 151, 152, 166, 172, 174, 186, 221, 224
 Макасарский пролив 142, 144
 Малайский архипелаг 5, 7, 9, 13–15, 40, 57, 66, 85, 91, 139, 140, 142–144, 157, 186, 197, 198, 205, 210, 253
 Малакка 116, 140
 Малаккский полуостров 141–143
 Малаккский пролив 31, 34
 Малый Кай (Кай Кечил)
 Малые Зондские острова 116, 120, 140, 143
 Мальдивские острова 29
 Манчжурия 234, 235, 251, 252, 254
 Маос, город 123–125
 Мара, озеро 24
 Марири, острова 189, 200, 208, 210, 211
 Матарам, государство и область 119, 120, 134
 Мегамендонг, гора 109
 Мейкоор, остров 186, 187, 190–192, 207, 215, 220, 221
 Мекка, город 40, 154
 Мексиканский залив 63
 Мельбурн, город 223
 Менсале, озеро 23
 Мерауке, город 155, 168, 212, 213
 Мериме, озеро *см.* Менсале
 Мессина, город 20, 29, 32
 Мессинский пролив 19, 20
 Мимин, остров 207
 Минахаса, полуостров 153
 Миссоле (Мисоол), остров 140
 Моджи, город 238
 Молуккские острова 13, 14, 142, 144, 153, 154, 219
 Монте-Сомма, вулкан 18, 35
 Москва, город 41, 98, 163, 239, 242, 251, 252
 Мунтилан, ж.-д. станция 125, 126, 129
 Мунаи, остров 152
 Мурман 246
 Мурманск, город
 Муси, река 226
 Муток, нас. пункт 226
 Мюнхен, город 16

 Нагасаки, город 235–238
 Нассау, форт 162
 Неаполитанский залив 18
 Неаполь, город 18, 22, 32
 Нидерландская Индия 5, 7–9, 13, 14, 34, 35, 42, 46, 47, 121, 147, 151, 163, 192
 Нидерланды 45, 113, 120, 121
 Нил, река 23, 24
 Ниппон, остров 238, 250
 Новая Гвинея, остров 13–15, 111, 117, 140, 142, 143, 145, 146, 155, 163, 169, 170, 172, 188, 207, 208, 210, 212, 213, 224
 Новая Зеландия 67
 Ново-Николаевск, город (ныне Новосибирск) 254
 Нубия

 Обь, река 254
 Омск, город 254
 Осака, город 238, 239

- Падаларанг, нас. пункт 123
 Паджаджаран, государство 119
 Палембанг, город 226
 Пангеранго, вулкан 94, 98, 105, 108, 116
 Пападаян, вулкан 124
 Папуасия 140, 142, 168
 Париж, город 48
 Пасуруан, город 224, 225
 Пекин, город 252
 Пенамбулай, остров 189, 199, 200–203, 208, 210
 Пенанг, город 32
 Перим, город 26
 Петербург, город 250
 Пограничная станция 254
 Помпея, город 18, 19
 Порт-Артур, город (Люшун, ныне Люйшунь) 234, 252
 Порт-Саид, город 17, 20, 22, 23, 31
 Прамбанан, нас. пункт 134
 Праху, река 126
 Преангер, область 108, 110, 123
 Прочида, остров 18
 Пруссия 16
 Пунчак, перевал 109, 110
 Пуло Капал (Pulu Kapal), остров
 Пуло Крака (Pulu Kraka), остров
 Пуло Писанг (Pulu Pisang), остров
 Реджио, город 20, 29
 Риоу, арх. 226
 Россия 0, 16, 49, 100, 163, 177, 216, 225, 250, 255
 Салак, вулкан 35, 36, 38–40, 69, 84, 87, 89–91, 93, 94, 123, 225
 Салейер (Салаяр), остров 140
 Сальвати (Салавати), остров 140
 Саманг, остров 176, 190
 Сапаруа, остров 205
 Севастополь, город
 Сейшельские острова 64
 Семаранг, город 89
 Семеру, вулкан 116, 118
 Серам, остров 140, 142, 153, 155, 157, 173, 193
 Сибирь 10, 16, 163, 246, 249, 251, 254
 Сикианг (Жемчужная река) 230
 Сикоку, остров 230
 Симоносеки, город 237, 238
 Сингапур, город 32, 34, 47, 146, 170, 225–229, 238, 251
 Синданглайя 92, 109
 Сисирвату, река 187
 Сицзян, река *см.* Сикианг
 Сицилия, остров 19, 147
 Скилла 19
 Сокотра (Сокотора), остров 28
 Соло *см.* Суракарта
 Соловецкие острова
 Средиземное море 28
 Стромболи, остров 19
 Сукабуми, город 93
 Сулавеси *см.* Целебес
 Сулу (Сулла), остров 140
 Суматра, остров 14, 31, 35, 62, 91, 111, 116, 118, 120, 140–143, 226
 Сумбава, остров 148
 Сунгари, река 252
 Сурабая, город 116, 119, 122–124, 132, 137–139, 147, 158, 173, 219, 224, 225
 Суракарта, город 120, 134, 137
 Суэц, город 17, 23, 24
 Суэцкий канал 22, 23, 28
 Сямынь, город *см.* Амой
 Тайвань, остров *см.* Формоза
 Тамбовская губерния 5, 112
 Танах Бесар (Tanah Besaar),

- область 187, 188, 208
 Танхой, город 254
 Танджунг-Приок (Tandjong-
 Priok) 35, 40, 64, 112, 113, 115,
 225
 Тасикмалая, город
 Телага-варна, озеро 109
 Тенггер, область 117
 Тимор, остров 13, 140, 142
 Тимор-лаут, острова 140, 141,
 143, 144
 Типсах, озеро 23
 Тирренское море 19
 Тихий океан 13
 Токийский залив
 Токио, город 236–238, 240,
 242–244, 246, 248
 Торресов (Торреса) пролив 195
 Транган (Trangan), остров
 187–190, 194, 195, 215
 Туал, город 156, 165, 166, 168
 Тула, город 248
 Тысяча островов
 Тяньцзин (Тяньцзинь), город
 234, 252
 Уджир (Удбир), остров 188,
 190, 207, 212–214, 217
 Уджунгпанданг *см.* Макасар
 Урал 255
 Утанама, река 208

 Файр, остров 165, 166
 Филиппины 116
 Флорес, остров 143
 Формоза, остров 231, 249
 Франция 225
 Фугу (Фуонтау), город 231
 Фузии-яма (Фудзияма), вулкан
 242
 Фучжоу, город *см.* Фугу

 Хальмахера, остров 140, 144
 Ханькоу, город 232
 Харбин, город 252
 Харьков, город 6, 10, 16, 41, 249

 Хиту, остров 155
 Хонсю, остров *см.* Ниппон

 Цейлон, остров 17, 28, 29, 31,
 33, 54, 88, 194
 Целебес, остров 14, 116, 120,
 140–144, 148–153, 168, 173, 174
 Центральная Америка 63
 Цзянсу, город *см.* Каятсу
 Циндао, город *см.* Дзинтау
 Цуруга, город 236, 248, 250, 254
 Цусима, остров 237

 Челябинск, город 254
 Черемхово, ж.-д. станция 254
 Чирибон, город 119
 Черное море 11, 28
 Чианджур, город 92–94, 107,
 122, 123
 Чиапус, ущелье и река 84, 85,
 90
 Чибадак (Tjibadak), река и
 селение 93
 Чибалок (Tjibalok), река 55
 Чибату, селение 124
 Чибодас (Tjibodas), селение 44,
 92, 95–99, 105, 109–111, 122,
 123
 Чибурум (Tjiburum), селение
 103, 105
 Чидани, река 38, 40, 69, 85
 Чиливунг, река 40, 62, 64, 65,
 68, 78
 Чипанас, селение 92, 96, 109
 Чиребон *см.* Черибон
 Чур, остров 164

 Шанхай, город 229, 231–234
 Швейцария 205
 Шпицберген, остров 48
 Шри Ланка *см.* Цейлон

 Эльбрус 94
 Эну, остров (Pulu Enoe) 177,
 189

Эолийские острова <i>см.</i>	136–143, 145–147, 155, 156, 159,
Липарские острова	162, 168, 183, 185, 223–226, 253
Южная Америка	54 Яванское море 89, 98, 108, 116,
Ява, остров	5, 9, 14, 16, 29, 32, 118, 143, 212, 225
35, 40, 42, 43, 45–47, 49, 52, 68,	Янтсе-Кианг (Янцзыцзян),
71, 72, 74, 75, 81, 84, 85, 87–91,	река 231, 232
94, 96, 99, 108, 111, 112, 113,	Япония 10, 16, 48, 49, 85, 225,
116–120, 122, 124, 128, 131–134,	229, 230, 234–236, 238, 239,
	241–251, 254

Оглавление

Предисловие	5	Глава IX	170
Предисловие автора ко 2-му изданию	12	Глава X	187
Введение	13	Глава XI	215
Глава I	16	глава XII	223
Глава II	38	Глава XIII	236
Глава III	69	Глава XIV	250
Глава IV	84	Основные даты жизни и деятельности В.М. Арнольди	256
Глава V	112	Указатель имён.....	258
Глава VI	116	Указатель географических названий	260
Глава VII	140		
Глава VIII	146		

Издательство
МИНУВШЕЕ

**Мировая и российская
история и культура**

*в лицах и биографиях,
письмах и воспоминаниях,
дневниках и документах.*

*Возвращение забытых
и неоценённых имён,
событий, фактов.*

*Новая жизнь книжных раритетов,
частных и музейных коллекций.*

*Возрождение истинных ценностей
истории и культуры.*

Наши издания
вы всегда можете приобрести
в московских книжных магазинах:
«Библио-Глобус», «Дом книги на Новом Арбате»,
«Москва», «Молодая Гвардия», «Русское зарубежье»,
галерея книги «Нина», «Фамильная библиотека», «Фаланстер»,
«Старый свет», «Русская деревня», «Империya».
В Санкт-Петербурге:
«Книжный окоп», «Книжный центр».
В интернет-магазинах:
«Озон», «Хобби-Пресс», «Музейная книга»,
«Лабиринт», «Деметра».

«Мир глазами россиян»

Новая книжная серия издательства «Минувшее»

Неопубликованные или не издававшиеся
с XVIII – начала XX веков воспоминания,
путевые записки, дневники,
исследования российских путешественников,
ученых, дипломатов, литераторов,
волей судеб получивших возможность
своими глазами увидеть далекие неведомые
страны и рассказать о них российскому читателю.

Их свидетельства показывают
весомый вклад россиян в познание других стран
и представляют большой интерес
для изучения истории России.

*Серия рассчитана не только на специалистов,
но и на широкий круг читателей,
интересующихся историей путешествий и открытий.*

Формат издания – 60 x 90/16, твердый переплет,
тиснение золотом или серебром,
черно-белые и цветные иллюстрации,
справочный аппарат,
объем от 300 стр.

М.М. Бакунин

Тропическая Голландия. Пять лет на острове Ява.

Книга Модеста Модестовича Бакунина (1849–1913) вышла в свет в 1902 году и с тех пор не переиздавалась, став подлинной библиографической редкостью. Автор был первым и единственным за всю историю российским гражданином, занимавшим в 1894–1899 гг. должность российского консула при голландской администрации в Батавии (ныне – Джакарта). Записки Бакунина, составленные преимущественно из донесений в МИД России, сочетают непосредственные впечатления с изучением многочисленных работ западноевропейских авторов.

Для востоковедов книга остается одним из первых и для своего времени наиболее полным и всесторонним источником сведений о Нидерландской Индии (ныне – Индонезия), ее истории, культуре, обычаях, образе жизни населения, о колониальной политике метрополии. Книга предлагается читателю без каких-либо изъятий, внесены лишь уточнения в географические и другие названия.

О.А. Щербатова

В стране вулканов

Княгиня Ольга Александровна Щербатова (1857–1944) – опытная русская путешественница, хорошо владевшая пером. О.А. Щербатова – наследница двух знаменитейших российских династий Строгановых и Васильчиковых, а ее муж и спутник в трудных странствиях А.Г. Щербатов принадлежал к известному роду, из которого вышли министры, губернаторы, высокие придворные чины.

В конце XIX – начале XX в. О.А. Щербатова написала несколько занимательных книг с путевыми заметками о своих путешествиях, которые с тех пор не переиздавались и планируются к выходу в свет в серии «Мир глазами россиян».

Книга «В стране вулканов» рассказывает о Нидерландской Индии (ныне – Индонезии). Она прекрасно написана, а особую ценность представляют личные впечатления автора о встречах с самыми разными людьми, политике колониальных властей, быте, традициях и природе этой далекой страны. При подготовке книги к переизданию полностью сохранен литературный стиль автора, характерный для образованных кругов России конца XIX в.

В. М. Арнольди

По островам Малайского архипелага. Впечатления и наблюдения натуралиста
Редакция текста, вступительная статья А. Ю. Другова, В. В. Савицкого, именной указатель, комментарии, примечания А. Ю. Другова, Е. М. Русакова. М.: «Минувшее», 2014, 272 стр., ил. /Мир глазами россиян/

Путевые заметки профессора ботаники Харьковского университета Владимира Митрофановича Арнольди (1871–1924) о его научной командировке в Нидерландскую Индию (ныне – Индонезия) в 1908–1909 гг. вышли в свет в 1911 году и были переизданы всего один раз – в 1923 г.

В. М. Арнольди интересен не только как крупный ученый, основатель российской школы альгологии (науки о водорослях), но и яркий представитель отечественной интеллигенции конца XIX в., высокий профессионализм которого неотъемлем от дум о судьбах Родины. Его путевые заметки отличаются широтой интересов, объективностью, объемом видения и прекрасным слогом. Наряду с увлекательными биологическими наблюдениями и описанием уникального ботанического сада в Бейтензорге (Богоре) книга содержит много ценного о повседневном быте, культуре, нравах, обычаях и верованиях жителей различных районов Нидерландской Индии.

При подготовке книги к переизданию полностью сохранен литературный стиль автора, уточнения коснулись только орфографии.

Для востоковедов и всех, кто интересуется историей, культурой и бытом жителей Юго-Восточной Азии.

Мир глазами россиян Юго-Восточная Азия

В.М. Арнольди

ПО ОСТРОВАМ МАЛАЙСКОГО АРХИПЕЛАГА

*Впечатления и наблюдения
натуралиста*

Художественное оформление, верстка К.А. Зубченко
Корректор М.Б. Донская

Подписано в печать 25.02.2014.

Формат 60х90/16.

Бумага офсетная №1.

Печать офсетная.

Печ. л. 17

Заказ №

Тираж 700 экз.

Лицензия ИД №06244 от 12.11.2001

Издательство «Минувшее»

117292, Москва, Профсоюзная ул., 12

Адрес для переписки: Россия, 107014, г. Москва, 3-я Сокольническая ул., д. 1. кв. 102

Тел.: 8 (499) 268-51-20, +7 (916) 503-44-31

www.minuvshee.com, e-mail: trivek@mail.ru

Отпечатано в типографии ОАО «Можайский полиграфкомбинат»

143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.оаомрк.ру, оаомнк.рф Тел: (495) 745-84-28; (49638) 20-685

ISBN-13: 978-5-902073-73-4

9 785902 073734